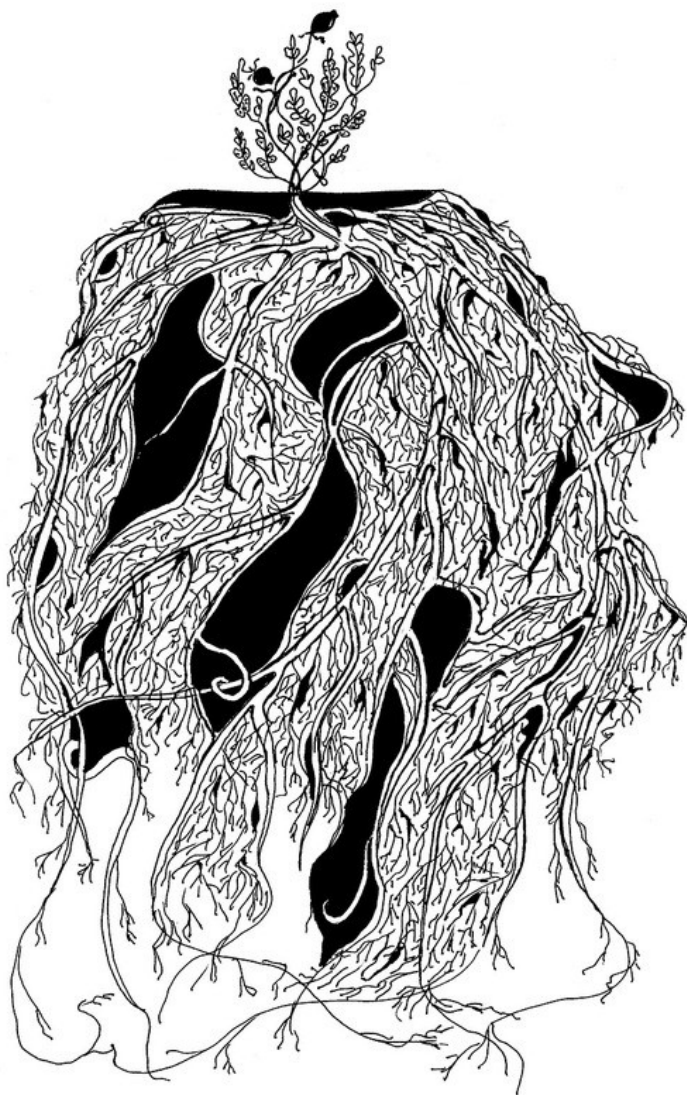

ВСЁ
книга Шиповника

ImWerdenVerlag 2017

ВСЁ

книга Шиповника

*Im Werden Verlag
München, 2017*

Шиповник при участии Евгения Клюева

Всё. Книга Шиповника. — München: ImWerdenVerlag, 2017 — 174 с.

ISBN : 978-1-365-84244-3

<http://imwerden.de>
imwerden@gmail.com

Подписано в печать — 24.03.2017, макет и верстка И. Копыт,
Редактор Т. Е. Черткова при участии Н. Васильковой,
ред. ред. и корр. пожелали остаться неизвестными.

Рисунок на обложке из кн.:

К. М. Индженъери-Монтеверди. Атлас российской флоры и фауны. —
Петроград, 1916 (откорр. ЕК).

Страницы этой книги хранят на себе отпечатки пальцев читателей, как
мечталось Шиповнику. Забрызгать страницы кровью и потом читателей,
как тоже мечталось Шиповнику, в издательстве не решились.

*Толстой соседке
по фамилии Абрахамсон
посвящается...*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В один знойный день жизнь внезапно показалась Шиповнику необыкновенно многообразной в своих проявлениях. Он бросил парутройку взглядов вокруг и просто поразился, насколько непохожими друг на друга оказались находящиеся там предметы и явления.

— Возьмем, например, вот эту банку тунца, — сказал он себе, — и сравним ее хотя бы с приветливо машущей мне рукой из окна толстой соседкой по фамилии Абрахамсон. Что между ними общего?

Чтобы ответить на этот вопрос, Шиповник открыл банку и пригляделся к тунцу: обезглавленный

тунец был мертв. Шиповник с грустью закрыл банку и пошел к толстой соседке по фамилии Абрахамсон, намереваясь посмотреть, что у нее внутри. Толстая соседка по фамилии Абрахамсон сразу же разгадала его намерение и, гостеприимно распахнув дверь, ударила Шиповника по лицу финским народным эпосом «Калевала», которым она зачитывалась.

— Ну вот, — подытожил Шиповник, с огорчением вернувшись домой. — Между банкой тунца и толстой соседкой по фамилии Абрахамсон нет ничего общего. Что и требовалось доказать.

Он основательно подумал и на всякий случай добавил:

— Аминь.

Зачем он это добавил, Шиповник тогда и сам не понял.

Тут как раз настало время сравнить что-нибудь другое с чем-нибудь третьим. Шиповник сравнил рожок для надевания обуви с человеческой совестью, но опять не нашел ничего общего. Потом он сравнил воткнутую им в перезревшее яблоко зубочистку с воспетым Лермонтовым Кавказом — результат оказался тем же.

Шиповника затрясло.

— Как многообразна жизнь! — только и успел воскликнуть он и упал замертво.

Так Шиповник испытал первое и единственное в своей жизни озарение. Очнувшись, он уже знал всё. Шиповник сразу же заметил, сколь тягостно это знание, и решил поделиться им с человечеством. Благодаря этому благословенному решению и появилась книга «Всё», в один день сделавшая Шиповника знаменитым и давшая пищу для раздумий многим и многим поколениям ученых — специалистов в самых разных областях знаний.

С их комментариями и публикуется эта книга.

P. S. Страницы книги хранят на себе отпечатки пальцев читателей, как мечталось Шиповнику. Забрызгать страницы кровью и потом читателей, как тоже мечталось Шиповнику, в издательстве не решились.

Глава¹ 0²
0³ многообразии
проявлений⁴

0⁵, как же все-таки они многообразны,

1 «Личная скромность Шиповника не имела никаких границ и была присуща ему с младых пеленок. В Архиве Фанни Волконской (АФВ, Ш1057–4631, раздел 145, разул 146) хранится подаренная Шиповнику матерью книга под названием “Быт и нравы третьей половины XIX века” с трогательной надписью: “Моему лично-скромному Шиповнику от его же матери. Помни, Шиповник: нахальство — второе счастье”. Внизу — трясущейся от личной скромности рукою маленького Шиповника — сделана приписка: “Быть счастливым дважды — в мире, где некоторые не бывают счастливыми и один раз, — есть свинство свинств”. На фоне этого становится понятным, почему Шиповник не назвал части своего великого сочинения, например, “осколками раздумий” или “кристаллами опыта”. Как известно, он дал частям книги более чем скромное название — “главы”, словно это какая-нибудь “Сага

о Форсайтах” или “Война и мир”. Говорят, что первоначально Шиповник — ведомый личной скромностью — и вообще хотел ограничиться лишь одной главой, чтобы не отнимать у читателей слишком много времени на чтение. Только после долгих и мучительных колебаний он решил воспользоваться принципом: “Одна глава хорошо, а две — лучше”. Творчески развив этот принцип, Шиповник в конце концов предъявил миру тридцать глав, но, застенявшись перед выходом книги, выбросил из нее ровно половину. Считается, что от этого книга сильно выиграла, а читатели сильно проиграли». — *В. Дребезец*. Философские искания и находения Шиповника. СПб., «Терновник», 1961, с. 978.

- 2 «Поразительна по своей глубине числовая система, принятая Шиповником при нумерации глав. Мимо внимания вдумчивого наблюдателя не пройдет тот факт, что книга под названием “Всё” открывается главой под номером 0, то есть — “ничто”. Тонкость этого хода трудно переоценить — и мы даже не будем пытаться переоценивать: нам, пожалуй, и оценить-то ее не под силу. Гигантский смысловой прыжок из ничего во всё, сделанный Шиповником уже на подступах к теме, сразу же оставляет читателя безнадежно позади. Отныне ему, читателю, суждено постоянно нестись по следам Шиповника, в безнадежной погоне за ускользающей мыслью гения. Есть ли лучший способ дать читателю почувствовать полную его ничтожность? “Ты хорёк, а я орёл”, — как бы дружески говорит читателю Шиповник, сразу ставя всех на свои места и воздавая каждому по заслугам. И в то время, как он сливается с мирозданием, мы остаемся в пропасти нуля. В своем невежестве мы не видим ясной перспективы, уже нарисованной нам великим мыслителем: эта перспектива — бесконечный ряд натуральных чисел, ведущий от нуля сначала

к единице, потом к двойке, к тройке, к четверке и далее. Именно так (и никак иначе!) нумерует свои главы великий Шиповник, соблюдая строгую последовательность чисел и не давая нам ни на минуту отклониться от курса». — Б. Астард. Хорёк и орел, или магия числа у Шиповника. Орел, изд-во ГУ, 1964, с. 789–790.

Э «Несмотря на то, что сам Шиповник являл собой воплощенное совершенство, он был очень терпимым к недостаткам других — особенно к человеческой глупости. Многим даже казалось, что больше всего на свете он любил дураков. Во всяком случае, в его собственном окружении умных людей вообще не было. А когда один очень умный человек стал навязываться ему в друзья, Шиповник, избив умника до полусмерти, прогнал его от себя с такими словами: “Пошел отсюда, головастик!” В исторических источниках можно найти сведения о том, что вечером того же дня этот очень умный человек наложил на себя руки и больше никогда не приходил к Шиповнику. Что же касается дураков, то их Шиповник всегда охотно принимал у себя дома и некоторых даже целовал от умиления. Поскольку Шиповник постоянно общался с дураками, он в конце концов стал очень хорошо их понимать, в то время как умных понимать вообще разучился. Бывало, скажет ему что-нибудь тот или иной прохожий умный человек, а Шиповник смотрит на него с ужасом — и ни гу-гу. И хоть умный человек лоб себе разбей — Шиповник всё равно его не поймёт. Зато уж с дураками лучше Шиповника никто разговаривать не умел. Если до дурака, например, с первого раза что-нибудь не доходило, Шиповник усаживал его за стол, потчевал чаем с клубничным вареньем, а потом терпеливо объяснял всё еще раз.

Об этом нелишне помнить, приступая к чтению названия нулевой главы книги Шиповника. Название открывается предлогом “О”, написанным Шиповником с большой буквы. Давайте спросим себя:

почему из всех букв русского алфавита Шиповник прежде всего выбирает “О”? Теперь как следует подумаем и ответим себе: да потому, что из всех букв русского алфавита “О” больше других напоминает ноль. По существу, это и есть ноль, *resp.* пустое место, заключенное в кружок. Примечательно, что перед нами уже второй ноль и что он следует сразу же за первым нолем, использованным Шиповником в качестве номера главы. Зачем был нужен Шиповнику этот второй ноль? Ответ прост: Шиповник, привыкший на протяжении всей своей жизни иметь дело с дураками, понимает, что читателям-дуракам с первого раза едва ли удалось вместе с ним совершить прыжок из ничего во всё. Тем, кому это не удалось, терпеливый Шиповник щедро предоставляет возможность сделать вторую, а потом и третью попытку (см. еще одно “О” на той же странице) — причем не грубо, а крайне деликатно, маскируя ноли под всем известную букву русского алфавита. И те из читателей, умственный потенциал которых невелик, снова пытаются в прыжке преодолеть пропасть, отделяющую ничто от всего. Конечно, многие из них гибнут, падая в пропасть, но это уже не вина Шиповника». — *Саматы Виновата* (Япония). Попытка не пытка. — Он с нами и в нас: Сборник статей, посвященных оперативной памяти Шиповника. Моздок. Изд. Моздокского пединститута, 1948, с. 401.

- 4 См. огромную сноску к следующей странице, при слове «проявления», принципиально важном для понимания мирозозерцания Шиповника. На этой странице слово «проявления» понимать не обязательно, да и понять невозможно. — *Примеч. ред.*
- 5 «Научной общественности хорошо известна точка зрения (см.: Б. Астард, *Саматы Виновата* и др.), согласно которой открывающие книгу Шиповника три нуля (хотя, по существу говоря, ноль как

таковой перед нами всего один — первый) суть три “ничто”, из которых автор троекратно заставляет читателя совершить прыжок во “всё”. Остается непонятным, должен ли это быть прыжок в одно и то же “всё” или в три разные “всё”? Как бы там ни было, но подобную точку зрения иначе, чем надуманной, не назовёшь. Надо представлять себе великого Шиповника совершенно вислоухим, чтобы заподозрить (его — *примеч. ред.*) в том, что в его философской системе могло оказаться место для трех “ничто” и трех “всё” (итого — шесть!). От этих “ничто” и “всё”, постыдно размножающихся на наших глазах, как кролики, у серьёзного исследователя просто пестрит в глазах. Для него, серьёзного исследователя (каковым, разумеется, мы себя небезосновательно считаем), «ничто» и “всё” суть единичные и только единичные понятия. В мире не может быть ни трёх, ни даже двух “ничто”, не говоря уже о двух или более “всё”. Ироничный ум сразу же воображает ситуацию этакой небесной лавочки, где недалёкий покупатель, обращаясь к далёкому продавцу, говорит: “Дайте-ка мне, голубчик, одно всё... нет, дайте лучше два всего!” — “А не многовато ли Вам будет?” — вправе ответить продавец точно так же, как он вправе спросить: “А не маловато ли Вам будет?”, — если покупателем заказано два ничто!

Наша объяснительная версия присутствия в начале книги Шиповника трёх напоминающих как нули, так и буквы “О” знаков — следующая: здесь мы имеем дело с разомкнутым в вечность восклицанием Шиповника: “О-о-о!” — восклицанием, выдающим его удивление перед бесконечным многообразием действительности (см. начало нулевой главы). Мы слышим истошный вопль интеллекта, недюжинного, но, тем не менее, как бы всё равно не способного вместить в себя богатство окружающего мира». — *Хуго Фергевальтиген. По нулям. Гамбург. Риппербан, 1991, с. 0–1.*

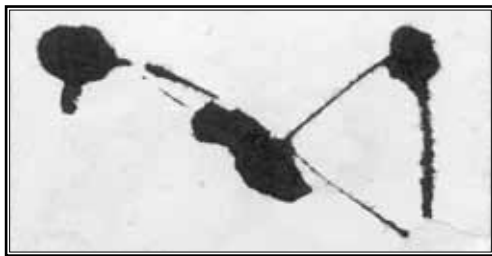
Илл. 1. Обратная сторона фотографии, на которой запечатлено семейство Шиповников в полном составе. Обычно неправильно датируется 1898 г. (Архив Фанни Волконской)

*эти проявления!⁶ Куда ни помотришь —
езде только и делают, что проявляются
проявления⁷. Притом каждое из прояв-
лений проявляется абсолютно по-своему.*

6 «Один так называемый (не нами!) ученый из Чехии, Стрчч Пърст, любит указывать на то, что слово “проявление”, которым широко пользуется Шиповник в своей бессмертной книге, не может, дескать, употребляться изолированно. По мнению С. Пърста, слово это нагло требует после себя уточнения — ср.: “проявление — тру-ности” или “проявление — подлости” и др. под. Мы считаем ниже своего достоинства реагировать на выпады такого рода и урода, как С. Пърст. “Пошел отсюда, головастик!” — повторим мы в его адрес широко известное высказывание Шиповника. Ибо отнюдь и отнюдь не чехам с неприличными фамилиями (“стрчч пърст” переводится с чешского как “просунь палец”), а также — говорю это просто для острастки — не словакам (притом, что лично мы ничего против чехов, в том числе и словаков, не имеем) учить нас уму-разуму, а тем более — материнскому языку». — И. Иванов. Вон! — Газ. «Вонь», Иваново, 2002, № 635, с. 2.

7 «Точность философской мысли Шиповника непостижима. Для объяснения сложнейшего философского пассажа он, как правило, запыхавшись, прибегает к единственно возможному в данном случае слову. Так, описывая проявление проявлений, Шиповник находит потрясающий по своей точности предикат — “проявляться”. Понятно, что лексические открытия подобного рода требуют тщательнейшей проработки едва ли не всего

Илл. 2. Три кляксы, уроненные Шиповником при написании 1-й главы «Всего». Датировка отсутствует. (Архив Фанни Волконской)

тезауруса человечества в целом. Миллионы и миллионы слов приходится подвергнуть самому скрупулезному анализу и снова отбросить, прежде чем найдётся наконец-то единственное слово, которое одно только и способно исчерпывающе охарактеризовать объект. “Проявления проявляются”, — пишет Шиповник, и выражение это звучит как гром среди ясного неба. “Ну, конечно! — бьёт себя по лбу, по щекам, по зубам читатель. — Так и только так пристало выражаться гению, а иначе и не скажешь”. Глубинные, доисторические связи между словами гудят в великой книге Шиповника. Те связи, которые внезапно являются нашему затуманенному подобиями взгляду во всей своей неприкрытой первозданности: стояк стоит, свет светит, предатель предаёт, любовник любит, врач врёт, Ленин ленится, курица курит... а проявления — проявляются. Тут трудно что-нибудь возразить: поди-ка поспорь с вековой логикой языка! “Ничто в мире не случайно, — как бы ненавязчиво учит нас Шиповник. — Вглядись в любое проявление, и в нем самом ты увидишь скрытую от непосвященных причину того, что оно проявляется именно так, а не иначе”. — А. П. Чихов. Языковые корни Шиповника. М. — СПб., изд. «Сады и парки», 1989, с. 98.

В мире нет и двух⁸ одинаковых проявлений — и даже если кому-то покажется, что, предположим, выдра и тундра⁹

8 «Двоичность представляет собой одну из наиболее заметных черт мировоззрения Шиповника. Очевидцы рассказывают, что любимой пословицей великого нашего современника была “дважды два — четыре”. Как-то вечером он объяснил это тем, что в данной пословице число два встречается два раза, от чего у него, по его собственному признанию, кружится голова и уходит из-под ног философская почва. Интересно наблюдение И. З. Дрездена — врача-окулиста районной поликлиники № 45678 г. Ливны, где Шиповник любил проводить заслуженный отпуск: “Шиповнику присуща бинокулярность зрения — свойство, редко наблюдающееся у людей, но характерное для морских свинок. Благодаря ему Шиповник и морские свинки каждым глазом видят мир по отдельности. Таким образом, в скошенном поле их зрения оказывается не одно мироздание, а два мироздания, сливающиеся в одно”. Морские свинки не отдают себе в этом отчета, но Шиповник отдавал. Именно благодаря бинокулярности он легко мог оперировать такими категориями, как два (и более) “ничего”, два (и более) “всего” и два (и более) чего угодно, так что возражения Хуго Фергевальтигена в адрес Б. Астарда и Саматы Виновата отнюдь не кажутся нам ни состоятельными, ни вообще осмысленными». — Цит. по: *Любовь Слепых*. Недреманные Очи. М., «Луч», 1969, с. 289–104.

9 «Заметим, кстати, что среди ограниченной части народов русского Севера (колвинцы, яранцы, нганасаны, энцы, селькупы и особенно — тундровые ненцы) за последние десятилетия развился настоящий культ Шиповника. Любовь к его философскому наследию здесь повсеместна, а факт распространения в соответствующих регионах самобытных воззрений Шиповника вызывает постоянно растущий интерес научной общественности. В истоках рек Пур, Надым и по некоторым притокам Средней Оби доброй традицией считается праздновать день рождения и день смерти Шиповника — соответственно 13 и 14 мая по новому стилю. Кстати, такой маленький разрыв между этими датами послужил основой бытующего здесь заблуждения, ставшего местным поверьем, будто Шиповник прожил на свете всего один день. Накануне этого светлого дня мужчины особенно много времени проводят в тайге, охотясь на оленей, женщины остаются дома и ждут, когда мужья вернутся домой с водоплавающей дичью, в то время как к праздничному столу — что весьма неожиданно — подаётся неизвестно откуда взявшаяся рыба. Вечером ограниченная часть народов русского Севера, разодетая в малицы и сокуи, а также разобутая в пимы, пляшет или плачет — в зависимости от того, 13 или 14 мая на солнечном календаре. А глубокой ночью начинается паломничество в сторону ненецких чумов: отношения ненцев с философским наследием Шиповника наиболее интимны. Здесь, у чумов, покрытых берестой в честь праздников, ненецкие роды — еркары — и многочисленные гости собираются на общую сходку, чтобы лишний раз послушать фрагменты из “Всего” — сначала на тундровом, а потом — на лесном диалекте ненецкого языка.

Вплоть до последнего времени пристрастие ограниченной части народов русского Севера ко “Всему” казалось многим

Илл. 3. Чудом уцелевший в третьих руках фрагмент рукописи 1-й главы «Всего». (Передан П. И. Столетову третьими руками в 1932 [1996?] году)

непонятным. Ученых сильно удивляло, в частности, то, что ненцы, особенно тундровые, считали себя народом, по той или иной причине избранным Шиповником. Однако недавно выяснилось, что тундровые ненцы, к сожалению, заблуждаются и что заблуждение это вызвано лексическим недоразумением, которым ненцы обязаны одному из своих образованных соотечественников. Побывав на большой земле и пленившись там научной статьей *Саматы Виновата* из Японии, которая еще в 1948 году была опубликована в Моздоке, в сборнике статей, посвященных оперативной памяти Шиповника, образованный соотечественник вычитал, что на протяжении всей жизни Шиповника, дескать, окружали лишь юраки. А поскольку «юраки» — одно из названий ненцев, образованный соотечественник и счел ненцев избранным Шиповником народом. Образованному соотечественнику и в голову не могло прийти, что в тексте *Саматы Виновата* речь шла вовсе не о юраках, а о дураках. Однако недоразумение разрешилось слишком

Илл. 4–5. Два портрета Шиповника, начиная с бороды и кончая грудной клеткой, сделанные в разные годы его земной жизни. (Архив Я. Шипа, выдающего себя за единственного сына Шиповника)

поздно, когда среди ненцев, а затем и среди ограниченной части других народов русского Севера уже воцарился культ Шиповника». — Варвара Самоед. Становление современной северо-самодийской культуры. Нарьян-Мар, «Экзогамная фратрия», 2003, с. 3002.

проявляются почти одинаково¹⁰ или это голод и холод хоть в чем-то напоминают

10 «В своей философской практике Шиповник как никто последовательно проводил линию полного бесподобия каждого из компонентов всего сущего. Даже когда он просто хотел одобрить что бы то ни было, он не употреблял других слов, кроме “бесподобно”: Что Вы скажете об этих подобных тругольниках? — Они бесподобны; Вот человек, воистину созданный по образу и подобию Божию! — Он бесподобен; Как Вам нравится преподобный Варфоломей? — Он бесподобен; и так далее. Говорят, Шиповник приводил своих знакомых родителей в ужас, настаивая на том, что дети их бесподобны, то есть ни в чем не подобны родителям, желавшим видеть их похожими на себя. “Это вообще-то Ваш ребенок?” — тщательно исследовав того или иного отпрыска, подозрительно спрашивал он кого-нибудь из родителей, после чего родитель прижимал чадо к себе и убегал с ним в темный лес. Между тем чадо тщетно пыталось вырваться из объятий, все более сомневаясь в родительских правах на себя того, кто насильно тащит его в самые дебри. А Шиповник стоял и улыбался просветленной улыбкой.

Известен случай, когда к Шиповнику привели двух братьев-близнецов, настаивая на том, что они полностью подобны друг другу и что между ними, стало быть, нет никаких различий. Придирчиво ощупывая братьев, Шиповник случайно оторвал одному из них ухо — с этого момента никто уже не мог отрицать, что

между близнецами есть известная разница, а именно — разница в количестве ушей.

Когда в промышленности распространился способ конвейерного производства товаров, любимым занятием Шиповника стало скупать товары партиями. После того, как товары на грузовиках доставляли ему домой, Шиповник поспешно освобождал их от тары и принимался поштучно обмерять и взвешивать каждую единицу. Результаты тщательно регистрировались им в особых тетрадях, на обложках которых аккуратным почерком Шиповника было выведено: “Наблюдения над богатством окружающего мира”. Таких тетрадей остались после него сотни. Листая их, поражаешься тому, насколько прав был Шиповник, утверждая, что каждый из компонентов сущего бесподобен. Так, разница между болтами из одной и той же упаковки подчас действительно оказывалась вопиющей. Некоторые из них были на несколько сантиметров, а иногда и метров короче прочих, ни один по толщине не совпадал с другим, не говоря уже о том, что все они были сделаны из разных металлов. Оставалось только удивляться тому, что их упаковали в одну и ту же коробку!

Испытывая на себе действие разнообразных медицинских препаратов, Шиповник доказывал, что между одними и теми же таблетками в упаковке тоже нет ничего общего. Мир и по сегодняшний день зачитывается лаконичными записями Шиповника в дневниках, которые он вел по ночам и потому называл “ночными”. Вот одна из таких записей:

“Действие десяти таблеток цитрамона на один живой организм.

15.15. Съел таблетку цитрамона, чтобы заглушить головную боль, — голова не только не перестала болеть, но заболела еще сильнее.

15.25. Съел вторую таблетку цитрамона. Голова все еще болит, но меньше: так же, как до приема первой таблетки цитрамона.

15.40. Съел третью таблетку цитрамона. Голова перестала болеть.

15.52. Съел четвертую таблетку цитрамона. Голова продолжает не болеть, но начинает болеть живот.

16.05. Съел пятую таблетку цитрамона. Живот болит так сильно, что на голову уже наплевать.

16.25. Съел шестую и сразу за ней седьмую, восьмую и девятую таблетки цитрамона. Боли в животе исчезли, но началась рвота.

16.30. Попытался съесть десятую таблетку цитрамона, но она попала в дыхательное горло, перекрыв дыхание. Чуть не умер от асфиксии.

Вывод: несмотря на то, что одна таблетка цитрамона, на первый взгляд, напоминает другую, они не имеют между собой ничего общего, ибо их воздействие на организм полностью различно.

Как же все-таки многообразен мир!"

(Ночники Шиповника: Инв. № 236501. Запись от 1 фонаря. — ПОГИБЛ, Арх., Фонды, ДСП, Цитр. 453–XVIIa.)

Неудивительно, что именно Шиповнику научная теория обязана особым типом аргумента, введенным им в обиход ученых. Аргумент этот получил название “эмпирического аргумента”, но более известен как “аргумент Шиповника”. К нему Шиповник прибегал, если ему приходилось доказывать положения, для подтверждения которых не годились сугубо вербальные средства.

Илл. 6. Фотография расстояния от Москвы до Малаховки (август 1962 г.). Фотография расстояния от Малаховки до Москвы (август 1962 г.) не сохранилась. — *Примеч. ред.*

Так, когда б. министр путей сообщения позволил себе в газете “Советский транспорт” безапелляционное заявление, в соответствии с которым расстояние от Москвы до Малаховки равно расстоянию от Малаховки до Москвы, Шиповник, весело расхохотавшись, сел в электричку и проехался сначала из Москвы в Малаховку, а потом из Малаховки в Москву. Разница во времени составила четыре часа двадцать пять минут шестнадцать секунд в пользу расстояния от Малаховки до Москвы — причем последний участок пути Шиповнику пришлось вообще преодолевать пешком, ибо в течение следующих суток железная дорога на этом участке была обесточена. Так был посрамлен б. министр путей сообщения, в то время как Шиповник — лишний раз прославлен.

Все упомянутое, а тем более все неупомянутое, неопровержимо свидетельствует о верности взятого Шиповником курса на доказательство принципиальной неповторимости каждого элемента мироздания, уникальности любой сущности, несовместимости ее с прочими сущностями, ее одиночества и — в конечном счете — враждебности по отношению ко всем остальным сущностям». — *Н. Е. Трогай. «Разъяслась дней...».* — Вопросы философии и ответы истории / Журнал Исторического кружка при философском обществе Перми. Пермь, 1989, № 3, с. 45–46.

«друг друга»,¹¹ — это лишь грубое свидетельство антинаучного подхода¹² к нашей объективной действительности.

11 «Поздний Шиповник заключал словосочетание “друг друга” в кавычки. 2.7.1971 молодой тогда еще Столетов, работавший при кафедре научного коммунизма ЧУМЭЛ (Челябинского университета марксизма, энгельсизма и ленинизма — примеч. ред.), посетил Шиповника на его даче в Приобье. Там Шиповник поделился с ним последними своими планами (Шиповник всегда делился последним) по поводу издания книги на грузинском языке. Шиповника сильно смущало, что мой брат, только что назначенный тогда редактором грузинского издания “Всего”, настаивал на необходимости снять кавычки при “друг друге”, против чего Шиповник решительно возражал. “Видите ли, голубчик, — сказал он Столетову во время той памятной встречи, — если предметы окружающей нас действительности настолько разобщены, что кажутся просто враждебными, нет никакого смысла употреблять по отношению к ним словосочетание «друг друга»... тут уж, скорее, годилось бы сочетание «враг врага». Вот его я в кавычки заключать бы не стал — если бы, конечно, вообще отважился употребить это выражение публично. Но, боюсь, меня обвинят в научной нетерпимости. Так что я телеграфировал моему грузинскому редактору: «Предлагаю употреблять друг друга в кавычках». И — что же Вы думаете? Получил в ответ

телеграмму престранного содержания: «Долой кавычки, дорогой, давай просто употреблять друг друга! Твой Сандро» (цит. по кн.: *П. И. Столетов. В дыму прошлого. Chelyabinsk Publishing House / Челябинский публичный дом, 2001, с. 78*). К сожалению, отголоски этой принципиальной для понимания позднего Шиповника научной дискуссии с *Сандро Обманули* долетели до нас только недавно, когда книга ныне покойного *П. И. Столетова*, годами пылившаяся в столе заведующего Челябинским публичным домом, наконец вышла в свет и встретила там с благодарным читателем». — *Сулико Обманули. Брат-редактор. Москва, ЗАО «Чемо карго», 2003, с. 397.*

12 «О том, что подход ко всему должен быть научным, Шиповник не уставал повторять никогда. С этим, однако, не согласен мелкобуржуазный исследователь *Пол Тинник*: в нашумевшей книге «Зрелый Шиповник», недавно вышедшей за океаном (имеется в виду Атлантический океан — *примеч. ред.*), он пытается убедить отечественного читателя в том, будто непосредственно перед смертью Шиповник все-таки устал повторять это. Трудно согласиться с таким голословным утверждением — особенно если учесть, что непосредственно перед смертью Шиповник вообще ни с кем не разговаривал. Вместо Шиповника с посетителями разговаривал его секретарь, *И. Н. Валидов*, но разговаривал настолько по-хамски, что предположить, будто он хоть в какой-то мере выражал мнения самого Шиповника, абсурдно. Так, *Фанни Волконской*, навестившей Шиповника на смертном одре, *И. Н. Валидовым* было сказано: «Утомила, коклюшка!» — из чего, однако, меньше всего можно сделать вывод, что Шиповника перед смертью одолела усталость». — *С. Волочкова. Последние минуты земной жизни Шиповника/Эссе. — Иной мир, М, 2004, № 1, с. 9.*

Между тем иные¹³ полагают, что видимость идентична сущности. Какое заблуждение! Видимость есть видимость¹⁴,

13 «Многие спрашивали Шиповника, кто они, эти “иные”, которых он упоминает во “Всём”. Однако данный вопрос никогда не заставлял Шиповника врасплох. Вынув из-за пазухи обширный список иных, Шиповник с выражением (вероятно, выражением гнева на лице — примеч. ред. ред.) начинал зачитывать его поименно. Вот некоторые запоминающиеся имена, оставшиеся на слуху у тех, кому посчастливилось слышать Шиповника в эти часы (ибо читка продолжалась часами): “С. И. Барашков, П. О. Згуриди, Роман Воробьев, Н. Т. Краснуха, Л. Д. Страхова, К. П. Эсэс, Валентина Лосось, Т. Я. Смирнов, М. П. Выева, С. Лучников, Н. А. Щокин, Жанна Желудь, Жан и Поль Сартр, М. Тахтынбаев, З. А. Бодай, Вацлав Отрыжка, Зенон, Борис Панин, Н. Е. Чипоренко, О. Н. Муха, А. Я. Белка, Н. У. Идура, Пабло Пикассо, В. С. Трпень, Лира Землеухова, И. Р. Родионов, О. Т. и Д. О. Выходных, С. Алов, Вилен Сидоров, Замир Муравьев, И. С. Туканов, Морис Равель, Чарльз Спенсер Чаплин, И. Х. Надули, Дэви Колошмати, З. А. Сучило, Петров (А. А. — примеч. ред. ред.), Полупанов, Форд Мондео, семейство Паслёновых, пара Зитолог, Т. С. Бабка, Вида Грустите, М. О. Явина, Влад Песцов, Р. Р. Разуваев, О. Т. Ворот, Павла

Мертваго, Н. И. Кола, Шелепень, И. З. Лесов, Юрис Прудэнция, Н. А. Фронт, трое Куровых, Петров (-Воткинд — примеч. ред. ред.), С. Н. Аружи, Д. Е. Вочкина, П. Остель, Е. Рыбина-Телятина, Свами Прабхупада, Лысенко, Валерия Жеманьте, Лев Предгорьев, Бесноватых, У. Бегунов, Е. Булычев и другие»». — Примеч. ред.

14 «Большинство выражений Шиповника стало крылатым и разлетелось. Другие же составили своего рода фонд пословично-поговорочных речений — например: “Видимость есть видимость”. Несмотря на то, что данное выражение давно ушло в народ и не вернулось, перед нами — один из самых сложных типов определения, среди ученых метко именуемого “герметичной дефиницией”. Под дефиницией такого типа разумеют дефиницию, закрытую для какого-либо дальнейшего распространения. Она гармонична и симметрична. Ее допустимо сравнить с весами, находящимися в состоянии устойчивого равновесия. Об определениях подобного рода справедливо говорят: “Ни убавить — ни прибавить”. Действительно, дополним дефиницию каким-нибудь словом, например: “Весной видимость есть видимость”. Сразу же возникает масса вопросов: а зимой? а осенью? а летом? Или: “Видимость есть видимость в Корее” — тут вопросов еще больше: а в Казахстане? а в Греции? а в Африке? а в Турции? а в Мордовии? — и т. д. На все эти вопросы нет ответов! Ну, а теперь убавьте из определения хоть одно слово — скажем, первую видимость — и произнесите: “...есть видимость”. Вас тут же спросят: “Вы о чем это, Сивка-Бурка?” И останется вам лишь густо покраснеть, осознав, что посягнули вы на высочайший образец интеллектуального совершенства, уже окончательно кристаллизовавшегося». — Ж. Ижица. Что такое кристалл. — Юный минеролог / Общ.-полит. журнал, 1981/2, с. 9.

*а сущность, наоборот, есть сущность*¹⁵.

15 «У всего ли есть сущность?» — часто спрашивали Шиповника при и после его жизни. — «Да, — с неизменным достоинством отвечал тот, — сущность есть у всего», — и был совершенно прав. Знаменитому на весь мир итальянскому ученому *Уго Раздильло* в 1912 году удалось проследить за ходом рассуждений Шиповника (кстати, именно после этого *Уго Раздильло* и стал знаменитым на весь мир). *Уго Раздильло* владел стенографией: попросив Шиповника встать у стены, он нарисовал на стене весь график его рассуждений. Впоследствии переведя этот график на бумагу, *Уго Раздильло* расшифровал стенограмму следующим образом: «Вот Вы спрашиваете меня, у всего ли есть сущность. Отвечаю Вам: да, у всего. Иной раз кажется, будто у чего- или кого-либо нет сущности — например, у какого-нибудь паршивого пса. И правда: откуда у него сущность, на первый взгляд? Ходит да гадит где попало — вот и вся тебе сущность [короткий смешок Шиповника — примеч. *Уго Раздильло*]... А Вы задайте-ка себе хоть такой вопрос: существует ли этот пес вообще? Уверяю Вас, что ответ Ваш будет таков: существует, еще как существует! И что же следует из того, что он существует, дорогой Вы мой *Уго Раздильло*? Как это — «ничего не следует»? Вы думайте, прежде чем утверждать-то что бы то ни было!.. Сущее существенно, говорю

я Вам. И одного признания того, что паршивый пес существует (не говоря уже о том, что он, сукин сын, ходит и гадит где попало!), достаточно, чтобы сделать вывод: у паршивого пса есть сущность — иначе как бы он мог существовать? Существовать без сущности? [заливистый смех Шиповника — *примеч. Уго Раздйлло*]. Это ведь так же невозможно, как прясть без пряжи, грызть без грыжи, грезить без грез и мыться без мыла! Опять возражаете... Да какое ж это мытье — без мыла-то? Вот и получаете Вы тогда не человек, а паршивый пес, если без мыла моетесь! [раскатистый смех Шиповника — *примеч. Уго Раздйлло*]. Мыться без мыла — все равно что не мыться: если бы можно было одной водой мыться, то это называлось бы не «мыться», а «водиться». Между тем «водиться» означает «быть с кем-либо в мире». Если я скажу, что я с Вами вожусь, это отнюдь не будет означать, что я Вас мою или Вы меня моете, — надеюсь, хоть против этого-то Вы не возражаете? Так ведь то же самое — и со всем сущим: если существует — значит, и сущность есть. А ходит ли носитель данной сущности при этом и гадит где попало — что ж с того? Все мы ходим, все мы при определенных обстоятельствах гадим где попало». Так в своей книге «Я — паршивый пес» *Уго Раздйлло* воспроизводит ход рассуждений Шиповника, под конец замечая: «Посрамленный и положенный на обе лопатки, я долго не мог прийти в себя. Лопатки сильно болели. В конце концов я преодолел боль, поднялся и осмотрелся: Шиповника поблизости уже не было. Только теплый ветерок шелестел над ухом, словно нашептывая мне: «Ну и козел же ты, *Уго Раздйлло!*» Медленно побрел я в свой одинокий дом — и люди, уже прослышавшие о моем интеллектуальном фиаско, плевали мне вслед. Тогда я еще не знал, что стал просветленным». — Цит. по кн.: С. Рук. Он. Псков, «Сэконд Хэнд», 2002, с. 730.

Теперь о другом. Человечество¹⁶ всегда интересовалось Всем. За гранью единичности оно искало Всё, то и дело громко и безрезультатно окликая его по имени¹⁷,

16 «Шиповник очень любил людей, особенно чужих. Своих Шиповник, кстати говоря, вообще терпеть не мог. Ср.: «Когда он служил в армии [В качестве рядового бойца уже невидимого в те времена на фронте Шиповник пробыл в рядах Вооруженных Сил 25 лет, с 1952 по 1977 гг. — примеч. ред.], ему частенько приходилось стоять на боевом посту, охраняя дальние и ближние рубежи нашей Родины. Впоследствии враги нашей Родины рассказывали, что в свое время широко пользовались этой чертой характера Шиповника. Они, например, знали, что на окрик несущего боевую вахту Шиповника: «Стой, кто идет?» — ни в коем случае нельзя было отвечать: «Свои», — ибо тут-то Шиповник как раз и начинал очень сильно стрелять из винтовки. Но стоило сказать: «Чужие», — он тут же успокаивался, опускал винтовку и даже иногда засыпал. Уже одно это сильно отличало Шиповника от серой солдатской массы». — Б. У. Зотер. Бойцы видимые и невидимые. М., КГБ-Пресс, 1999, с. 89.

«Любовь Шиповника к чужим была настолько сильной, что он постоянно приставал к посторонним на улице. Люди шарахались в сторону, едва завидев в отдалении его монументальную фигуру: откуда им было знать, что это их единственный шанс потрогать

гения или дать гению потрогать себя!» — О. Х. Лишенько. Мы сами порой проходим мимо своего счастья, не замечая его. Рыбинск, «Клёв», 2004, с. 201.

- 17 «Многие считают именно данное место у Шиповника самым темным. Впервые на это обратил внимание М. Яснов, отметивший как бы ненароком: “У Шиповника одно место очень темное” (М. Яснов. Об одном месте у Шиповника. — Ученые записки ВНИИ оптических приборов. Глазов, ВНИИОП, 1939, с. 112). После этого в научных кругах стало принято чуть ли не перешептываться: “А Вы видели одно место у Шиповника? Оно до того темное, что просто странно! Сам весь такой светлый, а одно место — темное...” и т. д.: все это, конечно, хорошим академическим тоном никак не назовешь. Обидно, что кое-кто из реакционных исследователей (в виду имеется, конечно же, Хуго Фергевальтиген — примеч. автора) быстро взял слухи на вооружение: вооруженный, он схватился за одно место у Шиповника и этим местом принялся — по-другому тут даже и не скажешь! — охаживать научную общественность по башке. Впрочем, в подобной разнузданности представителей западной науки, конечно, нет ничего удивительного: как говорится, знаем мы таких поборников истины! Отечественной же науке то, что одно место у Шиповника было темное, никогда не мешало — ибо, как выразился впоследствии 25 лет пролежавший на полке опальный интеллигент Сизокрылов, “и на солнце есть пятна” (Г. Сизокрылов. Радиопередача “Оставьте в покое одно место у Шиповника!” — Голос Родины, 13 сентября 1960 г., 0 часов 4 минуты). С тех пор обсуждаемое здесь одно место у Шиповника больше не трогали — по-хорошему, оно до сих пор еще нуждается в научной экспертизе». — В. Лад. Штрихи к портрету Шиповника. Минск, изд-во «Запретный плод», 1986, с. 94.

*но имени у Всего не было¹⁸. Между тем
человечество на отрез¹⁹ — и еще раз
на отрез отказывалось воспользоваться*

18 «Как назвать всё?» — веками озадачивались ведущие представители мировой философской мысли, но удовлетворительного ответа — не говоря уже о хорошем или отличном — никто, увы, предложить не мог. То его, это “всё”, называли глупым словом “абсолют”, то никому не понятным словом “атман”, то каким-то вообще уж доморощенным — “мировая душа”, то еще чем-нибудь... Но ничего из предложенного в конце концов так и не подошло — к концу XX века мировая философская мысль фактически зашла в тупик и, видимо, была обречена остаться там навсегда. Черту под этими исканиями практически уже подвели, когда Шиповник обратился к измученной мировой философской мысли с такими ироническими словами: ну, что, дескать, мировая философская мысль, сидим кукуем? А какие проблемы? Не знаем, как назвать всё? Так и назвать: “всё”! Была охота — мучиться! Скажем, стул назван “стул” — и никому не приходит в голову искать для стула еще какое-нибудь имя... Говорят, что, ошарашенные простотой разгадки этой вечной загадки, ученые надолго остолбенели». — *Галина Заратустра*. Нет проблемы / Докл. на научн. студенч. конференции, посвященн. пробл. — Сборник докладов научной студенческой конференции, посвященной проблемам. Чебоксары, ЧеГУ, 2000, с. 34.

19 Типичный случай авторской орфографии. — *Примеч. ред.* Ср.: «Поскольку Шиповник много лет проработал портным в объединении “Вся красная швея”, опыт этой работы не мог не наложить на него своего отпечатка. Профессионализмы навсегда стали зримой чертой его языкового портрета. Так, слово “наотрез” Шиповник обычно писал отдельно — и, когда очередной редактор указывал ему на якобы орфографическую неправомерность, Шиповник, усмехаясь, говорил: “Нам, портным, виднее!” Как-то он признался (под пытками. — *Примеч. ред.*), что не может писать “на отрез” слитно, ибо между предлогом и словом всегда слышит щелчок ножниц. Большие портновские ножницы, кстати, Шиповник постоянно носил с собой, считая их предметом первой необходимости. Любимой забавой его было отхватить что ни то у какой-нибудь красивой девушки — то цветного подола кусок, то косу русую, а то и мочку-другую уха — и весело рассмеяться. Девушки, впрочем, на него не обижались — понимали: шутит ученый... Что до профессионализмов, то и здесь Шиповнику — как профессионалу — равных просто не было. Те, кто записывали за ним (а таких во все годы жизни и даже после смерти Шиповника были тысячи: “мои крохоборы”, — ласково называл их ученый), неизменно терялись перед сокровищницей языка гения. Впрочем, честь им и слава: толпами сопровождая Шиповника, куда бы тот ни шел, именно они и сохранили для нас драгоценные жемчужины его профессионализмов. Вот только один пример: когда четвертой супруге Шиповника хирург, недоглядев, пришел вырезанную по ошибке селезенку не изнутри, а снаружи, Шиповник, смеясь до колик, охарактеризовал супругу такими словами: “Неладно скроена, да крепко сшита!” — и стал любить ее еще сильнее». — *О. Козлів.* В мире слів. Львів. Розлів, 1991, с. 1.

тем, фактически²⁰ единственным, именем, на которое Всё только и могло опознаться, то есть, именно, именем по имени Всё.

20 «Верность факту была присуща Шиповнику со времен войны 1812 года. До этого он не придавал особого значения фактам и часто их оспаривал. Переломным моментом в его мировоззрении стала война. Оставшись почти один на один с сожженной французами Москвой (район Замоскворечья, где еще и сегодня можно полюбоваться величественным пепелищем — местом прежнего обитания шиповников), малолетний Шиповник вынужден был смириться с грубой реальностью факта: в Москве — французы. С этого времени Шиповник говорил только по-французски, считал себя французом, стал исключительно неразборчивым в своих сексуальных контактах и даже научился есть лягушек. Однако опыт, вынесенный им из войны с французами, был гораздо более широким: отныне Шиповник уже никогда не шел наперекор фактам. И, как только Москва опять отошла России, Шиповник сразу же заговорил по-русски, стал считать себя русским, упорядочил свои сексуальные связи, а лягушек есть прекратил, перейдя на сбитни и бивни. Теперь его богом стал факт. В 1943 году кто-то спросил Шиповника, почему он не начинает говорить по-немецки, считать себя немцем, сводить свои

сексуальные связи к минимуму и привыкать к колбаскам и пиву, и Шиповник ответил: “Еще не факт, что немцам удастся завоевать Москву. Вот когда они ее завоюют, я охотно склоню голову перед фактом, перейду на немецкий... и все такое прочее”. История показала необыкновенную прозорливость Шиповника. Немцам не удалось занять Москву — и потому в жизни Шиповника не наступило никаких разительных перемен к худшему. Смирясь с реальностью факта, он на протяжении всех послевоенных лет был коммунистом, говорил языком плаката, вычеркнул секс из своей жизни и питался исключительно черной, в крайнем случае — красной икрой. Однако в середине восьмидесятых годов, когда реальность факта потребовала от него пересмотра (его — *примеч. ред.*) жизненной позиции, Шиповник бросил на стол в прихожей партийный билет, заговорил языком улицы, резко поменял сексуальную ориентацию и принялся питаться грибочками и огурчиками. Все это и свело его в могилу, которую выкопали, с учетом (его — *примеч. ред.*) изменившейся сексуальной ориентации, на кладбище под названием “Новодевичье”. Факта своей смерти Шиповник никогда не отрицал и принял его так же безоговорочно, как принимал и факты своей богатой событиями жизни. После смерти он через средства массовой информации не раз делал заявления о том, что подлинный ученый никогда не станет оспаривать фактов, какими бы они ни были. “Вы же фактически мертвы!” — не раз ставили ему на вид особенно дотошные журналисты. — “Не спорю”, — как правило, отвечал им Шиповник и принимался нагишом бегать по Москве, объясняя это тем фактом, что “мертвые сраму не имут”. — *И. З. Дыхалова*. Шиповник: Очерк жизни и творчества. Красноярск, Государственное издательство красноярской литературы о жизни и творчестве Шиповника, 2003, с. 539.

Если же по-настоящему загореться²¹ поисками ответа на вопрос о том, куда оплести все эти так по-разному проявляющиеся проявления, — поиски эти приведут нас

21 «В биографии Шиповника есть принципиально важная страница: в течение долгих лет он работал пожарным при пожарной части МРЗ-бис, занимая пост начальника подразделения по тушению пожаров на объектах особо важного назначения. Отсюда его пристрастие к пожарной лексике, нет-нет да и дающей о себе и о нем знать. Так, вместо слова “заинтересоваться” Шиповник зачастую пользуется словом “загореться”, вместо “замолчать” — “угаснуть” (“Угасни, докладчик!”), вместо “голова” — “каска” (“У тебя, что, каска совсем пустая?”), вместо “горло” — “шланг” (“Весь шланг заложило”), а вместо “сердце” — “пламенный мотор” (“От пламенного мотора отлегло”) и т. п. Это делает речь Шиповника яркой и образной, придавая ей какой-то неповторимый оттенок. Многие жалкие эпигоны пытались воспроизвести терпкое обаяние языка ученого, но ни у кого это как следует не получилось. Так, *Н. Сохатый* тщетно старался наполнить свою речь словами и выражениями, почерпнутыми из фигурного катания — порождая неуклюжести вроде “двойной тулуп наукообразия” или “интеллектуальный пируэт”. *З. А. Порожец*, ориентируясь на язык рыболовов-спортсменов, насыщал свои

труды перлами типа “спиннинг мысли” или “блесна остроумия”. Но всех превзошел *Борис Овмусатов*, насаждавший в академических кругах лексику парикмахеров: в работах его тесно от формулировок типа “научная перхоть”, “омертвевшие луковицы рассудка”, “трехдневная щетина на поверхности мысли”, “дерзость и страсть в одном флаконе” и др. под. Искусственность этих уродливых построений в работах вышеупомянутых авторов так же налицо, как и органичность профессионального тезауруса пожарных в речи Шиповника. Тому, разумеется, есть естественное объяснение: для Шиповника пожарная лексика — не средство украшения и без того совершенного текста “Всего”, но пропущенная через разум и сердце языковая стихия, в огне которой Шиповник чувствовал себя как рыба в кипящей воде. В ней он провел около пятнадцати лет, за время службы спасши из пламени десятки и сотни объектов особо важного назначения. Как только Шиповник прибывал на место возгорания, он тотчас же справлялся о том, особо важное назначение у горящего объекта или просто важное. Если назначение объекта было просто важным (например, библиотека или больница), Шиповник обычно не опускался до пожаротушения, предлагая это делать либо читателям, либо больным. Если же выяснялось, что перед ним объект особо важного назначения (например, здание министерства или, что еще хуже, здание российского парламента), Шиповник не медля шел в огонь, чтобы погибнуть там. Его личный пример вдохновлял коллег-пожарных, общими усилиями успешно тушивших пожар. Поразительно, что при этом Шиповник не прерывал интеллектуального труда, работая над своей бессмертной книгой: ее страницы щедро облизаны языками пламени страшных пожаров». — *Д. А. Вазелин*. Шиповник в огне. Москва, Бренд, 1997, с. 85.

лишь ко Всему²². Поет ли птичка на ветке, плещется ли рыбка в волнах, шевелится ли мышка в норе, сопит ли медведь в берлоге, несетя ли лань по просеке,

22 «Окончательно выжившая из ума *Фанни Волконская* с ее пресловутым архивом (который на самом деле архив вовсе не Шиповника, но — гида *Мопассана*) никак не утихомирится, доказывая всем и каждому, что 87 лет — непреклонный возраст. Из своего туманного Аль-Биона она с упорством лейбориста-консерватора продолжает распространять ложные сведения о Шиповнике. Причем в известных кругах даже опрометчиво считается, будто именно *Фанни Волконская* в свое время довела Шиповника до ручки: не будь якобы ее — Шиповник никогда не написал бы “Всего”. Однако до ручки Шиповника довела не она — до ручки его довела жизнь. В одной из моих смелых статей (см. *И. Н. Валидов*. О моих невероятно близких отношениях с Шиповником, не имевшим никаких тайн от меня. — Сб. “Кто Шиповнику ближе всех?”, Париж — Рим — Москва, 1987, с. 135 — *примеч. ред.*) мне уже доводилось цитировать следующее: “Как сейчас (начало цитаты) помню: жизнь подталкивает меня к лежащей на столе ручке — (середина цитаты) — и говорит мне: «Пиши, Шиповник, пиши!» (конец цитаты)”. Между тем у *Фанни Волконской*, прочитавшей эту

статью впоследствии, хватило наглости утверждать, будто, употребляя слово “жизнь”, Шиповник имел в виду ее, *Фанни Волконскую*, ибо как раз она и была его жизнью и, стало быть, довела его до ручки. Это ли не глупость? Если бы жизнью Шиповника действительно была *Фанни Волконская*, то он бы еще не умер, ибо сама *Фанни Волконская* не только жива, но и нахальна до последнего предела! Между тем как Шиповник фактически мертв. Ему самому на это, конечно, наплевать, но в данном случае речь не о нем, а о принципе!

Сегодня я вспоминаю об этой старой истории вот почему: недавно вконец обезумевшая *Фанни Волконская*, давая интервью газете “Франс Обсёрвер”, договорилась до того, что она, эта коклюшка, и есть не что иное как Всё... Ну, сами посудите! Во-первых, будь *Фанни Волконская* Всё — почему бы тогда Шиповнику просто не назвать свою книгу “*Фанни Волконская*”? Во-вторых, достаточно обратиться к идущему почти сразу после одного темного места светлому месту в книге Шиповника, чтобы понять следующую истину: *Фанни Волконская* даже биологически (!) не может исхитриться быть сразу птичкой, рыбкой, мышкой... не говоря уже о сопящем медведе и прочих включенных в соответствующий пассаж книги Шиповника животных. В лучшем случае *Фанни Волконская* может быть какой-нибудь гадиною... змеею, а больше никем. Ну, собою еще может... некоторое время, пока непреклонный возраст ее не сломит! Вот и решайте сами: нужно нам такое Всё, которое не ровен час концы отдаст? Всё — категория абстрактная, а *Фанни Волконская* конкретна, как простокваша. Кроме того, способные к абстрактному мышлению не имеют архивов!» — *И. Н. Валидов* (ник — *Everything*). Психопатка-террорист из Аль-Биона. — Мастерство публициста / Интернет-конференция на сайте www.kustarniki.org/shipovnik.

шныряет ли белочка в гаще, строит ли бобр плотину на реке, квакает ли лягушонок в пруду²³ — проявления проявляются,

23 «Боже, каким покоем веет от этого гармоничного ряда, как мирно сосуществуют в нем, казалось бы, столь непохожие друг на друга белочка и медведь, птичка и бобр — милые создания Божии, одно трогательней другого! Это ведь надо увидеть, проникнуться этим, впитать это каждой своей порой... Но, увы, не всякий способен увидеть. Возьмем, скажем, *Любовь Слепых* — с ее, мягко говоря, странным рассказом о сомнительном диагнозе некоего *И. З. Дрездена*, поставленном когда-то Шиповнику. Вслед за этим горе-врачом *Любовь Слепых* безответственно утверждает, что Шиповник и морская свинка — практически одно и то же. Тут уж одно из двух: либо *Любови Слепых* не выпало чести наблюдать Шиповника, либо она никогда не видела морской свинки. Ведь разительная непохожесть их друг на друга просто бросилась бы ей в глаза, просто выцарапала бы их — и так ей, кстати, было бы и надо, как ни грубо это прозвучит в академическом издании! “Бинокулярность зрения!” — осмелимся повторить мы. Это звучит обыкновенным издевательством над великим ученым, у которого, как каждому из нас со школьной скамьи известно, от рождения был, к несчастью,

только один глаз... Кроме того, нам доподлинно известно: Шиповник никогда не отдыхал в городе Ливны! Вот что пишет об этом *Яков Гусь* в своей книге “Распространение Шиповника в средней полосе России” (Коломна, “Биология”, 1971, с. 7): “В каких городах мира Вы еще не бывали?” — как-то спросили ученого. Наморщив высокий лоб так, что прикрывающая отсутствующий глаз черная повязка чуть не сползла на подбородок, Шиповник задумался: казалось, не было в мире такого города, в котором он не побывал бы. Наконец, после мучительных размышлений, он хлопнул себя по лбу и воскликнул: “Ливны! Вот город, в котором я никогда не бывал”. Не утверждая, что *Любовь Слепых* сознательно искажает истину, мы лишь заметим, что знание библиографии не повредило бы начинающему автору. Здесь оно как минимум могло бы помочь ей избежать аналогии между Шиповником и морской свинкой. Даже простое обращение к любой энциклопедической статье спасло бы честь незадачливого исследователя. Ср.: **“МОРСКИЕ СВИНКИ**, род млекопитающих семейства свиновых отряда грызунов. Обитатели пампасов и заболоченных лесных окраин. *Длина тела до 35 см*; хвост мало заметен. Природная окраска коричневато-сероватая, с более светлым брюшком. Несмотря на то, что *свинки по части интеллекта явно не блещут*... своего кормильца они узнают и привязываются к человеку. Размножаются свинки очень легко. *Беременность возможна круглый год, длится 65 дней*” (Энциклопедия домашних животных. М., “Кирилл и Мефодий”, 1998–2001). Чтобы не пускаться в долгие объяснения, я позволила себе специально выделить курсивом то, на что при сравнении Шиповника и морской свинки следует обратить особое внимание». — *Малгожата Коханек*. Реконструкция образа гения. Свиноуйсце, Пшишлошч, 1988, с. 270–280.

и каждое проявление своеобразно, но принадлежит Всему²⁴. Если бы в мире не было Всего, то в нем ничего бы, разумеется,

24 «Иногда возникает впечатление, будто русские лишь поверхностно знакомы с научным наследием Шиповника. Кажется даже, что время от времени им не худо было бы обратиться за консультацией либо ко врачу, либо к своим западным коллегам, часто более сведущим в том, что касается мировоззрения крупнейшего ученого России. Так, широкоизвестные работы *Н. Е. Трогай* и *С. Волочковой* мы иначе, чем курьезом, здесь у себя на Западе не называем. И оснований для этого, увы, достаточно. Ну, можно ли приписывать Шиповнику фактически компрометирующую его идею о враждебности сущностей, наполняющих универсум? Да, сущности неповторимы, но из этого отнюдь не следует, что они в конфликте между собой. Их объединяет Всё — огромное и непостижимое, и в его составе каждое из проявлений по праву находит себе место. Что же касается бездарной публикации *Сулико Обманули*, в которой она ссылается на никому не известную здесь книгу *П. И. Столетова* с более чем сомнительными комментариями по поводу “друг друга” у Шиповника, то публикация эта — явная научная фальсификация. Она призвана обелить очерненного брата *Сулико Обманули* и очернить этим обеленным братом — легендарного Шиповника. Не случайно мемуары *Сулико Обманули*

вышли в подозрительном частном издательстве под названием “Моя дорогая среднего рода” (“Чемо карго”): уже это одно делает и саму Сулико Обманули, и ее мифического брата Сандро не слишком надежными источниками информации. Тем более, что существуют источники информации, не вызывающие опасений в исторической добросовестности их авторов. Это, например, безукоризненно составленный и содержащийся в образцовом порядке архив Шиповника, принадлежащий скромнейшему и честнейшему человеку Фанни Волконской. Некоторые считают ее наглой и лживой, но это, видимо, потому, что у них самих — по меткой русской поговорке — “рыльце в пуху”. И этим своим пуховым рыльцем они беспардонно тычутся в прошлое, желая стяжать себе посмертную славу Шиповника. Всеми правдами и неправдами они пытаются доказать, что ближе них у Шиповника никого не было. Вот что рассказывает сама Фанни Волконская: “Когда Шиповник лежал на смертном одре, я лежала рядом с ним. Нам было тепло и уютно. Вдруг в комнату ворвался молодой человек сумасшедшего вида (*И. Н. Валидов — примеч. ред.*) и бросился к нашему смертному одру с явным намерением тоже лечь на него. «Вы разве не видите, — мягко спросил Шиповник, — что тут только одно одро и оно уже занято другими?» — «Не вижу!» — огрызнулся молодой человек и завалился на одро как на свое собственное, пытаясь унижить меня словами: «Утомила, коклюшка!» Мне стало тесно на одре — и я в слезах покинула его. Шиповник кричал мне вслед: «Вернись, Фанни! Каждой сущности есть место в составе Всего...» Но я ушла, а молодой человек засмеялся и потом заснул на одре, проспав смерть величайшего русского ученого”. (АФВ, Ш1057–4631, раздел 5, разул 26)». — *Парк Стар. Тени забытых предков. Норфолк, Народный фольклор, 2001, с. 16–17.*

не было²⁵. Вот приходят люди и пытаются вас²⁶: «Где оно — Всё, покажите мне его!» Ах, глупые! Покажите им на пшптку, поющую на ветке, и скажите: «Это — Всё».

25 «Путь Шиповника к этой гениальной максиме был долгим и трудным. На рубеже XVIII–XIX вв. Шиповник со свойственным юности максимализмом восклицал: “Дайте мне всё!”, в середине XIX в. требовал: “Всё или львиную долю всего!” Однако уже к концу XIX в. голос его звучит не так громко: “Всё или чего-нибудь, но побольше!” XX в. ознаменовался для Шиповника мучительной ломкой мировоззрения, проявившейся в следующем принципе: “Всё или хоть чего-нибудь”, — и только в последней, двенадцатой, четверти его жизни этот принцип выкристаллизовался наконец в поразительную по глубине максиму: “Всё или ничего”. Максиму эту Шиповник, можно сказать, выстрадал: те, кому он предоставлял такой выбор, однозначно предпочитали не давать ему ничего. “Я знаю, почему они так себя ведут, — признавался Шиповник в одном из своих неотправленных писем к *М. Горькому*. — Они не могут дать мне всего, ибо всё не принадлежит им. Они только и могут, что не дать мне ничего, ибо у них ничего и нет”. (Архив *Фанни Волконской*, Ш1057–4631, раздел 106, разул 7).

Никто не прочувствовал диалектическую связь между “всем” и “ничем” так остро, как Шиповник. Осознав, что в каждом отдельном что-нибудь уже заключено всё, он внезапно понял: достаточно ему завладеть хоть чем-то — и он тем самым получит в свое распоряжение всё. Так, когда одна из его поклонниц дала ему скромный цветок из своего сада, Шиповник тут же стал

считать владельцем ее сада — себя. А вскоре Шиповник переселился и в находившийся при саде дом, который тоже отныне считал своим. Супруг поклонницы вынужден был смириться: он не мог противостоять силе логической аргументации Шиповника. В дальнейшем примере этого супруга последовали и соседи, дома которых Шиповник тоже прибрал к рукам. А через некоторое время Шиповнику уже принадлежал целый квартал: он сдавал дома внаём их бывшим хозяевам, заработанные же таким образом деньги пускал на нужды благотворительности. Так научная теория Шиповника находила яркое подтверждение в самой практике жизни мыслителя». — *В. Рыло*. Эволюция взглядов Шиповника на протяжении XIX и XX столетий. Новгород (Великий), 2002, с. 111.

26 «Слово “пытать” (“пытки”) было известно Шиповнику не понаслышке. Интерес его современников к истине был настолько велик, что многие из них в поисках ее не брезговали ничем. Добиваясь от Шиповника ответов на нестерпимо мучившие их вопросы бытия, современники неоднократно подвергали Шиповника жестоким пыткам. Они заливали ему раскаленным оловом рот, требуя объяснить им смысл жизни, они загоняли ему щепки под ногти, вынуждая его писать свою книгу быстрее, они не раз сажали его на кол, чтобы он, ответив на очередной вопрос, не дававший им покоя, всякий раз не срывался с места. Шиповника подолгу держали в закрытых глухих помещениях, без пищи и воды, добиваясь от него по-настоящему выстраданных ответов; его травили собаками и привязывали к хвостам диких коней, чтобы он не уходил в себя и не утаивал там от человечества свои научные догадки. Потребность в знании даже заставляла ищущих правды покушаться на жизнь Шиповника. Его

пытались уничтожить в 1814, 1856, 1905, 1917, 1937, 1974, 1986 и 2000 гг. — причем покушавшиеся на его жизнь всякий раз руководствовались самыми благими намерениями, рассчитывая на то, что непосредственно перед своей гибелью Шиповник откроет им истину. Однако всякий раз Шиповник говорил: “Погодите, время еще не пришло. Сейчас я готов сообщить вам лишь первую, самую неинтересную, часть истины — убив меня, вы лишитесь второй и третьей, то есть тех наиболее интересных ее частей, над которыми я в настоящий момент работаю”. Вот почему вместо “спрашивать” Шиповник всегда употреблял слово “пытать”. Здесь же отметим, что ничего, кроме справедливо-го возмущения, не вызывает у нас идиотское предположение польского исследователя *Малгожаты Коханек* из какого-то Свиноуйсце. Согласно этому идиотскому предположению (см., но не читай: *Малгожата Коханек*. Реконструкция образа гения. Свиноуйсце, Пшишлошч, 1988, с. 14), сам факт употребления Шиповником слова “пытать” (ср. польск. “*pytac*”, а также “*zapytac*”, “запытать/до смерти”) в значении “спрашивать” свидетельствует о польских корнях Шиповника. У Шиповника нет и никогда не было никаких польских корней: своими корнями Шиповник уходит и всегда уходил в русскую землю, в которой ему и место. А потому только негодование вызывает у нас, русских, известные в истории польско-русских отношений попытки схватить Шиповника и захоронить его в польской земле. Четырежды на протяжении XX века такие попытки увенчивались успехом, однако всякий раз по прошествии времени Шиповника все-таки удавалось выкопать из польской земли и доставить обратно в Россию. Неудивительно, что ликование Шиповника не было национальных границ. Вот как, по свидетельству *В. Скрытня*, рассказывает об этом сам Шиповник: “Когда меня выкапывали

Илл. 7. Шепочка Циповника (Цепочка Шиповника — *примеч. ред.*). (*Происхождение неизвестно*)

из земли, я долгое время продолжал чувствовать себя мертвым и обычно не отвечал на задававшиеся мне вопросы или отвечал что-нибудь вроде: «Тень-тень-потетень, выше города плетень». Однако постепенно ко мне приходило осознание того, что я опять жив и здоров. Тогда я начинал ликовать. Мое ликование, как правило, продолжалось несколько часов: столько требовалось для того, чтобы изжить в себе остатки страшных воспоминаний о загробном мире, где все усопшие говорили по-польски. К концу ликования я чаще всего замечал, что уже нахожусь на родине и что для ликования, стало быть, больше нет никаких причин” (*В. Скрытень. Как Шиповника из земли выкапывали/ Исторический рассказ. — Сб. “Исторический рассказ народов России”. М.—Л.: Литературные памятники, т. 2, 1989, с. 20*). Данная цитата дает понять, насколько отвратительно чувствовал себя Шиповник, лежа в польской земле. Кстати, теперь, когда его наконец захоронили в русской, на Новодевичьем кладбище, он, по своему собственному утверждению, чувствует себя гораздо лучше». — *П. Л. Ющенко. Шиповник до и после смерти / Рекламный проспект. М.: Спутник, 1989, с. 2–4.*

Покажите им на рыбку, плещущуюся в волнах, и скажите: «Это — Всё». Покажите им на мышку, шевелящуюся в норе, и скажите: «Это — Всё»²⁷. И будете правы,

27 «Здесь Шиповник прерывает явно начатый было повтор своих предшествующих умозаключений — причем именно тогда, когда читатель меньше всего этого ждет. А где же медведь, сопящий в берлоге, растерянно спрашивает читатель, — где лань, несущаяся по просеке, где белочка, шныряющая в чаще, где бобр, строящий плотину на реке, и где, наконец, лягушонок, квакающий в пруду? Однако Шиповник не таков, чтобы можно было заставить его идти на поводу у читателя. Шиповник уже далеко впереди, в бескрайней области под названием Всё — слившись с миром и растворившись в нем без остатка. Это нам прыгать по кочкам бытия в непрерывном движении к источнику жизни, это нам оступаться и проваливаться в болото повседневности — Шиповника уже и след простыл: у него нет времени, он творит дальше! В этой связи вспоминается замечательное высказывание Сер. Шейки, приведенное в его монографии под красивым названием “Все́м хорошим во мне и вове́не я обязан Шиповнику, ибо Шиповник — утешитель сердец” (Винница, Вин Ворд, 1951, с. 129.). Вот как звучит это замечательное высказывание: “Деятели науки часто сетуют на то, что книга Шиповника

так коротка. Но, помилуйте, деятели науки! Именно в краткости, сестре таланта этой книги, — ее сила. Приобщение к ней не требует ни дней, ни недель, ни месяцев — оно требует всего лишь нескольких минут сосредоточенного внимания, и вот мир лежит уже у ваших ног — покорный, как пудель. Вы поняли, в чем загадка сего странного пуделя, вы разгадали эту загадку, вы видите пуделя насквозь: вся его потаенная сущность перед вами. Пелены спали: мгновенное озарение — и глаза ваши застилают благодарные слезы... А представьте себе, что книга Шиповника была бы длиннее в два раза! Теперь представьте себе, что в три раза. Теперь — что в десять раз... И как же тогда? Мгновенное озарение, длящееся годами... — никакая психика этого не выдержит, доложу я вам! Отсюда и краткость книги — по самому замыслу Шиповника, не могущей быть длиннее. Вот почему крайне сомнительным представляется нам заявление, сделанное в кн.: *В. Дребезец*. Философские искания и находения Шиповника. Спб., «Терновник», 1961. Согласно этому заявлению, книга Шиповника непосредственно перед самым выходом в свет была сокращена самим автором в два раза — причем «из скромности»! Да при чем тут скромность, господин *В. Дребезец*? Кроме Вас да еще пары-тройки простаков из Орла, ни у кого нет сведений о том, что книга подвергалась сокращению. Перед Вами, господин *В. Дребезец*, не школьное, небось, сочинение, но боговдохновенный текст — напечатанный в том же самом виде, как он и возник. Обратитесь же к первоисточникам!» О необходимости соблюдения историчности при обращении к первоисточникам см. нашу работу: *Петр Сухой*. Испей из источника / Журнал Министерства водного хозяйства, № 12 (564739), Мин. Воды, 1998, с. 149». — *Петр Сухой*. Как устроено «Всё». Ставрополь, Народный умелец, 2001, с. 43.

ибо *Всё* смотрит на нас отовсюду —
и так было всегда²⁸.

28 «Частотность слова “всегда” в книге Шиповника послужила одной из причин распространения многочисленных легенд вокруг имени исследователя. Некоторые на полном серьезе считают, что Шиповник лично причастен к вечности, т. е. что он был, есть и будет — всегда. Так, в ряде работ, появившихся в минувшем (XX — примеч. ред.) веке, ученого представляют этаким Кашеем Бессмертным, который мало того что родился в аж в XVIII в., так еще и до сих пор не умер — или не окончательно умер, ибо носится по Москве в чем мать родила — см. беспрецедентную в этом отношении работу *И. З. Дыхаловой*, чьи представления о жизни и быте мертвецов поражают своей наивностью. Видимо, загробный мир для *И. З. Дыхаловой* — это какой-то шалаш, из которого периодически можно выбегать на улицу! Во всяком случае, именно так он выглядит в ее изображении: Шиповник то и дело удирает оттуда на свободу, дает интервью журналистам и так далее. Не лучше обстоят дела и с заявлениями *В. Скрытня* и *П. Л. Ющенко*, получающими от Шиповника последние новости — как следует из их книг — чуть ли не из-под земли!

Ни для кого не секрет, что народное сознание часто мифологизирует прошлое. Странно только, что и наши ученые так часто

оказываются носителями народного сознания (а не научного знания!) и идут на поводу у чрезмерно разыгравшейся фантазии необразованного большинства. Ведь известно, что на самом-то деле жизнь Шиповника была коротка и небогата событиями. Родившись в семье портнихи и пожарного, мальчик с детства был предоставлен самому себе: мать проводила все свое время в ателье, отец — на горящих объектах. Учился плохо, надолго застревав в каждом классе, с колоссальным трудом поступил на философский факультет МГУ, пять лет перебивался с тройки на двойку, был на грани исключения, но выбрал спасительную по тем временам тему диплома — “Идеи Маркса и Энгельса в трудах Ленина”. В качестве поощрения получил приглашение в Нарьян-Мар для преподавания обществоведения в более чем средней школе. Там, в школе, вскоре и умер, незадолго перед смертью закончив несколько глав книги “Всё”. Книга эта годами оставалась безвестной, но однажды по инициативе местного краеведческого общества “Свет очей” (сокращ. “Светоч”) была издана в количестве 1 экз. в серии “Наши талантливые землячки”. Каким-то чудом книга попала в руки, а потом и в самое сердце *Фанни Волконской*, впоследствии инкогнито приехавшей в Нарьян-Мар и тайно выкопавшей из земли останки Шиповника. Что сделала *Фанни Волконская* с этими останками — неизвестно, но книгу Шиповника она на свои деньги переиздала почти во всех странах мира, а потом сама же бесплатно и распространяла. Так началось победоносное шествие Шиповника по планете. В дальнейшем автор книги напрямиком ушел в легенду, где и пребывает по настоящее время. Извлечь его оттуда и очистить от всего лишнего, наносного — первейшая задача настоящего жреца науки». — *Давид Могулия*. Вернуть Шиповника людям. М., Полицидздат, 2003, с. 32.

Глава 1
(рабочее название
«Кое-что»)

[полностью утрачена]²⁹

29 «Намерение Шиповника написать главу 1 уходит своими корнями в далекое прошлое — в те времена, когда Шиповник еще не имел замысла написать “Всё”. Тогда он решил написать лишь одну главу под рабочим названием “Кое-что”. В письме к своей возлюбленной, *Дарье Хвош*, неграмотной крепостной графа *Шереметьева*, Шиповник признается: “Снова мучаюсь трансцендентным. Проведши бессонную ночь, многое осмыслил и уразумел. На монографию пока не хватит, но может хватить на одну главу. Придумал уже и название для неё: “Кое-что”. По-моему, не слишком вызывающее, да и обозначает ровно столько, сколько я понял. Сохрани тебя Бог в твоём непосильном труде от зари до зари! Твой Шиповник». К сожалению, ни *Дарья Хвош*, ни окружающие её крепостные не смогли прочесть этого письма: низок был образовательный уровень тогдашней России. Но бесценный сей документ эпохи неграмотная крепостная графа *Шереметьева* сохранила на груди и за неделю до смерти в рудниках (*Дарья Хвош* возглавила один из крестьянских бунтов, которыми так богато её время) передала это письмо с надёжным человеком своей младшей сестре,

проституировавшей в Санкт-Петербурге по адресу: 1659 линия Васильевского острова 1, левая дверь, мадам *Донемуа*. Поскольку среди клиентов младшей сестры *Дарьи Хвощ* были высокопоставленные лица, письмо это в конце концов оказалось в руках совсем молодой тогда *Фанни Волконской*. Завладев письмом, *Фанни Волконская*, буруеваемая жгучей ревностью, вытравила написанное кислотой. Однако через много лет она пожалела об этом и воспроизвела письмо по памяти на том же листе бумаги. Специалисты в области папироведения безоговорочно признали бумагу и содержание письма подлинными. К сожалению, первой главе, о которой в этом письме идет речь, была уготована более печальная судьба. Ее *Фанни Волконская*, опять буруеваемая тем же чувством (см. выше), неосторожно сожгла, развеяв пепел над Ла-Маншем. Впоследствии, когда *Фанни Волконская* раскаялась и в этом, она воспроизвела по памяти первую главу, но специалисты в области папироведения отказали в подлинности и бумаге, на которой глава была воспроизведена, и всему содержанию написанного. “Это бред сивой кобылы!” — таково было их окончательное заключение. У *Фанни Волконской* хватило воспитания не принять заключение на свой счет и, ответив специалистам: “Не хотите — как хотите”, — она повторно сожгла ранее уже сожженную главу. Когда же те, пожалев о своей поспешности, обратились к *Фанни Волконской* с просьбой напомнить им содержание главы и с обещанием одобрить всё восстановленное, *Фанни Волконская* ответила достойным отказом: “Раньше одобрять надо было. Слишком поздно, козявки! Я уже всё забыла навсегда”. С середины прошлого года *Фанни Волконской* уже нет с нами: она ушла, приказав нам долго жить. Теперь наконец первую главу книги Шиповника можно считать полностью утраченной». — *Василий Голубь*. Судьба «Кое-чего». Воркута, Поросль, 2004, с. 73.

Глава 2

[заглавие и начало
полностью утрачены]³⁰

³⁰ «В последнее время стало модным пытаться реконструировать заглавие и начало второй главы “Всего”. Реконструкция ведется, главным образом, с опорой на сохранившуюся нулевую главу книги Шиповника, частично сохранившуюся вторую главу той же книги и высказывания самого Шиповника в этой связи. По поводу заглавия и начала второй главы “Всего” имеется уже довольно обширная мемуарная и научная литература. Истинная вершина мемуарной — небольшой исторический рассказ *В. Скрытня* “Как Шиповника из земли выкапывали” (Сб. “Исторический рассказ народов России”. М.—Л., Литературные памятники, 1989, т. 2). Известно, что *В. Скрытень* был очень близок к Шиповнику по своей сексуальной ориентации — и они много времени проводили вместе. *В. Скрытень* рассказывает: “Когда Шиповника просили припомнить заглавие и начало второй главы его книги, он глубоко задумывался. В этой задумчивости ученый мог провести несколько часов, однако в конце концов смущался и разводил руками, признаваясь: «Забыл. Просто совершенно из головы вылетело: что хотите со мной, то

и делайте». Так с ним и поступали — причем иногда люди хотели странных вещей... Припоминаю, что один товарищ даже захотел приготовить из Шиповника сироп и уже начал, но тут пришлось вмешаться общественности” (Указ. соч., с. 231). Что же касается литературы научной, то обилие этой литературы просто не позволяет предложить здесь ее обзора. Ограничимся лишь указанием на совсем недавно вышедшую книгу известного парадоксальностью своих суждений *Давида Могулия* (Вернуть Шиповника людям. М., Полициздат, 2003), где он рассматривает и классифицирует разнообразные точки зрения ученых на отсутствующее заглавие и начало второй главы “Всего”. Среди них имеются синтетические (точки зрения, сторонники которых пытаются, но не могут свести воедино мотивы первой главы и мотивы сохранившейся части второй), аналитические (точки зрения, сторонники которых пытаются, но не могут развести мотивы первой главы и мотивы сохранившейся второй) и психотические (точки зрения, сторонники которых пытаются, но не могут ни первого, ни второго). Сам автор выступает с нетривиальной — как ему и вообще свойственно — точкой зрения, согласно которой заглавия и начала второй главы вообще никогда не существовало. По его мнению, Шиповник — подобно Пушкину, которого в “Евгении Онегине” автор подозревает в тех же “грехах”, — умышленно наполнил свою книгу якобы отсутствующими фрагментами текста для того, чтобы таким образом расширить смысловые рамки целого, включив во “Всё” и окружающий текст далекий мир. Я бы хотел согласиться с этой точкой зрения, но мне страшно: книга Шиповника тогда начинает казаться некою огромною рыбою, заглатывающею вокруг себя все без остатка. Так что я, видимо, все-таки воздержусь от оценки того, насколько приемлема точка зрения автора». — С. У. Мороков. Надо не гадать, а знать. Владивосток, Юный следопыт, 1982, с. 19.

<...> те, которые знают³¹, однако³² <...>!

31 «В этой утраченной части предложения речь, скорее всего, идет о так называемых “посвященных” — причастных некоему не общему знанию. К ним, вне всякого сомнения, Шиповник не относил глуповатого по природе своей читателя, полагая, что как раз ему-то, глуповатому по природе своей читателю, неоткуда больше почерпнуть мудрости, как только из “Всего”. Надо сказать, что отношение Шиповника к “посвященным” было весьма тройственным. Чисто внешне они нравились ему: подтянутые, строгие, чуть полноватые, но вполне элегантные... Шиповник любил таких. Что касается поведения “посвященных” и их внутреннего мира, то в отношении этого Шиповник проявлял себя несколько иначе. Поведение “посвященных” вызывало в нем приступы неудержимого смеха. Стоило только “посвященному” улыбнуться загадочной улыбкой, Шиповник тотчас же хлопал себя или кого-нибудь еще по икрам или по чему-нибудь еще и, дико хохоча, приговаривал: “Ну, вылитая Монолиза [так Шиповник называл Мону Лизу — *примеч. ред.*]” — или: “Ну, вылитая Стереолиза [так Шиповник тоже называл Мону Лизу — *примеч. ред.*]” Внутренний же мир “посвященных” просто претил Шиповнику: его отталкивала скрытность “посвященных”, часто граничащая с хитростью и подлостью. Больше всего Шиповника раздражало, что “посвященные” объединяются во лжи (в ложи — *примеч. ред.*), чтобы сделать свои знания недоступными для простых

смертных. Любимой шуткой Шиповника при виде “посвященного” была угроза “дать ему по ложе”. Крайнюю эффективность сообщала этой шутке ее двусмысленность: Шиповник с детства не выговаривал звука “р” и “посвященные”, знавшие об этом, всегда недопонимали, против чего все-таки — рожки или ложки — была направлена агрессивная эмоция ученого. “Прикрой ложу-то!” — говорил Шиповник, и “посвященный” сразу же прикрывал как рожу, так и ложу, чем Шиповник был крайне доволен, ибо на прикрытие “посвященным”, во всяком случае, ложки он уж точно рассчитывал». — *Всев. Ластный*. Институт “посвященных” и отношение к нему Шиповника. — Мистика, магия и прочий оккультизм как болезненные явления нашей здоровой современности / Журнал практического медицинского работника. М., 1979, № 12 (13), с. 53.

32 «Однако и «посвященные» тоже вполне могут оказаться недоношенными», — так, по всей вероятности, следует читать утраченный фрагмент данного предложения. Об этой особенности “посвященных” Шиповник любил упомянуть всякий раз, когда кто-нибудь в его присутствии начинал слишком неумеренно хвалить “посвященных”. Под недоношенностью “посвященных” Шиповник понимал нехватку у них общечеловеческих знаний. Ему не раз приходилось наблюдать, как, рассуждая, например, о тонком теле человека, не говоря уже о толстом теле, “посвященные” часто не могли сказать, как называется столица Суринама или вспомнить имя предводителя восстания луддитов. По словам современников, это удручало Шиповника». — *Лада Либида*. Попытка реконструкции одного предложения у Шиповника. — Зап. Зап.-Сиб. отд. РАН. Новосибирск, 1988, вып. пят., XXXI, с. 112.

*На это у нас может быть только один
достойный ответ: «А какого же³³ <...>!»³⁴*

³³ «Адекватность восстановления фрагментов текста, утраченных на протяжении безжалостного времени, напрямую, как правило, зависит от уровня личной культуры того, кто занимается этим благородным, но неблагородным трудом (благородным, но неблагородным — *примеч. ред.*). Так, известный фрагмент книги Шиповника, с молчаливого согласия ученых вошедший в историю текстологии под условным названием “А какого же рожна”, в разные времена достраивался по-разному. Большинство трактовок — в силу присущей нам воспитанности — мы даже не отважимся здесь привести, ибо из *В. Дребезца* (ср.: *В. Дребезец. Философские искания и находения Шиповника. СПб., “Терновник”, 1961, с. 978*) всем нам хорошо известно о большой личной скромности Шиповника. Кошунственно было бы предположить, что в своей книге ученый мог бы воспользоваться грубыми словами, от которых в экстралитературной действительности его просто мутило. На эту тему существует красноречивый рассказ *О. Б. Дулова*, близко знавшего Шиповника в пору работы того в морозильном цехе мясокомбината им. Ленина в Якутске. “На нашем мясокомбинате были тогда в ходу крепкие выражения, которыми мы, необразованные и нечуткие к языку, пристрастились злоупотреблять. Чуть слышав их, Шиповник обычно делал козью морду и покидал оскверненное нами помещение. Через некоторое время его находили в саду под липою, с томиком *Хераскова* в руках

и глазами, полными слез. «Ты чего?» — спрашивали Шиповника. «Да вот, — отвечал он, — захотелось припасть к чистому роднику родной поэзии». Только впоследствии мы поняли, что таким образом он давал нам осознать всю меру нашего лексического паде-ния» (О. Б. Дулов. За чистоту и правильность русской речи. — Сб. «Чистота и правильность русской речи». Чистополь, 1969, с. 8, 14). Что касается остальных трактовок, то они не представляются нам сколько-нибудь заслуживающими внимания». — *Влас Тах*. Подводные камни языка. Горький, изд-во «На дне», 1970, с. 129.

34 «На фоне многочисленных интерпретаций этого фрагмента книги Шиповника щедро позволим себе предложить еще одну. На соответствующее соображение нас натолкнула одноименная фраза из «Мертвых душ» *Гоголя* — «Какой же мертвый не любит быстрой езды!» Перефразируя ее, получаем здесь: «А какого же мертвого не прельщает быстрая езда!» Нам представляется, что данная фраза была бы вполне уместна в книге Шиповника по двум причинам. Первая из них — что Шиповник, как известно, прожил свою жизнь и умер. Вторая — замеченная многими скорость перемещений ученого в пространстве. Свидетельства современников убеждают в том, что Шиповник в одно и то же время мог находиться в городах, удаленных друг от друга на сотни километров. Так, по словам *Столетова*, 2 июля 1971 г. Шиповник находился в Приобье (см.: В дыму прошлого. *Chelyabinsk Publishing House/Челябинский публичный дом*, 2001, с. 78), по словам же *Б. Горячевой* — в Сухуми (см.: Я и Шиповник в Сухуми 2 июля 1971 г. — Сб. «Шиповник на юге», Сухуми, «Правда», 2001, с. 78). — *К. Обель*. Шиповник — наследник Гоголя. — В сб.: Сто сорок шесть Пушкинские чтения. Царское село, изд-во «Царско-сельский труженик», 2003, с. XXX.

Мне трудно что-нибудь добавить к этому³⁵.

³⁵ «О лаконичности Шиповника уже писали так много (см. хотя бы: Сер. Шейка. Всем хорошим во мне и вовне я обязан Шиповнику, ибо Шиповник — утешитель сердец, Винница, Вин Ворд, 1951, с. 129), что лаконичность его просто вошла в поговорку. Эта поговорка гласит: «Если кто-нибудь — неважно кто, неважно где, неважно когда и неважно при каких обстоятельствах — поставит перед собой цель высказаться лаконичнее, чем высказывался Шиповник, он неизбежно потерпит фиаско, ибо высказывания Шиповника действительно представляют собой предел лаконичности, так что сравниться с Шиповником в искусстве выражать свои мысли коротко и ясно до сих пор не удалось еще никому на свете и, скорее всего, не удастся — между прочим». Данная поговорка мгновенно приходит на ум, стоит только взять в руки книгу Шиповника — не говоря уже о том, чтобы открыть ее. Мы не будем повторять здесь всем наскучившей банальности «краткость — сестра таланта», как это делает та же (или тот же) Сер. Шейка, фактически опошляя образ Шиповника. Ибо сказать в данном случае «краткость — сестра таланта» значит ничего не сказать. Даже когда Шиповник предлагал нам тот или иной фрагмент своей книги в качестве утраченного и мы, казалось бы, были вправе рассчитывать пусть даже на небольшой комментарий со стороны тогда еще живого и здорового ученого, — никаких комментариев не следовало, ибо лаконичность никогда

Шиповнику не изменяла. Некоторые из тех, кто близко знал его, рассказывают, что иногда обращались к Шиповнику с просьбой дать хотя бы устный комметарий к тому или иному утраченному фрагменту, но не получали и его. Ср.: «Был тихий августовский вечер. Я не выдержала и громко (Шиповник страдал врожденной глухотой — *примеч. авт.*) спросила любимого: «Любимый, есть вот у тебя в книге такие слова “А какого же...”. Что ты, собственно, под этим имел в виду?» Шиповник засмеялся: «Глупая, — сказал он мне, — там же многоточие стоит, не видела? Это означает, что часть высказывания утрачена безвозвратно. Так стоит ли спрашивать меня о том, что было вместо многоточия?» — «Но ты же, любимый, сам пишешь дальше, что тебе трудно к этому что-либо добавить, — приставала я, — значит, тогда ты помнил, о чем было данное высказывание!» — «Не приставай, — резко оборвал меня Шиповник, но, сжалившись надо мной, добавил: — Тогда помнил, а теперь забыл. Что с возу упало, то пропало». — «Ленив ты, — ласково сказала я и сухо заметила: — Мне кажется, если бы ты напрягся, то вспомнил бы, что имел в виду». Шиповник покачал седеющей головой и крикнул: «Хватит мучить меня! Больше я ничего не скажу, ибо лаконичность моя вошла в поговорку!»» (З. Дурново-Кобылина. Дни и ночи с Шиповником. Ленинград, 1961, с. 289).

Именно так и отвечал Шиповник тем, кто стремился вынудить его изменить своим принципам. А значит, всякие гадания по поводу утраченных частей книги Шиповника — пустая трата времени. “Что с возу упало, то пропало”, — повторим мы вслед за ученым и раз и навсегда откажемся от попыток дописывать что бы то ни было за него. Шиповник и так сказал больше, чем мог». — О. Т. Валиев. Об утраченном навеки. М., Сов. пис., 1970, с. 94.

Глава ...

[номер главы полностью утрачен]³⁶

Как это уже было сказано в первой главе,

³⁶ «Дерзость ряда ученых, постоянно дополняющих высказывания Шиповника своими нелепыми соображениями, иногда переходит всякие границы дозволенного и некоторые границы недозволенного. Взять хотя бы печально известную своей претенциозностью книжонку *Б. Астарда* под непристойным названием «Хорек и орел» (Орел, изд-во ГУ, 1990, см. особенно с. 789–790) — названием, бросающим густую тень на всех нас. В этой книжонке исследователь (извините за выражение!) позволил себе то, чего не осмеливался делать и сам великий Шиповник, а именно: приписать порядковый номер главе, размещенной Шиповником между главой 2 и главой 4. Догадайтесь-ка, что это за номер! Номер 3... — увы, ничего другого и нельзя было ожидать от *Б. Астарда*, чья научная фантазия бескрыла, как страус. Демонстрируя безграничные возможности собственного интеллекта, *Б. Астард* показывает нам, что вполне способен, ни разу не сбившись, считать от одного до трех! Однако так ли уж прост Шиповник, чтобы подозревать его в слепом следовании математике — вульгарнейшей из наук? С этим вопросом мы с *Жуковым* в свое время обратились к *И. Н. Валидову*, который, как известно, был правой

рукой Шиповника (все мы помним, что Шиповник родился на свет без правой руки, — *примеч. ред.*). И вот что ответил нам с *Жуковым И. Н. Валидов*: “Конечно, Шиповник не так прост, чтобы подозревать его в слепом следовании математике — вульгарнейшей из наук!” Оказывается, сам *И. Н. Валидов* не раз, не два и не три обращался к Шиповнику с вопросом о том, глава под каким номером шла в его книге сразу после второй и непосредственно перед четвертой. И — что примечательно — Шиповник никогда не давал прямого ответа на этот вопрос. Обычно он выглядел растерянным и все время называл разные цифры — часто двузначные, иногда — трех- и четырехзначные. Вот почему никак нельзя предполагать, что за главой 2 у Шиповника непременно следовала глава 3. Да и не был Шиповник банален ни в чем. Стало быть, непристойное предположение *Б. Астарда*, пригодное по отношению к кому угодно, кроме Шиповника, давно пора вычеркнуть из научного актива. Тем более что сам *Б. Астард* уже эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где года два назад благополучно умер в одном из многочисленных притонов Юты. Однако какая же глава шла в книге Шиповника сразу за второй? Наиболее убедительной нам с *Жуковым* представляется точка зрения *Н. Е. Трогай*, случайно высказанная ею в статье “Разъяслась дней...”: здесь *Н. Е. Трогай* неожиданно для себя заключает, что сразу вслед за второй главой “Всего” шла глава десятая. Трудно отказать *Н. Е. Трогай* в полной правоте: именно она впервые заметила то, что веками ускользало от пристальных глаз научной общественности, — в книге Шиповника, оказывается, две десятых главы». — *Майя Сирота* (в соавторстве с *Жуковым*). Бастарды от науки и борьба с ними. — Сб. статей, посвященных 10-летию со дня безвременной смерти доктора философских наук профессора *Н. Е. Трогай*. Пермь, Пермская обитель, 1999, с. 39.

по степени обстоятельств полностью утраченной, а также и во второй главе³⁷,

³⁷ «Шиповник нередко намекал на некие загадочные обстоятельства, в силу которых оказался утраченным тот или иной раздел его книги. Неудивительно, что перед научной общественностью постоянно возникал один и тот же вопрос: что же это за загадочные обстоятельства, на существование которых он так последовательно ссылается? Не беря на себя ответственности ответить на поставленный вопрос в целом, мы, тем не менее, возьмем на себя смелость предложить частичный ответ — касающийся исключительно обстоятельств утраты фрагментов второй главы «Всего». Дело в том, что первоначально вторая глава «Всего», как и первая, была утрачена полностью, и произошло это в нашем присутствии. Шиповник как раз только что поставил в рукописи точку, положив конец второй главе, когда в его рабочий кабинет вошли мы. При виде нас Шиповник радостно заулыбался, загукал (всем известно, что Шиповник был немым по причине отсутствия языка от рождения) и со всех ног бросился нам навстречу. Оживленно жестикулируя, Шиповник накрыл стол, стулья и прочие предметы мебели... — сели ужинать. Поглощенные пищей, мы не заметили, как в комнату вошел секретарь Шиповника, *Валидов*, одетый во все белое, что

было странно для этого времени года. Не замеченный ни нами, ни Шиповником, *Валидов* воровато прокрался к столу и впился глазами в еще свежую рукопись. Было отчетливо видно, что *Валидова* забирает. Лицо его побагровело, руки затряслись, язык заплелся. Вдруг *Валидов* с внезапной циничной улыбкой спрятал рукопись за пазуху и застегнул пазуху на все пуговицы. Потом он незаметно присоединился к нашей компании, словно всегда тут и был. “Над чем Вы сейчас работаете?” — жестами спросили мы Шиповника в этот момент. — “Уже ни над чем! — комично развел тот руками. — Только что окончательно утратился от оправы (оправился от утраты — *примеч. ред.*) первой главы «Всего» и закончил вторую — желаете посмотреть?” Мы закивали головой как сумасшедшие, а Шиповник простер руку в направлении рабочего стола: дескать, пожалуйста, рукопись в вашем распоряжении. Мы подошли к столу, но рукописи там не было. Шиповник, сопровождаемый *Валидовым*, тоже кинулся к столу. Остановившись в шаге друг от друга как вкопанные, Шиповник и *Валидов* с нескрываемым ужасом смотрели на пустой стол. “Я не вижу второй главы, — взволнованным голосом нарушил тишину *Валидов*. — Боюсь, она уже полностью утрачена”. Шиповнику ничего не оставалось, как согласиться с приговором. Позднее *Фанни Волконская* — со слов *Валидова*, отдавшего ей манускрипт в обмен на обещание *Фанни* никому не рассказывать о том, что *Валидов* заснул во время смерти Шиповника, — скорбно поведала всем, как было дело в тот памятный нам вечер посещения ученого». — *Алла Прима*. Время разбрасывать камни. — Минералы России/Межвузовский сборник. Москва — Санкт-Петербург, Междувузье, 2004, с. 53. (См. также леденящую душу сноску из того же издания к следующей странице — *примеч. ред.*)

также утраченной, хоть и записано³⁸,
<нрзб.>, из чего следует, что <рзбр., но нпнтн.>³⁹.

³⁸ «Возмущаясь низостью *И. Н. Валидова*, *Фанни Волконская* в своем письме к нам (АФВ, Ш1057–4631, раздел 118, разул 47) сообщила перед самой смертью (своей — *примеч. ред.*), что вторая глава книги Шиповника попала к ней в руки в ужасном состоянии — густо залитая невинной кровью убитой *Валидовым Сулимы Ломоватой*, с которой тот случайно познакомился в электричке. Разговорившись с *Сулимой Ломоватой*, поевавшей чипсы, о физиологической природе происходящих в нас — согласно *Якобу Молешотту* (*Якоб Молешотт*. Круговорот жизни. Физиологические ответы на письма о химии Ю. Либиха, Харьк., 1866) — психологических и духовных процессов, *Валидов* был разъярен упорством *Сулимы*, утверждавшей, что чипсы не есть пища в строгом смысле слова, а стало быть, и не имеют отношения к физиологии. В ярости *Валидов* убил *Сулиму Ломоватую* из бывшего у него при себе автомата *Калашникова*, залит кровью страницы рукописи Шиповника, тоже бывшей у него при себе. Получив эту окровавленную рукопись через много лет, *Фанни Волконская* сделала все, что могла, для спасения творческого наследия Шиповника, памятуя о том, как — по ее собственной неосторожности — была полностью утрачена первая глава “Всего”. Однако спасти вторую главу целиком ей не удалось: отдельные фрагменты остались неразборчивыми, хотя немногие уцелевшие еще и сегодня радуют нас пестротой (остротой — *примеч. ред.*) и свежестью мысли Шиповника». — *Алла Прима*. Указ. соч., с. 54.

39 «В течение нескольких лет внимательно анализируя структуру этой — самой загадочной — главы в книге Шиповника, мы постоянно наталкивались на интригующее “<рзбр., но нпнтн>.” Когда мы ради любопытства заглянули и в другие главы “Всего”, с которыми прежде не были знакомы, мы не увидели там точно такой же сигнатуры. Что тогда скрывалось за ней здесь? Предпринятый нами скрупулезный анализ показал, что соответствующий фрагмент текста Шиповника, написанный каллиграфическим почерком, в действительности прекрасно читается, однако внешне, вроде бы, не соотносится с содержанием “Всего” как целого. Так, в оригинале главы без номера на месте вышеупомянутой сигнатуры значится: “Пуповинную кровь акушерка собирает после отсечения пуповины. Когда ребенок рождается, акушерка пережимает и перерезает пуповину, затем вводит в нее иглу от системы, куда и поступает кровь. Собранную кровь помещают в контейнер для транспортировки. В нем кровь защищена от ударов, вибрации, резких перепадов температуры и в полной сохранности вместе с сопроводительной документацией доставляется в хранилище”. Признаемся, что данный фрагмент “Всего” отнюдь не поставил нас в тупик. И в самом деле, что как не отсечение пуповин — пуповины за пуповиной — напоминает читателю процесс продвижения по тексту “Всего”? Угловые скобки, переполняющие “Всё”, — они же и есть эти самые контейнеры для транспортировки пуповинной крови — читай: энергии живой мысли! В таких контейнерах живая мысль Шиповника находится в полной безопасности и доставляется оттуда в хранилище — сознание читателя. Ничто не может испортить ее по пути: ни удары чужих мнений, ни вибрации языка, ни резкие перепады политического климата. Пуповинная кровь, она же — энергия живой мысли, неподвластна времени». — *Е. Поповина*. Пуповины смысла. — Труды по знаковым системам. Тарту, 1972, с. 231.

Глава 4

[нзвн. нрзб. и зчркнт.]

Я всегда полагал <зчркнт.>

Я никогда не думал <зчркнт.>⁴⁰.

⁴⁰ «Зачеркнутые фрагменты книги Шиповника имеют особую ценность, ибо создают впечатление сопричастия рождению мысли гения. Мысль его бьется в тенетах здравого смысла, истекая кровью, она подвергается жестокому контролю со стороны кровожадной логики, она многократно гибнет, но, как птица Феникс, снова восстает из пепла. Открывая главу 4, Шиповник признается: «Я всегда полагал», — но тут же зачеркивает свое признание, как бы не желая никого пускать в святая святых — лабораторию своей мысли. Действительно, что делать простым смертным в горниле шиповникового сознания, где им то и дело грозит опасность сгореть без следа? «Я никогда не думал», — возникает на месте зачеркнутого — и снова зачеркивается без сожаления. Оно и понятно: недалекий читатель едва ли оценит этот крик раненого бизона — он, не дай бог, еще и заподозрит

Шиповника в интеллектуальной неполноценности, сочтя существом, в *принципе* не способным осуществить акт мышления! “Нет, — словно бы говорит читателю Шиповник, зачеркивая и это предложение. — Я не подпущу тебя так близко к себе, я не позволю тебе стать свидетелем моих метаний и терзаний, ибо ты злоупотребишь близостью и, повергнув меня на землю в минуту слабости моего интеллекта, начнешь глумиться надо мной там, на земле, и растопчешь меня грубыми ногами”. Поразмыслив таким образом и опомнившись, Шиповник снова захлопывает дверь в святая святых перед самым носом читателя — и теперь читателю не суждено уже услышать, может быть, самого честного и самого выстраданного из признаний Шиповника: “Я никогда не думал”. Что ж, читатель... в таком недоверии к тебе Шиповника виноват, прежде всего, ты сам! Разве это не ты, читатель, жег еретиков на кострах? Разве это не ты губил на корню любое свежее проявление мысли? Разве это не ты взашей гнал просвещение? Так чего же ты, вандал, хочешь от Шиповника? Никогда не распахнет он перед тобой сияющей бездны своего сознания, никогда не пустит тебя и на порог обители разума! Только по дальним отголоскам — эху фрагментов, беспощадно зачеркнутых автором, поймешь ты, читатель, что стоял в преддверии чуда, но — увы: теперь ты, как жалкий щенок, отброшен от святилища и — скулящий, виляющий хвостом — уже не будешь гостем на пиру разума. Другим суждено переживать взлеты и падения, искать и находить выход в лабиринтах философских контроверз — тебе же отныне остается лишь глодать сухие кости окончательных формулировок, благородное происхождение которых навеки скрыто за лаконичным обозначением “<зчркнт.>”. — *Клавдия Бриош*. За чертой зачеркнутого. Череповец, Краниум, 1996, с. 12.

*Я иногда считал, что мы — дети <...>⁴¹.
Хотел к старцу рпюдениж <...>⁴²*

41 «В тонком исследовании *О. Т. Колупаева* “Чи мы дети?” (Запорожье, изд-во “Тарас Бульба”, 2000, с. 13–8) этот фрагмент книги Шиповника рассмотрен практически во всех возможных аспектах: физиологическом, психологическом, историческом, национальном, патриотическом, псевдопатриотическом, социальном, религиозном, философском, религиозно-философском, философско-религиозном, экономическом, ионическом, дорическом и коринфском. Несмотря на то, что рассмотрение фрагмента ни в одном из аспектов ничего не добавляет к пониманию мировоззрения Шиповника, исследование *О. Т. Колупаева* знаменует собой новую эру в отечественной науке. После его исследования вопрос о том, откуда берутся дети, можно, во всяком случае, считать снятым с повестки дня и окончательно решенным. Хотя, по свидетельствам некоторых из современников, данный вопрос не представлял для Шиповника серьезной теоретической проблемы, на практике у него детей почти не было. Это, разумеется, никак не исключает того факта, что многие по тем или иным причинам считают себя детьми Шиповника. Взять хотя бы того же *Колупаева*, признающего в том, что именно от Шиповника ведет он свой род к светлому будущему, или тех же *Ежова* и *Нежданова*, в своей брошюре “Мы плоть от плоти Шиповника” утверждающих: “Мы плоть

от плоти Шиповника” (О. Ежов и А. Х. Нежданов. Мы плоть от плоти Шиповника. Петропавловск-Камчатский, Полночь, 1965, с. 1, 4, 6, 8, 11, 15, 16). Конечно, нет ничего безнравственного в том, что люди так настойчиво стремятся занять вакантное, на их взгляд, место возле Шиповника — и у подлинного сына Шиповника, каковым являемся мы, подобные стремления не вызывают глубокого осуждения. Что касается нас, то мы были бы отнюдь не прочь иметь столько братьев и сестер. Другое дело, что сразу после нашего зачатия отец перенес сложную операцию, закончившуюся тем, что отныне он больше не мог иметь детей. Впрочем, это несколько его не огорчало: во-первых, Шиповник был более чем доволен нами одними, во-вторых, считал, что каждый из нас — дитя Всего, — именно таким образом мы и склонны толковать соответствующее высказывание, которое отец помещает ближе к финалу главы 4». — *Я. Шип. Сынóвьья память.* Кокчетав, Колчедан, 1979, с. 2.

42 «Фрагмент “Хтроч к страртсцф рпюлдеитж <...>” по праву вошел в историю науки под названием “загадка Шиповника”. Исследователи веками ломали голову над тем, что этим хотел сказать ученый. Однако когда с таким вопросом обращались к самому Шиповнику, он только таинственно хохотал. Что касается лично меня, то, будучи ярким противником идиотских формулировок типа “что хотел сказать автор?” и исповедуя уважение к готовому тексту, я всегда ставлю вопрос лишь в одной плоскости: “Что сказал автор?” Ответ очевиден: “Автор сказал: «Хтроч к страртсцф рпюлдеитж <...>» — мог ли он выразиться яснее? А если нет, то зачем нам искать другие слова для обозначения того же самого?”. — *М. Ладенец.* Герменевтика / Уч. пособие для ПТУ. М., Маленький гений, 1991, с. 81.

Об этом спросите у Фанни⁴³.

43 «Пожалуй, ни одна фраза из книги Шиповника не подвергалась такому количеству исключаящих друг друга толкований, как эта, завершающая четвертую главу. Не присоединяясь ни к одному из этих толкований, просто попытаемся систематизировать здесь разные точки зрения, предложив по поводу каждой из них короткий комментарий:

1. фраза эта, скорее всего, представляет собой позднюю вставку, ответственность за которую лежит на совести самой *Фанни Волконской*. Готовя первое издание Шиповника на английском языке, *Фанни Волконская* включила в текст подтверждение своей близости к Шиповнику, с которым она никогда не была знакома лично. По словам *И. Н. Валидова*, «эта коклюшка» впервые встретилась с Шиповником на его (Шиповника — *примеч. ред.*) смертном одре, когда она, будучи некрофилкой, «внаглую улеглась рядом с ученым», — причем *И. Н. Валидов* утверждает, что в этот момент Шиповник был уже минимум полчаса как мертв и *Фанни Волконская* якобы знала об этом (см.: *И. Н. Валидов*. Трое на одном одре, не считая смерти. — Сб. научных статей, посвященных 14 мая. Москва, 1999, с. 67). Сомнительность этой точки зрения в том, что та же фраза представлена и в русском издании, являющемся аутентичным и, стало быть, не переведенным ни с какого другого языка;
2. фраза внесена в одну из поздних редакций книги самим Шиповником под давлением *Фанни Волконской*, записывавшей

“Всё” под его диктовку, поскольку Шиповник от рождения был слеп и так и не научился ни писать, ни читать. Согласно этой точке зрения, *Фанни Волконская* шантажировала Шиповника, угрожая ему прекратить записывать, если в книге не будет ее имени. Данная точка зрения тоже весьма уязвима, ибо, если Шиповник действительно не умел ни читать, ни писать, *Фанни Волконская* могла бесконтрольно вписывать в рукопись любую отсебятину. Странно, что в этом случае она, например, сохранила в начале книги посвящение “толстой соседке по фамилии *Абрахамсон*”, не изменив фамилию “*Абрахамсон*” на фамилию “*Волконская*”;

3. фраза написана самим Шиповником, на протяжении всей жизни находившимся в более чем теплых отношениях с *Фанни Волконской* и советовавшимися с ней по всем сложным вопросам, которые возникали в ходе создания книги. Против данной точки зрения — одно, но весьма серьезное возражение: письмо *П. И. Столетова*, написанное, но так и не отправленное Шиповнику и на протяжении многих лет хранившееся у *П. И. Столетова* (см.: *П. И. Столетов. В дыму прошлого. Chelyabinsk Publishing House/ Челябинский публичный дом, 2001, с. 102*). Письмо это исчезло вскоре после смерти *П. И. Столетова*. Кроме прочего, там значилось: “...Вы как-то спрашивали меня, кто такая эта *Фанни (Волконская — примеч. ред.)* и какое она имеет отношение к Вам. Я навел справки, подключив к этому всех моих знакомских заморов (заморских знакомых — *примеч. ред.*), и выяснил вот что: незаконная дочь князя *Волконского*, глухонемая *Фанни*, значится в списке 1513 погибших при крушении «Титаника» 15 апреля 1912 года. Я не думаю, что упомянутая *Фанни Волконская* имеет к Вам какое бы то ни было отношение. Целую Вас. Ваш пистолетик”;

4. фраза является шуткой первого наборщика книги, человека злого и безграмотного по фамилии *Рылов* и по существу своему тоже *Рылов*. Набирая “*Всё*”, *Рылов* этот был не в состоянии осознать революционную суть книги. Его раздражали постоянные пропуски текста, с одной стороны, и постоянно мелькавшее там имя *Фанни Волконской*, с другой. Желая наслоить (насолить — *примеч. ред.*) автору столь необычной книги, *Рылов*, в очередной раз набрав нечто, недоступное его интеллекту, по своей инициативе вписал в книгу Шиповника остроумное, как ему показалось, предложение, не имеющее, однако, ничего общего с самой книгой. Что же касается Шиповника, то ему так ни разу и не удалось обнаружить самозванную фразу. Разумеется, Шиповнику было не все равно, в каком виде выходит “*Всё*”, и он пытался пролистывать его, но из-за плохой координации движений это было невозможно. Дело в том, что у Шиповника с рождения отсутствовал мозжечок, и потому все его движения были совершенно раскоординированы. У данной точки зрения лишь одно слабое место: человека злого и безграмотного по фамилии *Рылов* и по существу своему тоже *Рылов* на свете никогда не существовало;
5. фраза — по невнимательности издателей — перекочевала из системы ссылок в основной текст. Кто-то из редакторов — скорее всего, *Д. Е. Белова* или, наоборот, *С. О. Плисецкая* — перепутал книгу Шиповника и комментарии к ней. Так высказывание, изначально принадлежавшее кому-либо из комментаторов — напр., *Парку Стару* (ср. его книгу: *Тени забытых предков. Норфолк, Народный фольклор, 2001*; где автор с искренним уважением говорит об Архиве *Фанни Волконской*), — оказалось приписанным самому Шиповнику. Данная точка зрения тоже весьма небезупречна — прежде всего, потому,

Илл. 8. Нижний край фотографии, изображающей двух очаровательных малышей. (Фотография нелюбезно предоставлена С. Вягою)

что, если хорошо представлять себе комментарии к книге Шиповника в целом, вставить соответствующую фразу ни в один из них невозможно: для нее практически нет места ни в чьих рассуждениях;

6. фраза подверглась переработке одним из симпатизирующих *Фанни Волконской* — вероятно, *В. Дребезцом*, падким на все заграничное. Изначально в конце четвертой главы на месте интересующего нас фрагмента находилось, таким образом, нечто иное, например: “С приветом. Простите, профаны” или “Букетом тряси в целлофане”, или “Конфеты неси в сарафане”, или “Забудь о своем корифане” — или др. под. Взяв исходную структуру за основу, *В. Дребезец* пририсовал к некоторым из букв дополнительные палочки и хвостики — так, чтобы в конце концов получилось “Об этом спросите у Фанни”. Ходят слухи, что за свое усердие *В. Дребезец* был щедро вознагражден *Фанни Волконской* двумя очаровательными малышами. У данной точки зрения лишь один недостаток: она страшно глупа». — *С. Вяга*. Систематический обзор точек зрения, касающихся присутствия г-жи Волконской в тексте книги Шиповника. Казань, Речное пароходство, 1998, с. 41.

Глава 5–7⁴⁴

Анализ и синтез⁴⁵

А теперь зададимся таким вопросом: как

⁴⁴ «В работах о Шиповнике особенно настойчиво звучит вопрос о том, каким типом мышления — аналитическим или синтетическим — обладал ученый. В поисках аргументов специалисты часто проходили мимо самого очевидного из доказательств синтетичности мышления Шиповника, а именно — 5–7 главы его бессмертной книги. Однако понятно, что только ученый с синтетическим устройством мышления способен дать одной и той же главе сразу три порядковых номера: 5, 6 и 7. Подобных вещей научная практика не знает, ибо никто не способен уместить содержание трех глав в одну. Только Шиповнику оказалось под силу и это: глава 5–7 книги Шиповника объединяет в себе три совершенно не похожих друг на друга главы — пятую, шестую и седьмую. Казалось бы, что между ними общего? Да ничего: пятая глава — это глава, пятая по счету, шестая — шестая, седьмая — седьмая... трудно найти ученого, который рискнет что-либо возразить против этого. Но ученый такой, тем не менее, есть — и имя его Шиповник. Отметая привычные представления о должном, он как бы ставит перед наукой вопрос: зачем

мучить читателя тремя главами, если все то же самое можно сказать в одной? Теперь представим себе, насколько проще была бы наша жизнь, если бы этого правила придерживались и другие! Нам не пришлось бы тратить время на три тома “Энциклопедии философских наук” *Гегеля*: одним движением руки ее можно было сократить до одного тома! То же самое — с гегелевской “Наукой логики”, она также в трех томах, не говоря о его “Эстетике”, которая аж в четырех! Я говорю это не потому, что лично имею что-нибудь против *Гегеля*: для нашего примера можно взять хоть *Канта*. Как приятно было бы вместо “Критики чистого разума”, “Критики практического разума” и “Критики способности суждения” ограничиться чтением лишь одного тома — “Критика двух разумов и одного суждения”! Так внезапно и понимаешь, что философы только и злоупотребляют твоим временем, только и обкрадывают тебя... Но — увы: ученых с синтетическим складом мышления в науке раз-два и обчелся. В основном приходится иметь дело с аналитиками. Об этом свидетельствуют даже научные клише типа “научный анализ показал”, “в ходе анализа установлено”... — при том, что никто никогда не говорит: “научный синтез показал”, “в ходе синтеза установлено”. Вот и получается, что разъять-то мир ученые разымают, а собирай потом за них — дядя... прошу прощения за просторечную поговорку. Тем выше оказывается заслуга Шиповника перед человечеством: констатировав полную непохожесть проявлений, он, тем не менее, сумел синтезировать их в своей книге, да так, что мало не покажется, — опять прошу прощения за просторечную поговорку. На этом спор о том, является ли тип мышления Шиповника аналитическим или синтетическим, прошу считать законченным». — *Д. О. Каналов*. Синтетический Шиповник / Расшифровка стенограммы выступления на V съезде работников комбинатов синтетических волокон. Калинин, 1985, с. 2678.

45 «У Шиповника от анализа до синтеза — как от любви до ненависти», — образно сказала однажды *Варвара Волчек* (вторая жена Шиповника — *примеч. ред.*). Трудно найти выражение, более точно описывающее отношение Шиповника к анализу и синтезу. Нам, тем не менее, удалось найти такое выражение и, несмотря на некоторую его неуместность в научной статье, мы все же рискнем в наше свободное от предрассудков время привести его здесь. Оно прозвучало под сводами Первой градской больницы, куда Шиповник собирался на операцию по пересадке сердца с правой стороны грудины (у Шиповника от рождения сердце находилось справа, из-за чего многие думали, что он вообще родился без сердца) — на левую. Для успешности операции его попросили прежде всего сдать анализ мочи. Придя с баночкой, Шиповник протянул ее медсестре, ставшей впоследствии его женой (*Анна Томская*, третья жена Шиповника — *примеч. ред.*), и сказал фразу, позднее облетевшую весь мир и вернувшуюся назад, к медсестре: “Я принес анализ мочи на синтез”. Понятно, что выражение это не могло не прийтись по душе молодому медицинскому работнику. Не догадываясь о том, что у Шиповника сердце находится на правой стороне, она тут же, под сводами Первой градской больницы, вышла за него замуж. Брак этот не был долгим: *Анна Томская* узнала, где у Шиповника сердце, и подала на развод, не дожидаясь его (сердца — *примеч. ред.*) пересадки: оказалось, что анатомические курьезы ей всегда претили. Однако Шиповник ничуть не огорчился и вместо того, чтобы анализировать трех прошлых жен, синтезировал из них четвертую (*Розу Сбитневу* — *примеч. ред.*) — правда, у нее было очень плохое здоровье и ее все время оперировали, пришивая потом органы на неправильные места. Супруга Шиповника ходила по жизни вся увешанная органами — и Шиповник любил говорить, что она воплощает в себе идею синтеза,

а в философских беседах с друзьями предъявлял ее в качестве “эмпирического аргумента” как свое “ненаглядное пособие”. Об “эмпирическом аргументе” у Шиповника см., кстати, крайне бездарную статью: *Н. Е. Трогай. “Разъяслась дней...”*. — Вопросы философии и ответы истории / Журнал Исторического кружка при Философском обществе Перми. Пермь, 1989, № 3. В этой статье (с. 45) автор голословно утверждает, что к эмпирическому аргументу Шиповник “прибегал” тогда, когда вербальные средства коммуникации не годились. Еще более возмутительно заявление *А. П. Чихова* (*А. П. Чихов. Языковые корни Шиповника*. М. — СПб., изд. “Сады и парки”, 1989, с. 98): он утверждает, что при объяснения сложных пассажей Шиповник “запахавшись, прибегает” к единственно возможному слову. Подобные замечания просто кощунственны в адрес ученого, у которого от рождения не было ног. С учетом этого я поостерегся бы использовать в заглавии книги о Шиповнике и слово “корни” — даже если *Чихов* рассчитывал на то, что это слово будет ассоциироваться у нас с корнями зубов: всем известно, что зубов у Шиповника тоже никогда не было». — *Алсу Бей. Разъять, чтобы съять: Улан-Удэ. Жадор, 1990, с. 10–11.*

Илл. 9. Фотография правой стороны, на которой находилось сердце Шиповника. (Принадлежность запечатленной на этой фотографии руки не установлена.) (Собственность *Анны Томской*)

<...> обызгно⁴⁶ представляет себе угеный процедуру синтеза? Обызгно он неправильно представляет себе процедуру синтеза

46 «Реакционный исследователь Ю. Арсик, стремясь окончательно опорочить светлое имя Шиповника в наших глазах, снискал себе в 60-е годы скандальную известность неприличным предположением, будто глава 5–7 в книге Шиповника открывается не знакомым нам всем с детства словочетанием “Как обычно”, но непонятно откуда взятым Ю. Арсиком выражением “Кака бычья”. Подобным инсинуациям в адрес светлого гения нашей науки уже неоднократно давался своевременный и решительный отпор (см., например: Г. Сизокрылов. Оставьте в покое одно место у Шиповника (радиопередача). — Голос Родины, 13 сентября 1960 г., 0 часов 4 минуты; И. Иванов. Вон! — Газ. “Вонь”, Иваново, 2002, № 635; С. Волочкова. Последние минуты земной жизни Шиповника/Эссе. — Иной мир, М., 2004, № 1 и др.). Однако случилось так, что Ю. Арсику никто до сих пор еще не успел дать своевременного и решительного отпора, вот почему задачу эту решили взять на себя мы. На наш взгляд, предположение, что глава 5–7 в книге Шиповника может открываться выражением “Кака бычья”, лишено всякой научной основы. Шиповник никогда не интересовался экскрементами животных, в частности — быков,

о чем свидетельствует хотя бы исследование Льва Медведева (см.: Лев Медведев. Круг интересов Шиповника. Чита, Читайгород, 1979): здесь в алфавитном порядке представлены те области действительности, которые привлекали интерес ученого. В этом исследовании под литерой “Э”, где следовало бы искать и каку бычью — производную от родового названия “Экскременты”, отсутствует не только кака бычья, но и само родовое название, зато широко представлены следующие понятия: “Эдипов комплекс, Эйфория, Экстрамундальный, Элементарные понятия, Эмоции, Эмпиризм, Энергия, Эрос, Эротические журналы, Эротические образы, Эротические картины, Эротический опыт, Эротические переживания, Эротические сновидения, Эротические теле- и радиопередачи, Эротические фантазии, Эротические фотографии, Эротические шоу, Эротоман, Эротомания”. Понятно, что в состав этого списка никак не могли бы быть вмонтированы “Экскременты”, в частности — кака бычья. Имеется также искреннее свидетельство В. Липановой, которое уместно привести в этой связи: “Любовь Шиповника к природе была истовой: он часами мог любоваться величественными картинами природы — суровыми горами или бескрайними равнинами. Однако зрение великого ученого фиксировало только величественное, не касаясь ничего низменного...” (В. Липанова. Шиповник как целое. — Ученые записки ученых Сибири. Сибирь, Уральское кн. изд-во, 1986, с. 12). Понятно, что каку бычью в этом контексте следует, скорее, соотнести с “низменным”, чем с “величественными картинами природы”, а из этого следует, что Шиповник, вероятнее всего, прошел бы мимо каки бычьей, не обратив на нее решительно никакого внимания». — Т. У. Земский. *You are seek*, Ю. Арсик! — Родная природа / Журнал общества озеленителей. Мурманск, Грин пис, 2004, № 4, с. 15.

в качестве процедуры <...>⁴⁷, что свидетельствует о непонимании сущности данной процедуры недалекими утеньми⁴⁸. Лбо

⁴⁷ «Есть еще среди недобросовестных исследователей такие, которые, не вникнув в суть дела, с пеной у рта утверждают, будто те или иные части книги Шиповника были утрачены самим автором “Всего” — причем утрачены нарочно. Такие исследователи не вызывают нашего уважения, поскольку искажают образ Шиповника, представляя его читателям каким-то саботером, якобы заинтересованным в том, чтобы утаить от читателей часть необходимой им для полноценной жизнедеятельности информации. Между тем хорошо известно, что рассеянность Шиповника была следствием черепно-мозговой травмы, тяжело перенесенной им еще в утробе матери — цирковой артистки, выступавшей на трапедии. Заметим, кстати, что взгляд на мать Шиповника как на портниху (ср.: *Давид Могулия. Вернуть Шиповника людям. М., Полицидзат, 2003, с. 32*) в корне неверен. Конечно, матери Шиповника были неотъемлемо присущи навыки кройки и шитья, но в дореволюционной России такие навыки были присущи всей женской половине общества (см.: *Женская половина общества в дореволюционной России. — Сб.: Две половины общества в дореволюционной России. Пг.: Дореволюционная Россия, 1918, с. 1–206*, — где дается полный список представителей женской

половины общества в дореволюционной России). Выполняя сложный трюк под куполом цирка, мать Шиповника, находившаяся тогда на восьмом месяце беременности, сорвалась с цепи, угодив в находившуюся в этот миг на арене клетку, по которой разгуливал тигр. Ей удалось выдержать схватку с тигром (тигр погиб), но не удалось выдержать схваток родовых — и она родила великого ученого (Шиповника — *примеч. ред.*). Результатом перенесенной в утробе матери черепно-мозговой травмы стала рассеянность, сопровождавшая Шиповника всю жизнь: ею зачастую и объясняется тот факт, что он нередко терял части своей великой книги, которые потом либо находили то тут, то там, либо не находили вообще. А один из утраченных фрагментов десятой главы был даже дважды найден разными исследователями, причем в одном и том же месте — в книге какого-то *Фридриха Адольфа Тренделенбурга* (см. сноску к соотв. стр. настоящего издания — *примеч. ред.*). Так что подозревать Шиповника в том, что все утраченное в его книге утрачено им самим, да еще и нарочно, не только крайне неумно, но еще и негуманно». — *П. Урга*. За гуманизм в восточной науке. — Кризис гуманизма в западной науке. Брянск, Вест, 2004, с. 54.

48 «Шиповник считал, что понимать необходимо все. Даже когда его не просили что-либо понимать, он это все равно понимал. Его даже многие боялись — например, когда Шиповник в течение пятнадцати лет работал участковым милиционером. На вверенном ему участке он понял всех жильцов — и, только поняв их, сложил с себя полномочия участкового, за что жильцы были ему очень благодарны». — *В. И. Хорь*. Шиповник уходит в запас. — На боевом посту / Газета-листочка 6-го участка охраны правопорядка. Измайлово. 16 мая 1958 г.

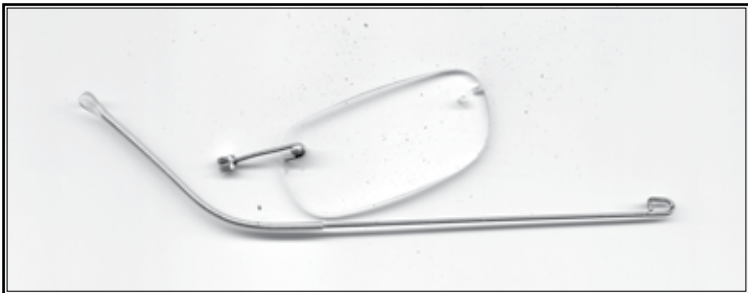
*подлинный синтез есть анализ, а подлинный анализ, наоборот, есть синтез*⁴⁹.

⁴⁹ «Глубина этой формулировки Шиповника настолько велика, что у человека, наделенного обычным сознанием, замирает сердце, — и так случается практически с каждым. Я делаю оговорку “практически”, поскольку, например, у латышского стрелка П. О. Жалуйтеса отнюдь ничего не замирает, доказательством чему служит хотя бы и следующий пассаж: “Иногда, вне всякого сомнения, Шиповник предпочитает логическому заключению логическое приключение — утверждая, в частности, что подлинный синтез есть анализ и наоборот. Слова «синтез» и «анализ» находятся в антонимических отношениях — и их, подобно любым антонимам, в угоду логике удобно менять местами. Возьмем произвольные антонимические пары — любовь и ненависть, смелость и трусость, нежность и грубость, радость и грусть, совесть и честь, деньги и власть, шляпа и трость... — одно удовольствие менять их местами. Скажем: подлинная шляпа есть трость, и подлинная трость есть шляпа”. (П. О. Жалуйтес. Логическая структура “Всего”. — Сб. Точные методы и выпады в гуманитарных науках. Западная Двина, Гуманоид, 1977, с. 43). П. О. Жалуйтес даже не замечает, что результатом его умствований оказывается неприличный по существу своему пассаж, в котором Шиповник предстает каким-то идиотом. Однако представлять Шиповника идиотом значит не знать его собственных высказываний на сей счет. Между тем Шиповник как-то заметил: “Многие считают меня идиотом. Они неправы. Тот факт,

что меня окружают одни умственно неполноценные люди, ничуть не умаляет возможностей моего собственного интеллекта — напротив, мой собственный интеллект становится лишь ощутимей на этом фоне. Когда меня самого одолевают сомнения, не идиот ли я (кому из нас не знакомы такие сомнения?), я обычно смотрю на тех, кто меня окружает, и понимаю, что мне еще далеко до них. Некоторые из них не могут и двух слов связать, в то время как я легко могу это сделать. Например, я уже давно связал два такие слова, как «синтез» и «анализ», — причем связал настолько прочно, что с тех пор никто — включая меня самого — не может развязать их”. (АФВ, Ш1057–4631, раздел 75, разул 27). Трудно себе представить высказывание, более трезво оценивающее границы собственного интеллекта. Из него явствует, что и так называемое обыденное сознание самого Шиповника иногда не способно было контролировать его творческого сознания, высот которого он достигал в минуты озарения. Так, его творческое сознание, находясь в состоянии активности, связывало вещи, которые его обыденное сознание, находясь в состоянии покоя, не могло развязать впоследствии. К сожалению, большинству из нас приходилось видеть Шиповника лишь тогда, когда он оставался носителем обыденного сознания. И очень немногим удалось пережить моменты его озарения — вспышек творческого сознания гения. Вот как описывает свои впечатления от этого зрелища *З. Дурново-Кобылина*, которая была близка с Шиповником во время оттепели: “«Подожди!» — воскликнул Шиповник, отстраняя от своего — вдруг страшно изменившегося к лучшему — лица моё лицо, всё ещё разгоряченное острым приступом любви. Он откинул со лба буйно вьющуюся прядь черных волос (по свидетельству *Б. Горячевой*, Шиповник, наоборот, никогда не имел волос на голове и постоянно был лысым — *примеч. ред.*), — мешавшую ему подняться с постели. Справившись

с прядью, он вскочил и забился в угол, чтобы я не увидела происходившего с ним. Я, конечно, тут же подошла как можно ближе, понимая, что немногим выпадает счастье и честь созерцать Шиповника в редкие моменты просветления. Осторожно взяв ученого за голову, я резко развернула его лицо к себе. Оно было уже заплаканным. Из синих глаз Шиповника в меня словно ударили две молнии. Мне удалось устоять на ногах, но на какое-то время я ослепла (слепота *З. Дурново-Кобылиной* полностью прошла только через три года после описываемого события, однако до конца жизни ей пришлось носить сильные очки, стекла для которых по специальному заказу-ходатайству Всесоюзного общества слепых изготавливали для нее на заводе *Карла Цейса* имени *Карла Маркса* в ГДР (Германской Демократической Республике — *примеч. ред.*). То, что я увидела, придя в себя, не поддается описанию. Отдавая себе в этом отчет, я все же опишу увиденное. Шиповника была крупная — величиной со страусиное яйцо — дрожь. Еле уворачиваясь от ударов, он извивался по полу, напоминая раненого дракона. Из пасти его валил дым. Крылья трепетали, разбрасывая по полу перья и пух. Когти впивались в половицы, оставляя на них глубокие царапины. Чрево Шиповника то вздувалось, то опадало, словно осенняя листва. Он задышался и хрипел. «Что с тобой, милый?» — вскричала я, нежно глядя его по крепкой чешуе. Громкий страдальческий рев был мне ответом. Еле волоча по окровавленному полу тяжелую тушу (душу — *примеч. ред.*), Шиповник пополз в направлении ванной комнаты. Я забежала вперед и распахнула дверь в ванную — посторонившись, чтобы Шиповник мог пролезть туда. Захлопнув за собой дверь, Шиповник истошно завыл и принялся биться о дверь с противоположной стороны. Из-под двери поползли языки пламени — мне еле удавалось прихлопывать их голыми руками.

Илл. 10. Очки З. Дурново-Кобылиной, сломанные во время ее близости с Шиповником. (Хранятся в Музее Шиповника, Нарьян-Мар)

Потом по комнате распространился страшный смрад. Несмотря на то, что была зима, я распахнула окна и входную дверь. Неизвестно откуда взявшиеся соседи грозили позвонить в милицию. Заламывая им руки, я умоляла их не делать этого. Внезапно все стихло. Из ванной комнаты приветливо зажурчала вода в унитазе. Уже через минуту дверь открылась — и с улыбкой на красивом лице Шиповник весело вышел навстречу соседям. «О чем шумим? — беспечно осведомился он и принялся. — И откуда такая вонь?» При этом он подозрительно посмотрел на соседей. Пристыженные, они покинули квартиру. Я выждала некоторое время и спросила: «Как тебе сейчас, милый?» — «Прекрасно!» — ответил Шиповник и деловитой походкой зашагал к столу. Там он заточил карандаш и принялся набрасывать что-то в своем блокноте. «Можно мне прочесть?» — взмолилась я после того, как он поставил точку. «Это пока сыро, — сухо ответил он. — Потом прочтешь... когда книга моя разойдется по всему свету»». (З. Дурново-Кобылина. Дни и ночи с Шиповником. Ленинград, 1961, с. 307). Вот так! — Степ. Анакан. Шиповник как гений. Москва, Генофонд, 2000, с. 349.

И тот, кто <рзб., но нпнтн>⁵⁰. Именно

⁵⁰ «Неожиданность ходов, которыми Шиповник то и дело удивляет читателя, могла бы составить специальную тему диссертации, однако, к сожалению, до сих пор не составила. Например, когда одного из диссертантов (имеется в виду канд. юр. наук Юр. Прихвостень — примеч. ред.), только что защитившегося на тему “Культ понятия в юриспруденции и критика его Хенрихом Трипелем”, спросили, почему он не выбрал в качестве темы “Неожиданность ходов в книге Шиповника”, тот со слезами на глазах ответил: “Эта тема оказалась мне не по зубам”, — и, открыв рот, показал его спросившему — шамкающий, беззубый: зрелище было ужасным. Как раз один из неожиданных ходов, о которых идет речь, представлен в конце главы 5–7, где сигнатура “рзб., но нпнтн.” вопреки всяким ожиданиям замещает цитату “И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет”. Ни происхождение этой цитаты, ни значение ее в данном контексте не ясны. Скорее всего, она нужна для того, чтобы оптимистически завершить данную главу и больше никогда к ней не возвращаться. Однако цитата интересна не этим (этим она неинтересна), а тем, что помогает пролить свет на один из важнейших вопросов в связи с книгой Шиповника — вопрос, касающийся датировки текста. Не беря на себя смелость занять ту или иную позицию в споре о том, сколько лет прожил на свете Шиповник, мы обратим внимание читателя на два момента в анализируемом издании “Всего”: историческую справку, предваряющую его, и ту цитату, обсуждение которой только что закончили. В исторической справке упоминается, в частности, “банка тунца”. Если допустить, что книга Шиповника была написана в первой половине XIX в., как

утверждают, например, *И. З. Дыхалова, В. Рыло, П. Л. Ющенко, Василий Голубь* и мн. др., то “банка тунца” в исторической справке должна выглядеть анахронизмом; анахронизмом тогда будет и цитата, стоящая на месте “разб., но нпнтн.” в гл. 5–7: все это просто не могло появиться ранее двадцатого века, когда была открыта технология изготовления рыбных консервов, а песня стала помогать строить и жить. Из вышеуказанного следует, что книгу Шиповника, скорее всего, наиболее правильно датировать первой-второй половиной XX века. Следует также принять к сведению, что первая жена Шиповника, революционерка *Лизбет Абрахамсон*, скончалась в Истеде (Швеция) сравнительно недавно — причем можно с довольно большой точностью утверждать, что произошло это либо 30 сентября 1963 года, либо 11 февраля 2000 г. Данная историческая подробность еще раз ставит под сомнение версию о патологическом долгожительстве Шиповника — впрочем, о мифологизации образа ученого написано уже довольно много (ср. хотя бы недавно вышедшую монографию *Давида Могулия* “Вернуть Шиповника людям”, М., Полициздат, 2003). Заметим, кстати, что многочисленные так называемые исторические свидетельства, согласно которым Шиповник “и швец, и жнец, и на дуде игрец”, по всей вероятности, составляют части того же мифа. Даже если просто сопоставить периоды профессиональной жизни Шиповника (в качестве портного, военнослужащего, пожарника, рабочего морозильного цеха мясокомбината и т. д.) как они приведены в академических исследованиях, становится понятно, что для отправления такого количества служебных функций даже и самой долгой жизни не хватит. Кроме того, сомнительно, что Шиповник действительно был в состоянии отправлять эти функции без левой руки, которой у него — по сведениям, почерпнутым нами из надежных источников, — не было от рождения. Опять же кстати,

мы бы усомнились в том, что Шиповник от рождения был слеп. Как тогда он мог бы найти дорогу к дому первой своей жены, *Лизбет Абрахамсон*, и вернуться обратно? Как мог бы увидеть, что в руках у *Лизбет Абрахамсон* был именно финский народный эпос “Калевала”? Не говоря уже о том, что ему было бы в высшей степени трудно пользоваться измерительными приборами, делая обмеры, например, болтов, да еще заносить сведения о них в свои “ночники”, о которых в широкоизвестной работе “Разъяслась дней...” рассказывает проф. *Н. Е. Трогай*! Мы говорим об этом не потому, что так уж склонны доверять всем только что приведенным свидетельствам, но потому, что совокупность подробностей жизни Шиповника нуждается в тщательной ревизии, — даже в том, что касается пресловутых “ночников”. Отнюдь не желая умалить научной добросовестности всеми уважаемого проф. *Н. Е. Трогай*, позволим себе, тем не менее, заметить, что в малоизвестной научной общественности книге *Льва Медведева* “Круг интересов Шиповника”, из-за экономических трудностей вышедшей в читинском издательстве “Читай-город” (1979) в количестве всего-навсего 27 экземпляров (29 экземпляров — *примеч. ред.*), под вопрос ставится подлинность именно “Ночников Шиповника”. *Лев Медведев*, прекрасный знаток тех областей, к которым было постоянно приковано внимание Шиповника, признается, что его в свое время насторожило сведение об интересе Шиповника к болтам. Получив разрешение в зал ДСП Архивного Фонда ПОГИБЛ, *Лев Медведев* тщетно искал там “Ночники Шиповника” под инв. № 236501. Однако соответствующего номера в фонде обнаружено не было. Зато под инв. № 289743 числился так называемый “Список иных”, где были названы имена 6320 человек, полагававших, что видимость идентична сущности. Примечательно, что в списке этом отсутствовали имена двух человек, которых все мы — вслед за якобы

Шиповником — привыкли считать людьми, не отличавшими видимости от сущности (см. сноску 13 в настоящем издании): *И. Х. Надули* и *Шелепень*. Не поленившись обратиться к ним, *Лев Медведев* узнал от них, что оба они прекрасно отличали видимость от сущности, а *Шелепень* отличала (отличал? — *примеч. ред.*), кроме того, и сущность от явления! Все это говорит о том, с какой осторожностью надо подходить даже к историческим документам — включая и те, которые давно и прочно вошли в научный оборот и считаются непререкаемыми». — *Б. Редни* (Великобритания). Марш энтузиастов / Доклад на Конгрессе Европейских Центров (КОНЕЦ) по изучению подлинности исторических свидетельств о жизни и творчестве Шиповника. — Сб. КОНЕЦ — делу венец. Бейджин (Пекин), изд-во «Бейджинес» («Пекинес»), 2004, с. 76–78.

Илл. 11. Иные (в лицах отдельных их представителей). (Фотография иных в полном составе является собственностью *Розы Сбитневой*, но она ее никому не показывает)

*поэтому все, что мы видим, слышим, ощущаем на запах и вкус*⁵¹ <нрзб. и нпнтн.>⁵².

⁵¹ «Здесь перед нами одно из самых сильных свидетельств в пользу того, что Шиповник, лишенный нижних и верхних конечностей (последний факт объясняет отсутствие в данном перечне глагола “осязаем”), тем не менее, отнюдь не был лишен ни глаз, ни ушей, ни языка, ни носа, как об этом то и дело приходится читать в работах некоторых горе-исследователей. Так, *С. Вияга* отмечает, что в ученом мире распространено сведение о слепоте Шиповника (см.: *С. Вияга. Систематический обзор точек зрения, касающихся присутствия г-жи Волконской в тексте книги Шиповника. Казань, Речное пароходство, 1998, с. 41*); *З. Дурново-Кобылина* утверждает, что Шиповник страдал врожденной глухотой (*З. Дурново-Кобылина. Дни и ночи с Шиповником. Ленинград, 1961, с. 289*); *Алла Прима* приводит сведения, согласно которым Шиповник был нем, ибо родился без языка (*Алла Прима. Время разбрасывать камень. — Минералы России/Межвузовский сборник. Москва—Санкт-Петербург, Междувузье, 2004, с. 53*), а в книге *П. О. Ловца* даже сказано: “Поскольку третья жена Шиповника (медсестра *Анна Томская* — примеч. ред.) была неразборчива в своих и чужих половых связях, она заразилась сама и заразила Шиповника сифилисом, от которого у него тут же провалился в тартарары нос. Шиповник, утратив обоняние, не утратил, тем не менее, с детства присущего ему обаяния: по свидетельству

Бел. Горячевой, «лысый и безносый, он продолжал оставаться настолько привлекательным, как будто у него было две копны волос и два носа». — См.: Белла Горячева. Я и Шиповник в Сухуми 2 июля 1971 г. — Сб. «Шиповник на юге», Сухуми, «Правда», 2001, с. 189” (П. О. Ловец. Венерические заболевания в семье шиповников. М.: Медицина, 2004, с. 211). Все эти, на первый взгляд, так хорошо документированные сведения просто разбиваются в щепки о монолитное признание Шиповника, которое он делает в конце главы 5–7. Что касается венерических заболеваний в семье шиповников, то исследование этой темы и вообще следовало бы запретить — учитывая хотя бы тот факт, что Шиповник (по кое-каким причинам частного характера, о которых нам не хотелось бы здесь упоминать) всю свою жизнь пробыл холостяком. Между тем известно, что холостяцкая жизнь, лишая человека возможности полового общения с себе подобными, отнюдь не лишает его ни зрения, ни слуха, ни обоняния, ни способности различать предметы на вкус. Автор данного исследования, кстати, тоже холост, однако не только прекрасно видит и слышит то, что происходит вокруг него, но и беспрестанно щупает, вдыхает и пробует все это на вкус». — О. Щуплов. Органы Шиповника. Мценск, Авиценна, 2006, с. 58.

- 52 «Ряду фрагментов книги Шиповника, увы, так и суждено остаться непрочтенным. Корявый почерк и неуклюжесть мышления ученого навеки закрывают к нему (ряду, а не ученому — *примеч. корр.*) доступ. К тому же, некоторые места в книге сильно замусолены: на них Шиповник явно клал что-то липкое — скорее всего, руки, испачканные распространенным в России лакомством — подсолнечной халвой». — Жан Д'Арм. Шиповник без румян. Париж, изд. Галлиматя, 1972, с. 16.

Мы на своем горбу <нрзб., но нвжн.>⁵³

⁵³ «Сетования ученых дальнего и особенно ближнего зарубежья на полную непонятность всех утраченных фрагментов книги Шиповника часто преувеличены и имеют очень простое объяснение: плохое знание того языка, который был для Шиповника материнским. Чего, например, можно ожидать от авторов типа вильнюсской *Лаймы Берегите*, которая, занимаясь изучением стиля (!!!) Шиповника, даже не различает таких понятий, как “материнский” и “матерный”? Вот что она, например, пишет: “Богатство матерного языка Шиповника практически безгранически” (*Л. Берегите*. Погружаюсь в Шиповник. Вильнюс, Ноу Хау, 1979, с. 53). Оставим на черной совести *Лаймы Берегите* как безграмотное название книги, так и словосочетание “практично безгранически”: так в современной России даже социально незащищенные слои населения давно не выражаются. Однако определение языка Шиповника как “матерного” уже нельзя обойти молчанием, ибо оно фактически порочит светлое имя ученого. Отечественным деятелям науки уже неоднократно приходилось говорить о необыкновенной чуткости Шиповника к слову (см.: *Д. А. Вазелин*. Шиповник в огне. Москва, Бренд, 1957; *О. Б. Дулов*. За чистоту и правильность русской речи. —

Сб. “Чистота и правильность русской речи”. Чистополь, 1969; *Влас Тах*. Подводные камни языка. Горький, изд-во “На дне”, 1970). Однако специалисты дальнего и особенно ближнего зарубежья словно не услышали высоких голосов отечественных деятелей науки. Как же иначе объяснить вышеприведенное высказывание *Лаймы Берегите*? Да Шиповник скорее себе и ей язык бы отрезал, чем произнес матерное слово! Не то — со словом материнским: его Шиповник произносил гордо и во весь голос. И мы, кому это материнское слово так же близко и понятно, как Шиповнику, услышим его даже из-за частого угла скобок — о нет, нас не поставит в тупик предложение, достойно завершающее главу 5–7! Нам и вправду неважно <нвжн.>, что в данном случае заключено в угловых скобках, — нам важно <вжн.> то, что подразумевается предложением в целом. Мы, носители русского языка, легко понимаем: речь идет о выносливости человека, который — несмотря на физический недостаток (Шиповник был от рождения горбат) — с гордостью несет на себе тяжелое бремя знания. Однако то, что для нас очевидно, является тайной за семью печатями для *Лаймы Берегите*, сколько бы она ни “погружалась в Шиповник”. Ибо увь: живой как сама жизнь Шиповник со всей очевидностью мертв для *Лаймы Берегите*. Если бы это было не так, она понимала бы, что своим винительным падежом, совпадающим с именительным, она убивает Шиповника, переводя живого ученого в разряд неживых предметов. Воскресить Шиповника винительный падеж мог бы только совпав с родительным (ср.: “Погружение в *Шиповника*”), но это у *Лаймы Берегите* случится не раньше, чем рак на горе свистнет и чем матерный язык станет материнским!». — *У. Родина*. Мы — русские. Сызрань, Воинствующий патриот, 2001, с. 243.

Глава 8

Созерцани<...>

[пслдн. бкв. нрзб.]

<Потребуй созерцание назад все то, что им дано, чистая мысль осталась> *бы* <просто с нищенской сумою>⁵⁴.

*На эту нашу бесконечно глубокую мысль*⁵⁵

⁵⁴ «Долгие годы данный блистательный пассаж Шиповника считался безвозвратно утраченным. От него в первых изданиях “Всего” полностью сохранялось только одно слово, с мясом вырванное из контекста: “<...> бы <...>”, — которое не все понимали. Однако в середине минувшего — двадцатого — века два ученых мужа (П. О. Носов и Ганц Дууф) в двух разных странах (России и Германии) независимо друг от друга нашли утраченный фрагмент, причем в одном и том же месте: в “Логических исследованиях” Фридриха Адольфа Тренделенбурга, часть 1 (М., 1868), где на с. 41 так прямо и значилось: “Потребуй созерцание назад все то, что им дано, чистая мысль осталась бы просто с нищенской сумою”. До этого Ф. А. Тренделенбург был практически никому не известен — разве что своими вечными скандалами с Кантом, Гербартом да Гегелем, но после того, как в его работе дважды была найдена одна и та же

мысль Шиповника, *Тренделенбург* триумфально вошел в историю отечественной философии. Издательство “Лик” даже выпустило в свет книгу его сына, *Фридриха* (тоже) *Тренделенбурга*, лейпцигского профессора медицины, “Повреждения и хирургические травмы лица”, — что, кстати, испортило репутацию “Ли́ка” и привело к переименованию его сначала в “Физиономию”, а потом — в “Харю”. Что касается двух ученых мужей, то *П. О. Носов* и *Ганц Дууф* получили по золотому перу в руки — ликованию же научной общест-венности, обретшей начало восьмой главы книги Шиповника, не было конца». — *Н. А. Сорит*. Жемчужина в навозной куче. — Газ. «Барахолка», 1998, № 76 (777776).

55 «Известные круги на Западе (*Хуго Фергевальтиген*, *Парк Стар*, *Ю. Арсик*, *Жан Д’Арм* — примеч. ред.), стремясь свести значение Шиповника к нулю, принялись в середине XX века глумиться над выражением “наша мысль” в главе 8 книги Шиповника. Опираясь на совершенно неточную датировку книги, сделанную каким-то монголом во втор. пол. XX века — последний опыт еще одной неудачной датировки см. у *Б. Редни* (сб. “КОНЕЦ — делу венец”. Бейджин /Пекин, изд-во “Бейджинес”/“Пекинес”, 2004), — эти круги беспардонно заявили, будто Шиповник просто позаимствовал соответствующую мысль у *Ф. А. Тренделенбурга*. Тут известные круги проявили незнание истории философии, ибо мысль *Ф. А. Тренделенбурга* еще раньше сама была позаимствована им у *Аристотеля*, за что *Ф. А. Тренделенбурга* многие давно уже ругали. Таким образом, получается, будто Шиповник тоже позаимствовал соответствующую мысль у *Аристотеля*, а это предположение беспочвенно, ибо Шиповник, по его собственному признанию (см. АФВ, Ш1057–4631, раздел 14, разул 10), никогда в жизни не читал *Аристотеля*». — *В. Алдай*. Источниковедение. Осташков, Устье, 1996, с. 105.

*иные*⁵⁶ все еще смотрят сквозь розовые⁵⁷

⁵⁶ «Ревизованный список “иных”, дающийся в приложении к известной статье *Б. Редни* “Марш энтузиастов” (см. сноску к соотв. стр. настоящего издания) — ни в коем случае нельзя признать безупречным, ибо моральная неустойчивость *Б. Редни* не могла не оказывать влияния на его научные высказывания. В данном случае ряд сомнительных встреч *Б. Редни* с *Мариной Шелепень* во время его посещения России сорок два года тому назад (см. об этом: *Марина Шелепень*. Ряд сомнительных встреч со мной. — Газ. “Совершенно доступно”, М., 2005, № 2675489876543), вне всякого сомнения, повлиял на то, что *Б. Редни* вычеркнул *Шелепень* из списка “иных”. Между тем *Шелепень*, как сама она признается (см. указ. соч.), не только не отличает видимость от сущности, а сущность от явления, но даже не может как следует приготовить яичницу». — *Б. Е. Кон*. Разговор начистоту. Москва, Центр, 2008, с. 294.

⁵⁷ «*Алла Верды* в своей нелепой книге “Радуга-дуга” (Москва, Детский гиз, 1967, с. 44) настаивает, что вместо “розовые” здесь следует читать “разовые”, мотивируя это тем, что Шиповник был дальтоником и с детства не мог различать цвета. Однако, несмотря на то, что этот прискорбный недостаток зрения был действительно присущ ученому, нельзя полностью исключить у Шиповника знания, по крайней мере, названий цветов. Так, из того, что

Илл. 12. Светлый образ Фанни Волконской. (Предоставлен самою Фанни Волконской из Архива Фанни Волконской)

у меня самого нет детей, не следует, будто я не знаю детских имен: я знаю их лучше любых родителей! Например: *Леночка, Саша, Сережа, Арнольд, Лиза, Роза, Береза* и др. под.». — Борис Пустодиев. Среди цветов Шиповника. Л., Мол. хозяйка, 1974, с. 63.

<нрзб. и нпнтн., но првлън.>⁵⁸ *Впрочем,* <...>⁵⁹

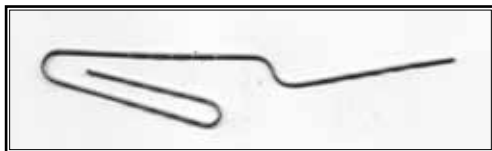

⁵⁸ «Кое-кто из читателей испытывает удивление, читая подобного рода сигнатуры, и даже склонен упрекать адептов книги Шиповника в исповедовании его культа — подобно тому, как это якобы делают ненцы. Но культ Шиповника среди ненцев, живо описываемый *В. Самоед* (Становление современной северосамодийской культуры. Нарьян-Мар, Экзогамная фратрия, 2003) все-таки сильно преувеличен. Разумеется, понятно желание автора связать процесс становления современной северосамодийской культуры с таким надежным именем, как Шиповник, но натяжки в описании нравов и быта ненцев в указ.соч. налицо. На самом деле, в Нарьян-Маре редко поминают Шиповника — и недавно на вопрос о том, что известно о Шиповнике местному жителю, один высокообразованный ненец в автобусе № 12, оторвавшись от “Кризиса психоанализа” *Эриха Фромма*, так и ответил мне: “Шиповник в наших краях редок”. Так что о культе Шиповника даже среди ненцев не может быть и речи. Что касается сигнатуры “неразборчиво и непонятно, но правильно”, то она свидетельствует не столько о слепом следовании идеям Шиповника, сколько о признании реальности ситуаций, когда непонятные вещи вполне могут быть правильными. Так, классический тезис *Романа Яacobсона* “Поэтическая функция проецирует эквивалентности с оси селекции на ось комбинации” тоже не всем понятен, но никто не станет отрицать, что при этом он абсолютно правилен». — *Конст. Мозговой.*

Категории «истинности» и «ложности» в книге Шиповника / АКД.
Коломна, Коломенск. пед.ин-т, 2006, с. 10.

- 59 «Завершая главу 8, Шиповник не случайно начинает предложение со слова “Впрочем”. Несмотря на то, что, кроме этого слова, ничего и в данном случае не сохранилось, — по крайней мере, модальность первоначально находившегося здесь высказывания Шиповника не составляет загадки. Скорее всего, Шиповник тут признает известную долю правоты и за прямо противоположной точкой зрения — например: “Впрочем, и прямо противоположная точка зрения вполне имеет право на существование”. Так разбиваются в прах не имеющие ничего общего с фактами измышления *Жана Д’Арма*, оголтело высказываемые им в непристойной кн. “Шиповник без румян” (Париж, изд. Галлиматя, 1972), пестрящей характеристиками типа “корявый почерк”, “неуклюжесть мышления” Шиповника и др. под. Так же мало общего имеет с правдой и заявление *Жана Д’Арма* о том, что “некоторые места в книге сильно замусолены”, так как, дескать, испачканы подсолнечной халвой (указ. измышл., с. 16). Ни для кого не секрет, что Шиповник от рождения страдал диабетом и в конце концов вообще прекратил употребление в пищу сладкого. Сахаросодержащие продукты представляли для него смертельную опасность: при невысоком росте Шиповника (1 м 13 см) он весил 168 кг, что исключало всякую мысль о лакомствах. “Замусоленность” же “некоторых мест” в его книге объясняются исключительно нечистоплотностью *Фанни Волконской*, в жирные руки которой, к несчастью, попала после смерти Шиповника рукопись “Всего”. Без конца листая рукопись, *Фанни Волконская* поела жареную рыбу, от которой была без ума. Этим и объясняется происхождение жирных пятен на страницах “Всего” — тех самых пятен, которые не раз привлекали внимание

Илл. 13. Скрепка, собственноручно разогнутая Шиповником однажды весной. (Архив Фанни Волконской)

исследователей. Однако грош цена исследователю (я имею в виду *Жана Д'Арма*), который не различает жирных пятен, оставляемых халвой, и жирных пятен, оставляемых рыбой: это совсем разные жирные пятна. Как бы там ни было, но тем, что рукопись книги Шиповника находится в столь плачевном положении, мы обязаны именно *Фанни Волконской*. По свидетельству *И. Н. Валидова*, рукопись была передана ей в девственном состоянии. Я подозреваю, что большинство утраченных фрагментов “Всего” утрачено не кем иным, как *Фанни Волконской*. Основания для таких подозрений дает не только ее пристрастие к жареной рыбе, но и недавно опубликованное признание *Ф. Разуваевой*, русской эмигрантки в Париже: “По сведениям, почерпнутым из достоверных источников, *Фанни Волконская* ненавидела Шиповника, искусно маскируя ненависть под любовь. Причину этой ненависти теперь, после смерти *Фанни Волконской*, можно открыть. *Фанни Волконская*, рожденная в неволе, не знала русского языка, не понимала ни слова в великой книге Шиповника и, лживыми посулами заполучив рукопись от *И. Н. Валидова*, начала действовать по принципу «так не доставайся же ты никому». Что касается знаменитого Архива *Фанни Волконской*, то все в нем — подлог и полная липа” (*Филиппа Разуваева*. Страшная правда. — Жур. «Новь», Париж, 2009, № 1, с. 12). — *Ф. И. Тиль*. И на солнце есть пятна. Пятигорск: Издательство «Грязи», 2012, с. 241.

Илл. 14. «На смертном одре». Романтизированное изображение отношений Шиповника и Фанни Волконской, в припадке слепой ярости надорванное и надписанное Филиппой Разуваевой. Датировка сомнительна. (Собственность Филиппы Разуваевой, Париж)

Глава 9⁶⁰
Мышление
как <...> акт⁶¹

<...> загаспую рассмапривают как <...>,

⁶⁰ «Изначально глава 9 была задумана Шиповником как глава 16, но из-за сокращения исходного листажа рукописи вчетверо (о причинах см.: П. Федоров. Дефицит типографской краски в Первой и Единственной образцовой типографии в период застоя. Нарьян-Мар, Первопечатник, 1952) была переименована в 9. Этот смело предпринятый Шиповником шаг свидетельствует об осознававшейся им необыкновенной важности главы 9. К сожалению, о том, почему именно глава 9 была для Шиповника настолько важной, нам остается только гадать: по тому количеству фрагментов, которые сохранились от нее, понять, о чем была эта глава, довольно трудно. С уверенностью можно утверждать только, что содержание главы 9 ничем не отличалось от содержания главы 16. В этом смысле глава 16, конечно, могла бы многое прояснить, однако она была сожжена Шиповником в числе прочих, устранившихся из окончательного корпуса книги. Увы, в замечательно составленном Архиве Фанни Волконской (АФВ, Ш1057–4631) тоже нет никаких следов ни главы 9, ни главы 16. Однако в оригинальном манускрипте сразу

вслед за главой 8 сделана рукой Шиповника карандашная пометка, которую можно прочесть двояко: “Дальше — всё о красках” или “Дальше — всё о крысках”. Учитывая факт большой личной скромности Шиповника и трезвой оценки им своих возможностей (АФВ, Ш1057–4631, раздел 145, разул 146), а также факт присущего ему дальтонизма, мы — в силу собственной деликатности — исключили бы из рассмотрения первую версию, “о красках”. Скорее всего, Шиповник намеревался сосредоточить внимание именно на “крысках” — крысах, а точнее — морских свинках, с которыми Шиповника, как известно (см. *Любовь Слепых*. Недреманные Очи. М., “Луч”, 1969), роднила бинокулярность зрения». — *М. Оскаль*. Избранные из «Всего» места. М. Вся Москва, 1991, с. 175.

61 «Текстовая лакуна в названии главы 9 по праву считается лакуной, пришедшейся как нельзя более некстати. Пропуск находится на весьма неудачном, мягко говоря, месте, провоцируя у некоторых самые что ни на есть разнужданные ассоциации. Однако Время уничтожает все без разбора: ему недосуг разбираться, где что находится. В результате ученые по сей день терзаются догадками: мышление как *какой акт* вынес Шиповник в название главы 9? Примечательно, что все спутницы жизни Шиповника единогласны в своем ответе на вопрос, какой акт имел в виду ученый... другое дело, что ответ их никоим образом нельзя использовать в научных целях. Причем удивительно, что с таким ответом в принципе согласны *В. Скрытень* и *П. И. Столетов*, утверждающие, будто Шиповнику было безразлично, с кем предаваться мышлению. По их заявлению, Шиповник вступал в этот акт с кем попало. Если оно действительно так, то я как честный человек считаю своим долгом уточнить, что со мной Шиповник в этот акт не вступал никогда». — *М. Мнемозина*. Моя духовная близость с Шиповником. Могилёв, Погост, 2001, с. 240.

*хотя оно не имеет ничего общего с <...>, не говоря уже о <...>, а также о <...>⁶².
Молодой енот и куропатка <...>⁶³.*

62 «Четкость логической структуры для Шиповника всегда была важнее того, чем эта логическая структура наполнена реально. Не случайно образ мысли ученого так близок нам, представителям точных наук и вообще людям с математическим складом ума. Перед такими, как мы, не возникает вопроса о том, что имел в виду Шиповник, ибо мы понимаем: Шиповник оперирует словом, освобожденным от всего временного и случайного, — словом, которое по сути своей приближается к числу. Вот почему мы с легкостью прочитываем криптоическое высказывание, открывающее главу 9 в книге Шиповника. Поставьте на место утраченных фрагментов текста не обветшавшие слова, но вечные, абсолютные в своем значении числа — и все загадки разрешатся сами собой. Получиться же у вас может приблизительно вот что: “8 часто трактуют как <7>, хотя оно не имеет ничего общего с <7>, не говоря уже о <6>”. Или: “125 часто трактуют как <229>, хотя оно не имеет ничего общего с <229>, не говоря уже о <1000>”. Или: “1000000 часто трактуют как <2000000>, хотя оно не имеет ничего общего с <2000000>, не говоря уже

о <2100000>”. Так математика позволяет бесстрашно заглянуть в глубины философии, открывая нам при этом самые по-таенные бездны интеллекта». — *Рубик Тер-Аканов*. Точность — вежливость математиков. Ставрополь, Труженик Ставрополя, 1974, с. 165.

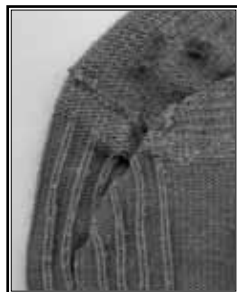
63 «Уже в нулевой главе Шиповник заявляет о себе как поэте большой лирической силы. Птичка, рыбка, мышка, медведь, лань, белочка, бобр и лягушонок неожиданно врываются в серую повседневность философии, чтобы навеки прописаться там. Они населяют книгу Шиповника голосами, шорохами, всплесками, сопением, урчанием и кваканьем, сообщая тексту совершенно неожиданное, поэтическое, измерение. В главе 9 к этой ликующей группе присоединяются молодой енот и куропатка. Трудно сказать, чем именно занимаются здесь, с точки зрения Шиповника, молодой енот и куропатка, поскольку подробности их встречи навеки скрыты от нас угловыми скобками... Однако чем бы они ни занимались, присутствие их в книге Шиповника вносит свежую струю в цепь логических рассуждений ученого — и струя эта насквозь пронизывает “Всё”. Воображению рисуется влюбленная пара (ср.: “*молодой енот*”), наполняющая жизнью и страстью суховатые построения интеллекта и взрывающая упорядоченную структуру целого. “Вот она, радость бытия!” — хочется крикнуть нам, свидетелям трогательной сцены встречи двух нашедших друг друга сердец. Примечательно, что данный фрагмент написан в один из самых безоблачных периодов жизни Шиповника — период знакомства с очаровательной *Анной Томской*, той самой, кому Шиповник принес “анализ мочи на синтез” непосредственно перед операцией по пересадке сердца». — *Роксана Труба*. «Всё» как стихотворение в прозе. М.—Л., Наука / Сер. «Памятники мысли», 1967, с. 218–219.

*200 г. сливочного масла
1 л. молока
батон за 13
полбуханки хлеба
новый носок (левый)⁶⁴*

⁶⁴ «Неправы те, кто в свое время предлагал заменить данный список сигнатурой “инрдн. вствк.” (“инородная вставка”). Во-первых, само по себе такое сокращение малопонятно. Во-вторых, и это важнее (см. ниже), следует и вообще поставить вопрос о том, до какой степени данная “вставка” есть “инородная вставка”. В-третьих, от книги Шиповника и так сохранилось настолько мало, что любое из уцелевших слов — просто на вес золота, и мы явно не так богаты, чтобы бросаться законченными фрагментами просто потому, что они требуют от нас дополнительного — пусть и неординарного — осмысления. Привыкнув и вообще осмысливать вещи неординарно, я отнюдь не испытала затруднений, инкорпорируя данный — на первый и только на первый взгляд, чужеродный — фрагмент в величественное целое. Перед нами — ярчайшее свидетельство того, что Шиповник не отличал себя как бессмертного ученого от себя как простого смертного — напротив: наука и жизнь были для него настолько близки, что он, по-видимому, совсем не разделял их. Потому-то и нет ничего необычного в том, что он включил список продовольственных и прочих товаров в структуру “Всего”. Жаль только, что список этот не датирован, однако в Архиве Фанни Волконской читаем: “17 ноября Шиповник по присущей ему рассеянности потерял левый носок. Будучи, как и все гении, стесненным в средствах, он не мог

позволить себе купить новую пару и всегда вынужден был покупать по одному носку, если второй терялся или изнашивался” (АФВ, Ш1057–4631, раздел 14, разул 6). Эта запись, не сообщая сведений о годе составления интересующего нас списка, по крайней мере, дает возможность разобратъся с числом и месяцем, что для науки уже само по себе очень важно. Заметим также следующее: в данном случае мы имеем дело не просто со списком продовольственных и прочих товаров (ср. “инородная вставка”). Он — историческое свидетельство того, что Шиповник щедро позволяет жизни врываться в свои научные построения, и уже самим фактом своего присутствия в книге добавляет некоторые важные черты к портрету мастера. Именно такую цель, скорее всего, и преследовал Шиповник: предстать перед нами не как кабинетный ученый-схоласт, запертый в четырех стенах и не позволяющий живой жизни проникнуть в свои владения. Шиповник приветствует жизнь, понимая, что без нее его научная теория засохла бы на корню. За недостатком места я вынуждена ограничиться лишь этими общими замечанием, хорошо отдавая себе отчет в том, что скрупулезное изучение списка — или, по крайней мере, носка — могло бы, вне всякого сомнения, открыть новые горизонты личности ученого. Но такой анализ — дело будущего, и я возлагаю искреннюю надежду на тех, кто придет мне на смену». — *О. Тонкая*. Наука и жизнь. М., Наука и жизнь, 1978, с. 47.

Илл. 15. Левый носок, потерянный Шиповником 17 ноября и через тридцать лет найденный одним из почитателей Шиповника на открытой эстраде Городского сада в г. Твери. *(Личность нашедшего не установлена)*

<...> *что невероятно важно для будущих поколений, которые*⁶⁵ <устар. и прост.>⁶⁶.

⁶⁵ «Шиповник всегда смело смотрел в будущее, ибо будущее не страшило его. “Страшит ли Вас будущее?” — однажды спросил я у Шиповника. “А чего ему меня страшить? — вопросом на вопрос ответил ученый. — Я и пострашнее видал!” Отсюда — что бы Шиповник ни говорил о будущем (даже если сущность высказывания со временем исчезала в бездне угловых скобок!), его высказывания всегда носили в высшей степени позитивный характер. Грядущие поколения виделись ему в ореоле славы: унаследовав все лучшее от своих отцов, дедов и прадедов, они безжалостно расправились с ними и легко расстались с их заблуждениями. Вот почему Шиповника всегда тянуло к молодежи. Свое яркое выражение это нашло в том, что на роль последней спутницы жизни ученый пригласил шестнадцатилетнюю *Розу Сбитневу* — причем тогда, когда самому ученому давно уже стукнуло за сто. Все, кто знал Шиповника, в один голос заявляют, что между мужем и женой никогда не было разногласий. Конечно, во многом это объяснялось тем, что зрение и слух Шиповника к этому времени уже окончательно отказали ему, но дело, разумеется, не только в этом. На похоронах *Розы Сбитневой* в надгробной речи над ее телом — ученому оказалось суждено пережить свою лучшую восьмушку (Шиповник был женат четырежды — *примеч. ред.*) — он сказал такие проникновенные слова: “Лежащая

здесь перед вами Роза — не просто Роза, но и наглядный пример того, как легко уживаются друг с другом представители разных поколений. Глухонемая от рождения, Роза не только никогда не повышала голоса, но и ни разу в жизни не заткнула уши, слушая мои стариковские бредни. В них она улавливала отголоски того опыта, которого жаждет молодежь будущего, но который можно почерпнуть только в условиях предельно близкого общения со старшими». — *В. Скрытень*. Как Шиповник видел будущее. — Сб. «Исторический рассказ народов России». М.—Л.: Литературные памятники, т. 1, 1990, с. 14, 89.

66 «Шиповника принято представлять себе каким-то пуристом от языка, всякий раз удаляющимся под сень липы с томиком *Хераскова*, чуть только он слышит крепкое выражение (см. об этом: *О. Б. Дулов*. За чистоту и правильность русской речи. — Сб. «Чистота и правильность русской речи». Чистополь, 1969, с. 8). Но это довольно однобокий взгляд на языковые пристрастия ученого. Не терпя бранных выражений, Шиповник отнюдь не стеснялся употреблять устаревшую и просторечную лексику: по его мнению, она сообщала языку образность и яркость (яркость и образность — *примеч. ред.*). К сожалению, каких бы то ни было примеров устаревших и просторечных выражений, которыми изобилвала речь Шиповника, не сохранилось. Тем не менее, *И. Н. Валидов*, известный своей любовью к сквернословью, утверждает, что большинству так называемых творческих речевых оборотов его научил именно Шиповник. Шиповнику принадлежит якобы и часто употребляемое *И.Н.Валидовым* по отношению к *Фанни Волконской* слово «коклюшка». — *Сергей Яицкий*. Тезаурус Шиповника. Пуризм или вседозволенность? Тюмень, Культура нефтяника, 1974, с. 42.

Глава десятая⁶⁷

Смысл всего⁶⁸

Иногда люди говорят: «Ни в чем <...> нет

⁶⁷ «Нет в мире ни одного исследователя, который, анализируя тот или иной аспект жизни и деятельности Шиповника, не упомянул бы об этой главе. Не будет большим преувеличением сказать, что именно она стала камнем преткновения для научных умов. В данной главе удивительно всё и прежде всего — то, что она, единственная из глав книги Шиповника, обозначена не номером, а порядковым числительным. Одно это заставляет ученых относиться к ней по-особому тепло. Вторая причина интереса к обсуждаемой здесь главе — в том, что она двойная. Впервые на это недавно, еще при жизни, обратила внимание покойная профессор *Н. Е. Трогай*. *Н. Е. Трогай* неожиданно для себя обнаружила, что непосредственно после главы “десятой” в книге Шиповника идет глава 10, чье место в структуре целого Шиповник обозначил цифрой. При всем уважении к профессору *Н. Е. Трогай*

не могу не заметить, что она сделала из этого весьма поспешный, а потому ошибочный и смехотворный вывод о том, что главу, обозначенную цифрой 10, следует переместить ближе к началу “Всего” и считать главой третьей по причине отсутствия в тексте третьей главы. Однако профессор *Н. Е. Трогай* не обратила внимания на то, что место, куда она предлагает перенести главу, обозначенную цифрой 10, не свободно: там уже находится глава, не обозначенная никакой цифрой. Заслуга научной коррекции идеи профессора *Н. Е. Трогай* после ее смерти принадлежит мне — ее ученице, с одной стороны, и талантливому аналитику — с другой.

Прежде всего, по пути решительно отменяя в сторону клевету заморских исследователей, обнаружившихся на горизонте науки уже после смерти профессора *Н. Е. Трогай*, я поспешу сказать, что присутствие в книге Шиповника сразу двух глав, имеющих один и тот же порядковый номер, отнюдь не является ни следствием того, что Шиповник сбился со счета (см. *Анн Тэн*. Учись считать до десяти. Париж, Л’Эколь нормаль, 1990, с. 2), ни следствием того, что Шиповник не понимал, что слово “десять” и цифра 10 обозначают одно и то же число (*Пьер де Бил*. Признаки дислексии у пациентов с дисфункцией мозжечка. Женева, Центр нарушения мозговой деятельности, 1992, с. 589). Наоборот, в обозначении двух следующих друг за другом глав двумя репрезентантами одного и того же числа есть некий нюанс. Будучи, как уже сказано, талантливым аналитиком, я не только не проглядела этого нюанса, но и смогла объяснить его.

Все дело здесь в том, что слово “десять” и цифра 10, будучи действительно репрезентантами одного и того же числа, выражают, тем не менее, разное отношение к миру чисел. Как мы помним, номер одной из глав в книге Шиповника, а именно той, что находится

между 2 и 4, оказался утраченным, то есть на данный момент не существует как таковой. Однако сама глава, хоть и не обозначенная никакой цифрой, существует и занимает фиксированное место в том упорядоченном ряду, который представляет собой движение вперед — от каждой предшествующей главы к каждой последующей. Иными словами, данная глава без номера не имеет количественного индекса, что, однако, не мешает ей иметь порядковый индекс — выступающий маркером очередного, считаемого шага вперед, соотношенного со всей совокупностью шагов в целом. Иными словами, шаг вперед не пропущен: он реально совершен, однако символически не обозначен. По отношению к той упорядоченности, частью которой является и данный шаг, глава, представляющая собой следующий шаг по отношению к девятому, есть глава “десятая” по порядку. Однако она не может быть обозначена символом — цифрой 10, ибо в символической реальности — реальности цифр как выразителей натуральных чисел — это все-таки глава 9. Мне могут возразить: глава 9 у Шиповника уже есть. С этим я соглашусь, но лишь частично: действительно, у Шиповника уже есть глава “девятая”, то есть глава, соотношенная с восьмью предшествующими ей шагами. Но на самом деле эта девятая в *порядковой реальности* глава должна была бы быть обозначена цифрой 8 — с учетом той количественной реальности, с которой соотношены натуральные числа в чистом виде. Если мне теперь опять возразят и скажут, что у Шиповника уже есть глава 8, я лишь скромно повторю мои аргументы: у Шиповника есть глава “восьмая”, которой не может быть сопоставлено иного числа, чем 7, — и так далее. (Правда, некоторую растерянность вносят “пятая” и “шестая” главы, реально находящиеся — вместе с “седьмой” — в некоем “общем пространстве”. Здесь мне ничего не остается сказать, кроме того, что в рамках этого как бы общего пространства, объединяющего

три главы, тоже делаются шаги вперед — правда, чуть более мелкие. Однако длину шага имеет смысл все-таки игнорировать — как в данном случае несущественную, — приняв во внимание тот факт, что это не меняет направления движения).

К чему же мы теперь пришли? Мы пришли к тому, что глава, следующая за девятой *по порядку*, не может быть иной, чем десятой. Тем не менее, с учетом того, что здесь мы входим, так сказать, в иной, более высокий (второй — *примеч. ред.*) порядок, время для появления цифры 10 как таковой еще не настало. Она появится позднее, в следующей главе, одиннадцатой *по порядку*. А это означает, что опережение порядком количества, приходя в точку баланса (граница между “десятой” главой и главой 10), прекращается и на смену ему приходит опережение количеством порядка, что, в конце концов, призвано вернуть количество и порядок в исходную точку ничем не нарушаемого покоя.

Теперь мне, а вслед за мной и читателю должно стать понятно, насколько глубоко и всесторонне продумана Шиповником композиция “Всего”. На фоне моих зрелых рассуждений просто детским лепетом выглядят умствования *Майи Сироты* в соавторстве с *Жуковым* (см. их беспомощную статью в “Сб. статей, посвященных 10-летию безвременной смерти д. ф. н. проф. Н. Е. Трогай”. Пермь, Пермская обитель, 1999), занимающихся исключительно пронумерованной главой книги Шиповника и почему-то тоже считающих себя учениками профессора *Н. Е. Трогай*. — *В. О. Щучкато*. Все обо «Всем». М., Академия, 2001, с. 51.

68 «В писании своем “Физиологические процессы, сопровождающие чтение книги Шиповника” академик *Мурат Ширзадов* однажды признался: “Дойдя до главы десятой в книге Шиповника, я почувствовал, как у меня потекли слюнки” (Самарканд, изд. “Сделай

сам”, 1961, с. 101 — *примеч. ред.*). Не вполне разделяя с академиком столь нежное отношение к его слюням, мы, тем не менее, хорошо понимаем закономерность описываемого им физиологического процесса при обращении к соответствующей главе “Всего”. Название ее действительно обещает положить конец нашим поискам истины. Мысленному взору уже представляется, как, лениво откинувшись в мягком кресле, мы больше не терзаемся загадками бытия, но лишь созерцаем утомительной чередой бегущих мимо нас современников в их тщетной погоне за мелкими благами. Однако все не так просто. И Шиповник не был бы самим собой (Шиповником — *примеч. ред.*), если бы позволил нам (читателям “Всего” — *примеч. ред.*) приобщиться к истине без каких бы то ни было усилий с нашей стороны. Ему не нужен послушный раб, следующий за ним по пятам! Читатель-соавтор, незаурядная личность, подставить самому ученому, вместе с автором создающий величественный памятник всему живому, — вот кто нужен Шиповнику. И чтобы этот соавтор взял на себя труд написать за автора если не всю, то хотя бы две трети, хотя бы половину книги... а иначе на что вообще читатель? Пусть страницы великой книги хранят на себе отпечатки и его пальцев, пусть страницы эти будут политы и его потом, забрызганы и его кровью — только тогда покажутся читателю сладкими горькие плоды мудрости, которые впоследствии ему предстоит вкусить. А потому, приступая к чтению главы десятой, нам с вами отнюдь не следует готовить себя к легкой поживе. Путь через главу десятую будет мучительным и долгим: спотыкаясь на каждом шагу, падая и ушибаясь, читатель-соавтор тысячу раз проклянет тот день и час, когда он родился на свет, тысячу раз наложит на себя руки и уберет их, тысячу раз пожелает покинуть сей мир и снова вернуться в него, прежде чем на горизонте забрезжит ему тихий свет... забрезжит — и тут же погаснет. Да, такова она, суровая правда

Илл. 16. Левая нога Шиповника в эпоху Гражданской войны. Документальное свидетельство наличия у ученого обеих ног. (*Частная коллекция рук и ног, Вена*)

неблагодарной жизни. Вот почему мы гневно говорим академику *Мурату Ширзадову*: подберите Ваши “слюнки”, академик, ибо не сахарную пенку намерен предложить Вам Шиповник, но соленую пену, грозную пену — пену шире горшка, вулканическую лаву. О, праздный академик, привыкший жать, что не сеял, и жрать что ни попадя! Ты (ничего, что я на “ты”?) и все твое гнусное племя, все твое семя, вымя, пламя и стремя — одна копошащаяся у подножия вулкана Помпея, которая скоро будет сметена со строгого лица земли раскаленным потоком кипящей плазмы. Ибо “смысл всего” постигается в крещении огнем, и из огня этого суждено выйти лишь тем, кто готов принести свою жизнь на алтарь знания. А тех, кто жаждет сахарной пенки и распускает сахарные слюнки, со страшным хохотом проглотит геенна огненная — и, отрыгнув, проглотит опять, уже навеки». — *Отец Народов*. Третья эпистола, обращенная к браткам. Псков, Флора, 2007, с. ³/₄.

смысла»⁶⁹. Но они никогда не говорят: «Во всём нет смысла», — ибо сказать так просто невозможно⁷⁰. Между тем как

69 «Однажды я, в десятый раз перечитав первую фразу десятой главы, задумчиво спросила Шиповника: “А люди ли это, Шиповник?”. Шиповник покраснел от гнева и, стараясь, чтобы я не услышала, быстро простонал в сторону: “Да какие же это люди? Это дикие звери!” — но, в ту же секунду взяв сначала себя, а потом и меня в руки, прижал меня к себе и твердо сказал: “Все мы люди, Фанни, — и добавил: — Все мы человеки”. Сделав вид, что не услышала его мимолетного стога, я склонила голову на грудь Шиповника. В эту минуту — невидимая Шиповнику, который был полностью поглощен мной, — вошла тогда еще живая *Роза Сбитнева*, самая последняя жена Шиповника. Застав нас с великим ученым в объятиях друг друга, она упала как сжатый сноп. “Что-то упало, — тихо сказал мне Шиповник (время суток располагало к негромкой беседе) и глубоко вздохнул: — Мир рушится, Фанни. Мир уже разрушен: он лежит в руинах. Я часто ловлю себя на том, что понимаю тех, кто говорит: «Ни в чем нет смысла». В эту минуту *Роза Сбитнева* зашевелилась. “Но что-то шевелится, — оживился Шиповник. — Что-то шевелится в каждом из нас, Фанни, — шевелится и говорит: забудь о ничто, в котором нет смысла, вспомни про Всё, ибо Всё переполнено

смыслом!» В эту минуту *Роза Сбитнева* поднялась на ноги и, не видимая Шиповнику, с рыданиями покинула помещение. «Что-то ушло, — просветленно сказал Шиповник, — что-то забылось, потеряло всякий смысл. Но что это было? Ничто! Ничто, в котором и так никогда не было смысла». «И во мне нет смысла?» — робко спросила я Шиповника, забываясь у него на груди. «В тебе? — расхохотался он и укоризненно покачал большой головой. — Как такое могло прийти тебе на ум, Фанни... Ты полна смысла, ты Жизнь, ты Всё!». На другой день я с легкой грустью узнала, что *Роза Сбитнева* навсегда покончила с собой». — *Фанни Волконская*. Воспоминания, согревающие душу. — Инт. в газ. «Франс Обсёрвер», 2003, 34 октября, № 45 (2356).

70 «Шиповник всегда был прав. Это настолько бросалось в глаза, что ни у кого не было сил спорить с ним. Поэтому, не желая обременять людей, Шиповник постоянно высказывал лишь бесспорные суждения. Нет ни одного суждения во «Всём», которое не было бы бесспорным, — в их числе и то, что пришлось на второе предложение главы десятой. Действительно, сам язык наш строго запрещает формулировки типа «во всем нет смысла», ибо у нас так не отрицают. У нас по-другому отрицают: чтобы уже вообще ничего положительного не осталось. Например: «Нет, не надо никому никогда ни в чем ни верить, ни доверять»: шесть смыслов — семь отрицаний. «Отрицать можно лишь «ничто», — как бы ненавязчиво учит нас здесь Шиповник, — «всё» отрицать нельзя». Не поэтому ли Шиповник и назвал свою книгу «Всё» — чтобы то, что содержится в ней, невозможно было подвергнуть отрицанию? Согласимся же с ним. Согласимся во «Всём» — другого выхода у нас нет». — *Пров Исаев*. Жить в согласии. Сольвычегодск, изд-во «Совет да любовь», 1965, с. 361.

<...> в благословенном⁷¹ одиночестве⁷², где всё заполнено и переполнено сущим, ибо

71 «Шиповник отказывался понимать язычников. Сам он был очень религиозным и обожал молиться всяким богам. Существуют мнения, что он был истово верующим христианином, непримиримым исламом, пылким буддистом, ортодоксальным индуистом, страстным исповедником иудаизма, воинствующим даосом и бескомпромиссным синтоистом. В светлое время суток Шиповник исповедовал вуду. Современники поражались многообразию его верований. “Как в Вас все это уживается?” — часто интересовались они. “Молча”, — обычно отвечал Шиповник, ибо от рождения дал обет молчания. От рождения же дал он и обет безбрачия, проведя всю свою жизнь в суровом аскетизме. Только одной женщине удалось прорваться на его целомудренное (целомудренное — *примеч. корр.*) ложе — Фанни Волконской, и то уже тогда, когда это было смертное ложе. Впрочем, Фанни Волконская смогла осквернить только брненное тело Шиповника, но так и не смогла осквернить его души — к тому моменту, когда искусительница взгромоздилась на смертное ложе Шиповника, тот был уже безвременно мертв: он предпочел умереть, чем нарушить свой целибат». И. Н. Валидов. О попытке осквернения Шиповника, приведшей к его безвременной смерти. — Сб. Вандализм в истории человеческой культуры. Нью-Йорк, Апхилл & Даундэйл, 1975, с. 14, 07.

72 «Одиночество, к обсуждению которого внезапно переходит Шиповник, он не раз испытал на своей шкуре (Шиповник никогда не носил шкуры — *замеч. ред.*). Будучи сиротой, он с младых ногтей привык рассчитывать только на себя. Мать Шиповника, племенная (пламенная — *примеч. корр.*) революционерка, задолго до его рождения умерла в борьбе за власть Советов: ей даже не выпало счастье познакомиться с отцом Шиповника — талантливым дударем, который вскоре после смерти матери Шиповника пропал без вести у себя на родине, в далеком Китае. Тот факт, что не только Шиповник никогда не видел своих родителей, но и никто другой их не видел, а также тот факт, что родители тоже никогда не видели своего Шиповника, делает одиночество ученого особенно нестерпимым, а судьбу его — не похожей ни на какую другую. Шиповника родила не мать, а какая-то совершенно посторонняя сердобольная женщина с улицы. Именно поэтому о матери Шиповника — да и об отце его тоже — существует столько легенд. Мать его (Шиповника — *примеч. ред.*) рисуют то портняхой, то цирковой гимнасткой, то племенной (пламенной — *примеч. корр.*) революционеркой — причем каждый исследователь выбирает то, что ему больше по душе. Есть также версии, что она была пескоструйщицей, лудильщицей, лекальщицей, синологом. Про отца тоже говорят разное — канонические варианты: пожарный, швец, жнец и на дуде игрец. Интересно, что даже самому Шиповнику часто приписываются типологические характеристики рода: то он выступает портным (швецом), то пожарным, то лудильщиком, то игроцом на дуде, между тем в реальности он был просто-напросто одиноким больным человеком, тяжелыми недугами от рождения прикованным к чужой постели». — *К. Смо-родина*. Шиповник в период беременности им. Материнск, Материнское кн. изд-во. 1993, с. 17.

<нрдн.-птчск. и нзслжнн. збт.>⁷³. <...> <конец цитаты>⁷⁴.

⁷³ «Те, кто близко знал Шиповника (полный список лиц по мере убывания степени близости см. в увлекательной статье: С. О. Скочило. Вверх по лестнице, ведущей в них. — Сб. “Кто Шиповнику ближе всех?”, Париж—Рим—Москва, 1987, с. 18–326), считают его прежде всего поэтом большой лирической силы и только потом — ученым. Те, кто знал его не так близко, ценят его в первую очередь как ученого. Те же, кто знал Шиповника мало, видят в нем человека, но обожествляют его и мифологизируют его образ. И только те, кто не знал Шиповника вовсе, полагают, что это кустарник. Поскольку в списке лиц, близко знавших Шиповника, я заслуженно вхожу в первую десятку лидеров, для меня он — поэт. Я с трепетом храню в памяти первое (оно же последнее — *примеч. ред.*) его стихотворение, которое здесь позволю себе привести целиком:

Вокруг меня одно только сущее,
А больше ничего совершенно, к сожалению, нет.
Оно, мою душу с жадностью несущее и сосущее,
Шлет мне свой пламенный (искренний) привет.

К сожалению, сам Шиповник впоследствии отказался от этого стихотворения, сочтя его не своим и несовершенным. Однако

не таково мнение тех, кто был близок к поэту. Их мнение таково: хотя Шиповник абсолютно прав, считая стихотворение не своим и несовершенным, оно, несомненно, принадлежит его перу и является совершенным. К сожалению, многие из моих знакомых (каждый из них близко знал Шиповника и тоже входит в первую десятку лидеров) полагают, будто Шиповник не нашел данному стихотворению места в своей книге. Некоторые даже настаивают, что его надо опубликовать отдельным изданием. Однако я уверена в том, что в угловых скобках, венчающих главу 10, заключено именно это стихотворение, поскольку оно полностью отвечает характеристике “народно-поэтическое и незаслуженно забытое”. — *О. К. Ружала*. В непосредственной близости от гения. Омск, Старая гвардия, 1988, с. 28–29.

74 «Это единственный во всей книге Шиповника случай, когда автор прибегает к прямому цитированию. Несмотря на то, что ссылка на заинтересовавший Шиповника источник отсутствует, можно с большой долей уверенности предположить, что на месте многоточия находилась цитата из широко понимаемой классики. Например, из стихотворений *Пушкина* (“Анчар”, ода “Вольность” и т. п.), где вполне достаточно по-настоящему проникновенных мест. Или из “Горя от ума”, где тоже можно почерпнуть много умных слов. Ничто не мешает нам также предположить, что это цитата из какой-либо басни *Крылова*: каждая из них содержит в себе неисчерпаемый запас тонких изречений. Но, разумеется, Шиповник мог процитировать и классическую прозу — ту же “Анну Каренину” или тот же “Обрыв”, не говоря уже о классической драматургии: “Гроза” или “Три сестры” кажутся нам здесь вполне и вполне уместными». — *Д. Уховичный*. Шиповник глазами учителя литературы. Вятка, изд. «Детка», 1969, с. 72.

Глава 10⁷⁵

Смысл всего⁷⁶

Иногда люди говорят: «Ни в чем нет смысла». Но они никогда не говорят: «Во всем нет смысла», — ибо сказать так просто невозможно. Между тем как <...>

⁷⁵ С. Казанская-Банхоф, в 1961 году эмигрировавшая на Запад, во Франкфурт-на-Одере — впоследствии, к несчастью для нее, оказавшийся Франкфуртом-на-Майне, — всего за каких-то полтора с лишним года сумела настолько оторваться от всего русского, что уже в 1963 году написала пропитанную ядом статью под провокационным названием «Зачем нам две десятых главы?» (см.: С. Казанская-Банхоф. Зачем нам две десятых главы. — Сб. образчиков злостной клеветы в адрес молодой страны Советов. Франкфурт-на-Майне, «Вас майнен Зи?», 1964). В этой книге она высказывает глупейшее соображение о том, что читатели книги Шиповника вполне могут пропустить главу 10, поскольку ничего нового по отношению к «главе десятой»

глава 10 не содержит. Мы считаем ниже своего высокого достоинства опровергать данный образчик злостной клеветы — особенно учитывая тот факт, что нами до сих пор уже было опровергнуто огромное количество подобных образчиков. За примерами отсылаем всех желающих к нашим более ранним статьям: *Вера Выдейных*. Хватит лгать! — Газ. «Железнодорожник». Шатура, 1959, № 11 (432); *она же*. До каких пор! — Газ. «За качество урожая». Ставрополь, 1960, № 18 (19); *она же*. Прекратите наконец! — Газ. «Известия» /Кустанайское отделение. Кустанай, 1961, № 4 (3); *она же*: Языки бы вам всем поотрывать! — Газ. «Советская культура», 1962, № 16 (0)...

- 76 «Наивный ум, прочитав заглавие главы 10, тут же начинает озираться назад, вспоминая, что где-то в книге Шиповника ему уже встречалось нечто в этом роде. Вернувшись к “главе десятой”, такой наивный ум и впрямь увидит данное заглавие непосредственно под указанием порядкового номера предшествующей главы. Однако давайте все вместе задумаемся: действительно ли перед нами один и тот же заголовок? Положительно ответить на этот вопрос может лишь тот, кому ничего не говорит слово “контекст”. Мы не относимся к их числу, ибо всю свою полноценно прожитую жизнь посвятили именно исследованию загадок контекста. И, стало быть, понимаем, что вне контекста рассматривать что бы то ни было и бессмысленно, и попросту невозможно. Однако что же такое контекст? Контекст есть то смысловое пространство, в котором реализуются не только значения, но и “созначения” составляющих его единиц. Иными словами — это все без исключения связи, возникающие между элементами текста. И связи эти оказывают влияние на любой произвольно взятый фрагмент, читающийся

не сам по себе, но на фоне целого. Если справедливо, что книга Шиповника “Всё” представляет собой целое (а она как раз и представляет собой целое, ибо имеет отчетливые границы, маркированные, с одной стороны, началом нулевой и, с другой стороны, окончанием пятнадцатой главы), то элементы, регистрируемые нами в составе этого целого, могут быть, разумеется, правильно осмыслены лишь на фоне друг друга. Следовательно, заголовок главы 10, “Смысл всего”, не должен восприниматься сам по себе, но лишь на фоне целого — целого, которое, как мы знаем, уже включает в себя один “Смысл всего”, использованный в качестве заголовка к только что прочитанной нами “главе десятой”. Иначе говоря, “Смысл всего” мы обязаны понимать только и исключительно на фоне “Смысла всего”. Некоторым (но не нам) такая задача может показаться, на первый взгляд, непосильной. В самом деле, скажут они: мы, дескать, едва успели понять первый “Смысл всего”, как нам уже сразу предлагается второй “Смысл всего”, да еще и не сам себе, а на фоне первого, едва понятого “Смысла всего”! Что мы можем им возразить? Да ничего, кроме того, что чтение книги Шиповника и вообще предполагает колоссальное напряжение интеллекта, — а значит, какие бы то ни было жалобы на чрезмерную сложность текста в данном случае во внимание приняты быть не могут. Да, добавим мы, разум наш подчас отказывается служить нам, но это отнюдь не означает, что мы должны позволить себе считать загадки, возникающие по мере чтения книги Шиповника, не существующими. Признавая их сложность, мы, тем не менее, обязаны приложить все усилия к тому, чтобы решить эти загадки, — иначе дальнейшее продвижение вперед будет невозможным.

Итак, перед нами два смысла всего — причем со всей очевидностью не покрывающие друг друга. Если первый смысл все-

го, так сказать, гол как сокол, то есть воспринимается лишь на фоне предшествующего ему контекста, лишённого какого бы то ни было смысла всего, то второй смысл всего выступает перед нами уже заряженным смысловым полем первого смысла всего, уже обогащённым смысловым опытом первого смысла всего, уже обременённым смысловой тяжестью первого смысла всего. И, если в первом случае, сталкиваясь с заголовком “главы десятой”, мы задаем себе вопрос: “Каков смысл всего?”, то во втором (применительно к главе 10) вопрос звучит уже совершенно иначе: “Каков смысл всего в смысле смысла всего?” Однако тем, кто ищет легких путей, я, к их сожалению, вынужден буду сказать: это еще не конец. Размышляя о смысле всего в смысле смысла всего, мы с вами совсем забыли о том, что этот смысл всего в смысле смысла всего реализуется не на голом месте, но в заранее заданных координатах, а именно — в структуре сложного целого под названием “Всё”. Так наш вопрос становится еще более “многоэтажным” и начинает звучать следующим образом: “Каков смысл всего в смысле смысла всего во всём?” Если кто-нибудь еще продолжает следить за ходом наших мыслей, он, несомненно, чувствует близость давно ожидаемого ответа. Однако такое впечатление обманчиво, ибо дать искомый ответ вне знания контекста единого целого, значит нарушить ранее принятый нами принцип, согласно которому необходим учет всех без исключения связей между компонентами текста. А они станут явными лишь тогда, когда у нас появится возможность судить о полном смысловом пространстве текста, то есть не ранее, чем по пересечении нижней границы главы 15 в книге Шиповника». — Д. О. Сталла. Контекстуальные контуры текста в свете итальянской семиотической школы. Милано. Анданте фуриозо, 2084, с. 6990.

в благословенном одиночестве, где всё
заполнено и переполнено сущим, ибо
<нрдн.-птчск. и нзслжнн. збт.> <...> <конец цитаты>⁷⁷

⁷⁷ «Неустанно вчитываясь в данный фрагмент, кое-кто из читателей недоумевает, куда же, дескать, исчезли те сноски, которые сопровождали похожий фрагмент всего несколькими страницами выше (воспроизведем их здесь: *Фанни Волконская*. Воспоминания, согревающие душу. — Интервью в газ. «Франс Обсёрвер», 2003, 34 октября, № 45 (2356); *Пров Исаев*. Жить в согласии. Сольвычегодск, изд-во «Совет да любовь», 1965; *И. Н. Валидов*. О попытке осквернения Шиповника, приведшей к его безвременной смерти. — Сб. «Вандализм в истории человеческой культуры». Нью-Йорк, Апхилл & Даундэйл, 1975; *К. Смородина*. Шиповник в период беременности им. Материнск, Материнское кн. изд-во. 1993; *О. К. Ружала*. В непосредственной близости от гения. Омск, Старая гвардия, 1988; *Д. Уховичный*. Шиповник глазами учителя литературы. Вятка, изд. «Детка», 1969). Ответ прост: сноски эти на данном этапе приобщения к книге Шиповника уже перестали быть актуальными. Книга Шиповника — словно сама жизнь, бесконечно меняющаяся у нас на глазах: каждый новый ее виток требует новых комментариев. Ибо даже слова,

как будто сказанные однажды и, казалось бы, “просто повторенные” великим автором, давно уже не те! Они только напоминают ранее слышанное, только дразнят нас, но по сути своей свежи и первозданны. Вот как замечательно говорит об этом в своей — в целом довольно заурядной — статье *П. О. Жалуйтес* (не см.: *П. О. Жалуйтес*. Логическая структура “Всего”. — Сб. “Точные методы и выпады в гуманитарных науках”. Западная Двина, Гуманоид, 1977): “Сладок источник, вода которого напоминает тебе о далеком детстве. Желанна женщина, которая не успела надоесть тебе в юности. Легка дорога, по которой ты, помнится, проходил когда-то прежде. Вкусны суточные щи, уже отведенные накануне... Так и долгожданная встреча с, казалось бы, только что прочитанными тобой словами в книге Шиповника внезапно наполняет ощущением ранее испытанной радости. Однако что есть подобие? Оно — лишь образ, хранящийся в нашем угасающем сознании, лишь тень былого, коснувшаяся (нашего — *примеч. ред.*) чела своим легким крылом, лишь бесплотный призрак, завывающий в глухих коридорах (нашей — *примеч. ред.*) памяти... Подобия нельзя коснуться — и подобием нельзя обладать. Оно лишено всякой материальности. Вот почему фрагмента текста, который составляет главу 10 (в отличие от «главы десятой»), на самом деле нет. Вглядитесь в него попристальней — и он исчезнет: слова как будто растают у вас на глазах, и только девственно белая поверхность страницы ослепит вас своей чистотой” (Указ. соч., с. 39). Этот лирический монолог — пожалуй, неуместный в скучной статье *П. О. Жалуйтеса*, — говорит о том, что даже примитивное существо, каким является *П. О. Жалуйтес*, способно, приобщаясь ко “Всему”, проникнуться высокой правдой». — *З. Рачков*. Оптические обманы в книге Шиповника. Пенза. Линза, 2004, с. 200.

<вчркнт. бзвзвртн.>⁷⁸

⁷⁸ «В научных кругах принято различать “главу десятую” и “главу 10” в книге Шиповника — и это совершенно справедливо. Однако, на наш взгляд, исследователи слишком сосредоточены на смысловых различиях между данными двумя главами и потому часто не замечают, что “глава десятая”, с одной стороны, и “глава 10” — с другой, различны и в отношении структурном. Между тем это видно даже невооруженным глазом. К “главе 10” имеется некоторый своеобразный довесок, отсутствующий в “главе десятой”. Довесок этот заключен в угловые скобки и маркирован сигнатурой, которую следует читать как “вычеркнуто безвозвратно”. Подобная сигнатура встречается в книге Шиповника только один раз — и это само по себе делает ее достойной внимания. Считается, что Шиповник сам вычеркнул данный фрагмент текста. Мы решили проверить, насколько обоснованна данная точка зрения, памятуя о том, что обычно Шиповник просто зачеркивал то, что вызывало его сомнения, — здесь же фрагмент вычеркнут безвозвратно. Откуда такая крайняя мера? Обратимся к дневнику некоей *Б. Еременко*: “6 октября. Утром я, как обычно, заглянула к Шиповнику (в окно — *наблюд. ред.*). Мне на минуту показалось, что он мертв,

поскольку кожные покровы его были бескровны. Я дико вскрикнула, тем самым выдав свое присутствие. Шиповник вздрогнул, и кожные покровы его покраснели. Увидев меня (в окне — *наблюд. ред.*), Шиповник словно бы растерялся, но уже через две-три минуты овладел собой (не только собой, но и *Б. Еременко* — *наблюд. ред.*), сказав: «Какая приятная неожиданность!» Я смутилась и, закрыв лицо руками, увидела, что Шиповник потянулся к бумаге. «Как Ваше имя?» — спросил он, заноса над бумагой ручку (руку: у Шиповника были сильные руки труженика — *наблюд. ред.*). — «*Б. Еременко*», — чуть слышно прошептала я. «Разрешите мне украсить этим именем уже почти (*sic!* — *примеч. ред.*) готовую главу 10?» — попросил Шиповник. «Украшайте», — зарделась я и бросилась вон из комнаты. Больше мы никогда не встречались. Я уехала в другой город (*Кокчетав* — *примеч. ред.*) и там родила от Шиповника сына (*Ярослава*, известного научной общественности под псевдонимом *Я. Шип*, ср.: *Я. Шип*. *Сынóвья память*. *Кокчетав, Колчедан, 1979, с. 2* — *примеч. ред.*)». Когда впоследствии рукопись книги Шиповника попала к *Фанни Волконской*, та, испугавшись, что однажды сын Шиповника может во всеуслышание заявить о своих правах на обладание бесценным манускриптом, навсегда вычеркнула фамилию *Б. Еременко* из книги Шиповника. Для этого *Фанни Волконская* воспользовалась твердым карандашом 8Н, фактически изорвав бумагу на том месте, которое было украшено светлым именем *Б. Еременко*. 23 августа 2004 года карандаш этот в числе прочих экспонатов из Архива *Фанни Волконской* был куплен на аукционе *Sotheby & Co* за 450.000 £ г-жой *Сулико Обманули*, тут же выдавшей его за тот, которым ее брат, *Сандро Обманули*, редактировал грузинское издание книги Шиповника». — *Сидор Чук*. *Загадка одной сигнатуры*. — Ж. «Новорусский культурный фонд». М., 2006, с. 39.

*Глава 11,
местами 12⁷⁹*

*Всего единства это принцип
наблюдения о том фундаменте⁸⁰*

В то время, когда фундамент всего <...>

⁷⁹ «За объяснением по поводу особенностей нумерации данной главы мы в свое время обратились к *И. Н. Валидову*, который, как известно, был приставлен к Шиповнику Комитетом государственной безопасности для украшения последних лет жизни одинокого ученого. Однако *И. Н. Валидов* — ныне, как известно, почти постоянно живущий в Женеве, — не пожелал прояснить интересующую нас ситуацию, что нас сильно удивило. Лишь позднее, когда архивы КГБ были открыты, мы поняли причину неразговорчивости *И. Н. Валидова*. В одном из его отчетов начальству, обнаруженных в архивах, значилось: “Довожу до Вашего сведения, что после отправки Вам на просмотр главы 11 и сразу вслед за ней — главы 12 книги Шиповника («Всё», рег. № 126574859382–34267860098) я сильно волновался, что Шиповник заметит их отсутствие. К счастью, этого не произошло. По получении от Вас

завизированной в Комитете рукописи, из которой Вами были вымараны все подозрительные моменты, замененные, как обычно, многоточиями и специальными сигнатурами, я заволновался еще больше. Дело в том, что, читая рукопись, полковник *Г. Аннибалов* перепутал страницы главы 11 со страницами главы 12, отчего манускрипт приобрел нетоварный вид. Отчаявшись сложить страницы как было, я обратился к Шиповнику с просьбой упорядочить их, поскольку, дескать, они нечаянно были рассыпаны мною. Шиповник ответил мне: «Не отчаивайтесь, голубчик! Я теперь уже, конечно, не вспомню, что там за чем шло, но это неважно. Объединим обе главы в одну да обозначим ее номером “11, местами 12” — и дело с концом!» Я принялся проливать крокодиловы слезы, причитая, что из-за этого беспорядка книгу вряд ли поймут читатели. Шиповник вытер мои крокодиловы слезы и весело рассмеялся в ответ: «Вот чудак Вы какой! Это же боговдохновенный текст, а не просто какая-нибудь параша. На все воля Божья. Значит, Богу угодно, чтобы листы шли в другом порядке». В связи с вышеизложенным, обращаю Ваше внимание на то, что фрагменты глав 11 и 12 отныне перепутаны, из-за чего на стыках страниц могут возникнуть непредвиденные словосочетания. Желаете ли Вы пролистать рукопись еще раз — или оставим текст в покое? С искренним уважением, майор *И. Н. Валидов*». В приложенном к этому документу ответном письме *И. Н. Валидову* читаем: “В том, чтобы присылать главы еще раз, нет никакой необходимости. Приятно, что в беспорядке Шиповник подозревает не полковника *Г. Аннибалова*, а бога. С неискренним уважением, генерал *П. О. Верх*” (Архив Комитета Государственной Безопасности. Москва, Лубянка, инв. №№ 185758695950–285756473465 / Дело Шиповника, рег. № 126574859382–34267860098). Понятно, что *И. Н. Валидов* отнюдь не был заинтересован в том, чтобы его

манипуляции текстами Шиповника были раскрыты, и всячески избегал комментариев по любому поводу, кроме одного: работы в России английской шпионки, г-жи *Фанни Волконской*, которая была его основным соперником на поприще международной разведки». — *Д. Е. Цибел*. Правда обо «Всём». М., изд-во «Книжный Бестселлер Года (КГБ)», 2000, с. 121–122.

80 «Не знающим русского языка (таким, как *Стрѣч Пърст* и под.), а также забывшим его (таким, как *С. Казанская-Банхоф* и под.) название главы 11, местами 12, разумеется, может показаться просто абракадаброй. Однако тем, кто, как мы, является русским до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*), не составит труда понять, что помощи корректора применительно к заголовку данных двух глав совершенно не требуется. Все дело здесь в том, что перед нами просто-напросто не один, а два заголовка — и любой русский до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*) видит это. Вероятно, именно в расчете на таких, русских до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*), Шиповник и не стал менять слова местами — даже несмотря на просьбы зарубежных поклонников его книги. «Я обратила себя к Шиповник, что бы ему вопрос спросить, — вспоминает немка *Эльке Лямка*, — а нельзя ли были слова в заголовке аккурат расположить? В это место засмеял себя и говорит Шиповник: «Сначала изучивай язык мой, немка Лямка!» Таким макаром я штал понять об этом, что русский язык — мая потенция, и приступляя к изучанию» (*Эльке Лямка*, Штутгарт. Зачем мне русский? — Журнал «ВОСПРЯЛ / Восприятие русского языка и литературы», 2009, стр. XXXIV). А вот свидетельство очевидца этого разговора: «Шиповник пожал руку немке *Лямке* и, качая головой, направился на прием к дерматологу (из-за присущей ему с детства кататонической шизофрении ученый

страдал синдромом «сального лица» как следствием нарушения секреторной функции сальных желез кожи). По дороге он весело бормотал: «Да ну еще напрягаться, слова по-другому располагать! Русский до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*) и так поймет, а если кто не русский до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*), тому “Всё” и читать ни к чему: пусть “Розу мира” читает, с него станется». — *Ф. Нищий*. Так говорил Шиповник. М., Мысль, 1998, с. 154.

Как же прочтет он, русский до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*), на которого возлагал свои надежды Шиповник, названия глав 11 и 12, замыслом Шиповника объединенные в своего рода ребус для иноземцев? Вопрос этот можно назвать риторическим, ибо ответ на него уже заложен в самом вопросе. Глава 11, вне всякого сомнения, называлась “О том, что есть фундамент всего”, в то время как глава 12 — “Принцип единства наблюдения”. По-другому слова, составляющие некое подобие общего заголовка, размещены быть просто не могут, ибо иначе они не группируются. Любая другая комбинация либо разрушает смысл целого, либо оставляет какое-то количество слов не востребуемым. При этом естественно, что первый из двух вышеприведенных заголовков не может быть заголовком к главе 12, поскольку ему логичнее появиться непосредственно после “Смысла всего”, к которому он явно семантически примыкает. Между тем “Принцип единства наблюдения” явно тяготеет к последующим главам, в которых Шиповник уделяет много внимания именно наблюдению». — *Семен Рузский*. Быть русским до мозга когтей (костей — *примеч. ред.*)... — Сб статей о русских. СПб., ВИИКиК /Всесоюзный институт по изучению когтей (костей — *примеч. ред.*) и костей. 2010, с. 98.

*есть частности⁸¹, ибо никакое всё по-
просту немислимо без составляющих <...>*

81 «Всю свою жизнь Шиповник посвятил пропаганде частностей. Сам он был просто олицетворением частности и блюл свою частность, как другие блюдут честь (честь, к слову сказать, Шиповник никогда не блюл). Все считали, что Волга впадает в Каспийское море, — Шиповник утверждал, что Волга впадает в меланхолию. Все считали, что теорему Ферма доказать невозможно, — Шиповник только и делал что доказывал теорему Ферма. Все считали, что параллельные прямые никогда не пересекаются, — Шиповник гнул их и заставлял перескаться. Ученый вообще терпеть не мог симметрии. Родившись писанным красавцем на редкость пропорционального телосложения, он как-то в раннем детстве заметил, что на лице его все пропорционально: ученый имел два глаза, два уха и т. д. Стремясь избавиться от симметрии, он выколол себе правый глаз и оторвал левое ухо, разорвал одну ноздрю и вытянул одну губу, отныне пленяя людей “лица необщим выраженьем”. Потом Шиповник с грустью обнаружил, что на правой руке у него столько же пальцев, сколько на левой, — и сразу же оторвал себе по несколько пальцев на каждой руке. С ужасом осознав, что оторвал одинаковое количество пальцев с обеих сторон, Шиповник, спрятавшись в сарай июльским утром, тупой

пилой отпилил себе правую руку, а за ней — и правую ногу, так как внезапно осознал, что его ноги тоже растут симметрично. Впоследствии он раскаялся в этом, так как на каждой стороне его тела возникла внутренняя симметрия: на левой стороне — рука и нога, на правой — ни руки, ни ноги. Тогда Шиповник принял решение покончить с этим и отпилил себе левую ногу. Однако тут в нижней половине его тела опять возникла симметрия: ни с той, ни с другой стороны не было ноги — и он оставшейся рукой в ярости отпилил себе оставшуюся руку, потому что больше уже ничего не мог сделать (пересказано по изд.: *Ночники Шиповника*. Инв. № 236501. Запись от 3 фонаря. — ПОГИБЛ, Арх., Фонды, ДСП, Копус, 214–VI с). В целом симметрия сигнализировала для Шиповника отсутствие разнообразия и присутствие однообразия, а однообразия Шиповник бежал. Даже в беседах с друзьями и в интервью журналистам ученый никогда не повторялся: сегодня он рассказывал, что родился в семье скорняков и предъявлял слушателям прекрасные образчики кожи, завтра — что в семье балетных танцовщиков Мариинского театра, и выделял в воздухе головкружительные па, послезавтра оказывалось, что матери своей он не знал, еще через день — что он не знал никого, кроме своей матери... Честь и слава преданной ему душой и телом *Фанни Волконской*, сумевшей систематизировать все эти разноречивые и часто противоречащие друг другу сведения в своем замечательном архиве — недавно, к сожалению, распроданном с молотка. Увы, России — с учетом все еще нестабильной экономической ситуации в стране — удалось купить на этом аукционе лишь полосу газеты “Пролетарий” (1918, 12 окт., № 3), на левом поле которой некий дальний предок Шиповника нарисовал окунька — правда, прехорошенького». — *Б. Е. Долага*. Шиповник как частное лицо. Киев, Вий, 2009, с. 194.

составляющих⁸² для наблюдателя, наблюдающего разнообразие <...> окружающего мира <...> в ответ на это я так скажу:

82 «Здесь в четкую структуры главы 11 (“О том, что есть фундамент всего”) уже дерзко врываются рассуждения из главы 12 (“Принцип единства наблюдения”), подчиняющие своей власти плавное течение главы 11. Наблюдательность Шиповника как наблюдателя окружала поражавших его недалеких людей (поражала окружавших его недалеких людей — *замеч. ред.*). Они, в силу скудных возможностей интеллекта, часто не замечали того, что бросалось в глаза даже слепому Шиповнику. “Неужели Вы не видите, как прекрасен мир? — спрашивал он их и спешил на помощь с советом: — Глаза-то разуйте!” Разутые глаза — вот что отличало Шиповника от большинства из нас (ср.: *Любовь Слепых*. Недреманные Очи. М., “Луч”, 1969, с. 289–104, где автор проливает свет на одну из особенностей устройства зрения у Шиповника, — жаль только, что эта особенность зрению Шиповника совершенно не свойственна). Перенесший в жизни столько, сколько нам и не снилось, прошедший испытания огнем, водой и бедными трупами (медными трубами — *замеч. ред.*), утративший все основные части тела и прикованный врачами-садистами к инвалидному креслу, похоронивший шесть-семь спутниц жизни (четыре — *примеч. ред.*), слепой Шиповник все равно настаивал на своем, частном, мнении: мир — прекрасен. Оно и понятно: человеку, чьи глаза разуты, не составляет труда разглядеть внутреннюю красоту мира за внешним уродством. Будем же наблюдать жизнь, разув

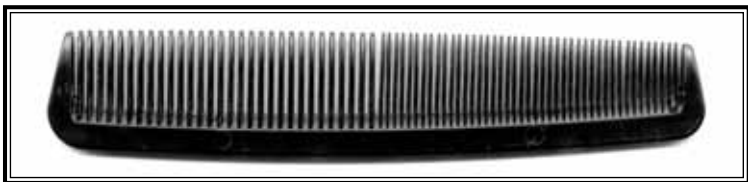
Илл. 17. Шиповник у дома. Фотозарисовка. (Подлинность фотозарисовки оспаривается в Винницком областном суде П. И. Столетовым, утверждающим, что перед нами случай наглого фотомонтажа)

глаза, — и мир предстанет нам таким, каким видел его слепой Шиповник!» — И. Сапожников. Разутые глаза. М., Скороход, 1971, с. 59.

глаза бы мои <...>⁸³, однако я вынужден

⁸³ «Не надо быть особенно пронизательным, чтобы достроить высказывание Шиповника, похороненное не в меру ретивыми сотрудниками КГБ в последующих угловых скобках (см.: Д. Е. Цибел. Правда обо «Всём». М., изд-во «Книжный Бестселлер Года (КГБ)», 2000, с. 121–122). «Глаза бы мои всего этого не видели!», — вне всякого сомнения, написал здесь Шиповник. Миру известен трудный путь ученого от секретаря первичной ячейки партийной организации завода по изготовлению серпов и молотов им. Революции 1905 года до изверившегося в марксистско-ленинской риторике диссидента, в годы застоя выброшенного за пределы Советского Союза в пределы Великобритании. К сожалению, новая «Родина-мать» оказалась для Шиповника мать-мачехой, бросившей ученого на растерзание авантюристке международного класса *Фанни Волконской* (псевдоним *Веры Посулич* украинского народного происхождения, служившей разведслужбам четырех стран). Щедрыми посулами *Вера Посулич* заманила смертельно больного и нищего Шиповника в свои коварные сети и обобрала его там до нитки. Сколотив приличное состояние на торговле авторскими правами Шиповника, *Вера Посулич* купила себе дворянское имя и дворянское же гнездо в пригороде Лондона, после чего щедро откупилась от разведслужб четырех стран и принялась активно участвовать в культурной жизни русскоязычных эмигрантских кругов Великобритании. Напялив на себя овечью шкуру, эта волчица умудрилась даже привезти Шиповника обратно на родину — как выяснилось впоследствии, умирать.

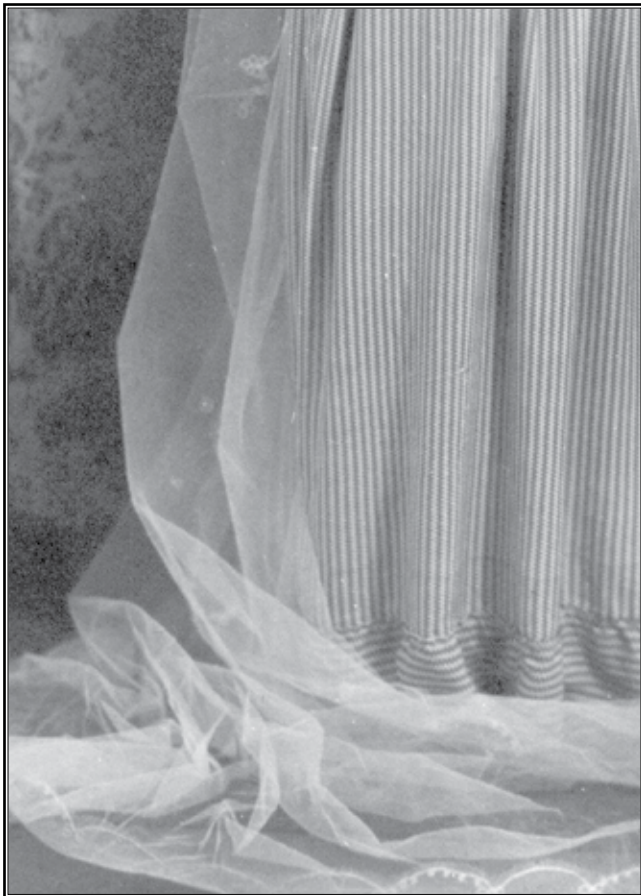
Илл. 18. Фотография расчески с единственным волосом Шиповника.
(Собственность Музея волос великих людей, Пярну)

Существует даже версия, что Шиповник, в цинковом гробу перевозимый ею в салоне пассажирского самолета Боинг-677, к этому времени давно уже был мертв. Остается только диву даваться, как авантюристке удалось доставить ученого в его опечатанную еще со времен застоя квартиру и водрузить там Шиповника на смертное ложе. Говорят, когда ученик Шиповника *И. Н. Валидов*, человек кристальной души, узнал о прибытии своего Учителя в Москву, он, в окружении журналистов новой России, прибежал по его прежнему адресу и сразу понял, что ученый мертв. А поняв это, *И. Н. Валидов* тут же в знак протеста возлег на его смертное ложе, после чего *Фанни Волконская* незамедлительно сделала козью морду и на цыпочках покинула уже пропахшее формалином помещение. Не учла она только одного: того, что Шиповник прекрасно понимал, в какую некрасивую игру ему предстоит быть втянутым. «Глаза бы мои всего этого не видели!», — в отчаянии заметил он в своей книге еще задолго до того, как вышеописанные события имели место, дав тем самым понять, что хорошо осознает, какого рода будущее ему уготовано. Однако мрачные силы все равно не сумели заглушить голоса книги Шиповника — дошедшей до нас назло вражеским проискам хоть и в неполном, но все-таки в первоизданном виде». — *Б. Редятина*. В скобках и за скобками. Новомосковск, Раскопки, 2103, с. 213.

<...> *предостерегая всех от каких-либо обобщений*⁸⁴.

84 «Данная фраза прекрасно согласуется с общей концепцией Шиповника, согласно которой наблюдать следует лишь частности — обычно настолько разнящиеся, что любые обобщения кажутся натянутыми. Вот почему совершенно несостоятельной представляется нам мысль — глубокоуважаемой, впрочем, — *Варвары Воловец (Волчек, а не “Воловец”, вторая жена Шиповника — возраж. ред.)*, высказанная ею в интервью журналу “Рабочий и колхозница” в 1973 году (мартовский номер, с. 4). Прочитируем эту мысль: “Варвара, что дорого в Вас Шиповнику прежде всего? — Во мне ему прежде всего дорого то, что я очень слежу за собой. Многие женщины со временем перестают следить за собой, распускаются и из женщин превращаются в настоящих баб — их мужьям это, конечно, противно. Напомню, кстати, что в своей книге — глава 11, местами 12, — Шиповник *предостерегает* всех нас от *обащений*”. Этой цитатой *Варвара Воловец (Волчек — повторн. возраж. ред.)* фактически разоблачает себя как человека, лишь поверхностно знакомого с книгой Шиповника — где однозначно сказано: “*обобщение*”, а не “*обащение*”. Кстати, по сведениям *Анны Томской (третья жена Шиповника — примеч. ред.)*, сама *Варвара Воловец (Волчек — последн. возраж. ред.)* вскоре после своего интервью настолько *обабилась*, что Шиповнику с грустью пришлось передать ее своему тогдашнему приятелю по мясокомбинату, *О. Б. Дулову*, которому всегда нравились женщины в теле». — *Г. Рудь*. Вкус Шиповника. Вологда, Вологодское кружево, 2001, с. 72.

Илл. 19. Варвара Волчек, вторая жена художника. Фрагмент скромного подвенечного платья, в котором В. Волчек в последние годы жизни ходила по воду. (Принадлежность платья В. Волчек оспаривается А. Томской, Р. Сбитневой и З. Дурново-Кобылиной, утверждающими, что платье принадлежит каждой из них и что в этом платье каждая из них в последние годы жизни ходила по воду)

Глава 13

[прпщн.]⁸⁵

⁸⁵ «Интересный вопрос о том, почему Шиповник пропустил главу 13 в своей книге, во все века волновал научную общественность. Кто-то видел в этом проявление невнимательности ученого, кто-то — научной недобросовестности, а кто-то связывал пропуск с рассеянным склерозом, которым Шиповник страдал с детства. Может быть, во всех этих предположениях и есть доля истины, но мы отказываемся признать истинной точку зрения, согласно которой глава 13 была пропущена Шиповником из суеверия. Наука и суеверие несоместимы — и подлинный ученый, вне всякого сомнения, не убоится ни чертовой дюжины, ни черного кота, перебегающего дорогу, ни просыпанной соли. В том случае, если подлинный ученый беременен, не убоится он и лица священного сана, идущего ему навстречу по своим делам. Религиозный до последней степени (см. об этом блистательную статью *И. Н. Валидова* “О попытке осквернения Шиповника, приведшей к его безвременной смерти”. — Сб. “Вандализм в истории человеческой культуры”. Нью-Йорк, Апхилл & Даундэйл, 1975), Шиповник был чужд

всякому суеверию. Даже когда однажды ему случилось засвистеть у себя дома, из-за чего у него навсегда пропали все деньги и впоследствии Шиповник умер в полной нищете попрошайкой у Курского вокзала, он осмысливал эти события научно. “Дорогой, — сказал он мне, в те времена вместе с ним просившему милостыню у редких прохожих и кручинившемуся за судьбу великого ученого, — займитесь научным анализом. И тогда, может быть, Вы поймете, что деньги исчезают не от того, засвистел ты или нет, а оттого, что ты пригрел на груди змею”. Поскольку данное высказывание показалось мне перегруженным образами, я попросил у Шиповника сформулировать ту же мысль строже. Опечалившись, Шиповник ответил, что формулировать строже он не способен, так как — в отличие от всех остальных — с детства вынужден обходиться лишь одним полушарием мозга, а именно правым, ибо родился на свет без левого. Пожалев калеку, я пришел ему на помощь и задал наводящий вопрос: как звали ту змею, которую он пригрел на своей груди. Расстегнув пальто, пиджак и рубашку и пристально взглядевшись в свою впалую грудь (Шиповник страдал хроническим туберкулезом легких), он внезапно заключил: “Ее звали *В. Скрытень*. — Тут он сделал мучительную для меня паузу и добавил: — *Владимир Скрытень*. С ней меня роднила сексуальная ориентация”. — “И только?” — с ужасом спросил я. “И только”, — с ужасом ответил Шиповник. Больше в течение последующих 30 лет мы с ученым к этому разговору ни разу не возвращались. Так одним ясным примером Шиповник дал мне понять, как глупо быть суеверным. Этот урок изменил всю мою жизнь. Я поступил в университет и к настоящему времени могу гордиться званием доктора пед. наук и должностью профессора Моск. гос. пединститута им. Крупской». — *Сер. Гей*. Урок Шиповника. — Ж. «Педнауки», изд-во Просвещение, 2006/9, с. 69.

Глава 14

Сущее и наблюдатель⁸⁶

<...> *какая же* <...> *ты* <...> *кстапи* <...>

⁸⁶ «До появления книги Шиповника в наборе классических дихотомий мировой науки отсутствовала именно эта: сущее — наблюдатель. Кое-кому, в силу свойственной им академической неполноценности, может показаться, будто предложенная понятийная пара отнюдь не составляет дихотомии, а является так называемой псевдодихотомией, в то время как на самом деле данная дихотомия — никакая не псевдодихотомия, а наоборот: всем дихотомиям дихотомия. И вправду: если все зависит от того, какое допущение мы принимаем, то допущение, в данном случае явно принимаемое Шиповником, есть допущение существования понятия “соотноситься со Всем”. Следовательно, перед нами чистый случай деления объема понятия “соотноситься со Всем” на два соподчиненных класса, а именно: “сущее”, с одной стороны, и “наблюдатель” — с другой. Нам могут возразить, что “наблюдатель” есть часть “сущего”, но в ответ на такое возражение мы лишь презрительно рассмеемся. И будем правы: обозначая данную дихотомию, мы — вслед за Шиповником — вовсе не забыли исключить

“наблюдателя” из состава “сущего”. Каким образом? А таким образом, что по отношению к сущему должна существовать некая наблюдающая его инстанция, — иначе возникает опасность упереться в понятие “самонаблюдающееся сущее”, каковое понятие есть нонсенс. Если же по отношению к сущему предположить наличие некоей внешней инстанции, способной наблюдать его, то в тот же самый миг перед нами как раз и возникает этот искомый наблюдатель. Конечно, коль скоро мы уже выбросили данного наблюдателя из состава сущего, мы вынуждены будем признать, что сущее, разумеется, прекрасно могло бы существовать и без всякого наблюдателя, однако тогда о его существовании наблюдатель ничего бы не знал — и сущего для него не было бы. А поскольку наблюдатель этот и есть я — то есть не я как я, а я как “я” или, наоборот, “я” как я — что все равно (во всяком случае, не я как *Г. О. Рошина*), — это “я” понятия не имело бы о сущем, не будь, стало быть, у сущего наблюдателя. Впрочем, и наблюдатель, конечно, мог бы существовать без сущего, только тогда ему пришлось бы наблюдать что-нибудь другое, в то время как другого-то ничего и нет, а если и есть, то оно не существует, то есть опять же — его нет для наблюдателя, который, как уже отмечено, есть “я”. На основании всего сказанного можно заключать, что мировая философская наука с приходом Шиповника обогатилась еще одной дихотомией, которую пора бы уже считать классической. Данная дихотомия введена Шиповником, со всей очевидностью, для того, чтобы решительно заявить: сущее существует не само по себе, но лишь по отношению к наблюдателю, равно как и наблюдатель существует не сам по себе, но лишь по отношению к сущему. Вне наблюдателя нет сущего, и вне сущего нет наблюдателя». — *Г. О. Рошина*. Классические дихотомии: Соображения ума. Клиф, Нокаут, 2007, с. 204.

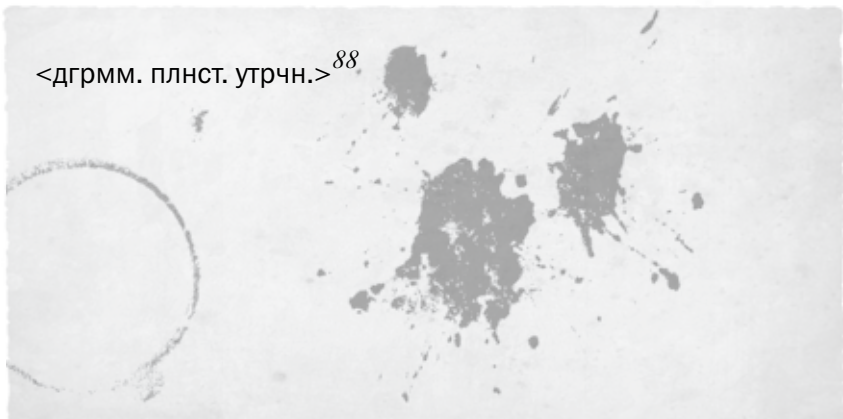
*старая <...> жаба <...>⁸⁷ <...> показать это
удобнее всего на такой вот диаграмме:*

87 «Среди поднаторевших на читке архивных материалов “спецов” я бы, прежде всего, выделила группу кретинов, совершенно не обращающих внимания на сигнатуры в книге Шиповника. Между тем не я первая замечаю, что сигнатуры — совершенно особый элемент текста, нуждающийся в пристальном внимании и квалифицированном анализе: я подчеркиваю слова “пристальном” и “квалифицированном”, желая тем самым сказать, что трактование сигнатур дилетантски и с налета никакой пользы никому не приносит. Однако именно такое трактование может нанести кое-кому незаживающие раны, а кое-кого даже убить. Я не буду упоминать здесь имени *И. Н. Валидова*, этого подонка от науки — я, наоборот, намерена обратиться к паскудной книжице *Давида Могулия* (Вернуть Шиповника людям. М., Полициздат, 2003), вышедшей только что, то есть прямо перед моей смертью. Мало того, что в книжице этой никому не известный и никак не связанный с Шиповником “исследователь” постоянно склоняет мое несклоняемое имя (напр., “*Фанею*”, с. 7, 12, 20 и др., о “*Фане*”, с. 4, 7, 8, 9, 10 и др. под.), а один раз — с. 102 — даже, совсем забывшись, называет меня “*Фанико*”, так он еще и приписывает моему Шиповнику мысли, которые тому и в голову прийти не могли. В частности, “разгадывая” первую строку главы 14, он дерзко

предлагает убрать все угловые скобки, которыми первая строка просто пестрит, и читать предложение напрямую: “Какая же ты, кстати, старая жаба!” Причем *Давид* этот *Могулия* утверждает, будто адресат текста — я. Ср.: “За предложенным Шиповником описанием явно угадывается светлый образ *Фанни Волконской*” (указ. соч., с. 219). Могу ли я прежде всего заметить, что здесь перед нами не описание, а обращение? Могу ли я далее обратить внимание на то, что отнюдь не безвестному в научных кругах выскочке судить о том, кто или что “угадывается” за фрагментами текста Шиповника? Могу ли я, наконец, потребовать от молодых исследователей бережного отношения к наследию Шиповника и ко мне как части этого наследия? Вот и в данном случае *Давиду Могулия* всего-то навсего что и следовало — так это просто обратиться ко мне за комментариями. Тогда бы он узнал, что — на основании имеющегося у меня архива — я смело взялась бы утверждать следующее: первая строка главы 14 должна читаться совсем не так, как кажется глубокоуважаемому *Могулия-Немогулия*! Вот надежная версия ее трактования: “Но какая же новая мысль, спросишь меня ты, читатель, мучит автора в настоящий момент? Кстати сказать, мысль эта не новая, а совсем старая: традиционный ли ислам принят в районе Пенджаба?” Теперь посудите сами: что общего этот, реальный, текст, имеет с домыслами господина *Могулия*? И что общего трактование *Могулия* имеет с теплым и нежным отношением ко мне Шиповника? Скажу по секрету, что я, конечно, могла бы с легкостью восполнить и другие пробелы в книге Шиповника, но уже не успею, ибо, как было сказано ранее, в совсем скором времени должна внезапно умереть своей смертью». — *Фанни Волконская*. Обиды накануне ухода в мир иной. — *Найтли Телеграф*, 2003, № 1 (0000001).

<дгрмм. плнст. утрчн.>⁸⁸

88 «К сожалению, все еще остается не до конца понятным, что именно “это” хотел показать Шиповник на диаграмме, включенной в главу 14. Положение могла бы прояснить сама диаграмма, но, к сожалению, она утрачена. Когда Шиповника, по свидетельству *Г. Ромадиной*, спросили, как же он утратил диаграмму, тот ответил: “Как утратил, как утратил!.. Как я все утрачиваю — так и ее утратил: без-воз-врат-но!” (*Г. Ромадина*. Тяжелая утрата. — Газ. честных объявлений, Находка, 1994, № 23 (12657)). Однако в данном случае мы рады сообщить, что эта безвозвратно утраченная диаграмма безвозвратно утрачена не вполне. Она крайне точно была охарактеризована *Ф. Нищим*, в течение всей жизни записывавшим за Шиповником разные слова (см. его книгу “Так говорил Шиповник”. М., Мысль, 1998). *Ф. Нищий* не включил в свою книгу этот рассказ, но передал нам его устно, поскольку был уже не в силах писать. По словам *Ф. Нищего*, диаграмма делалась Шиповником вручную — и на ней, как и вообще на всех диаграммах, представлены две оси: ось абсцисс и ось ординат. На оси ординат отмечены деления: 10–100–1000–10000–100000–1000000. На оси абсцисс — тоже деления:

1–3–14–59–61–62–63–278. Между осями расположены восемь линий разного цвета: красная, синяя, белая, зеленая, желтая, черная, фиолетовая и оранжевая. Красная и черная линии проведены очень жирно, в то время как синяя и белая почти незаметны. Зеленая, желтая, фиолетовая и оранжевая имеют одну и ту же толщину. Специальным значком — звездочкой (*) отмечены точки пересечения линий: красной с зеленой, фиолетовой с желтой и синей, оранжевой с черной — притом что белая линия не пересекается ни с какой другой и практически незаметна. Некоторые из этих линий — прямые (красная, черная, фиолетовая и оранжевая), другие искривлены (синяя, белая, зеленая и желтая), к тому же белая искривлена настолько, что практически уже вообще перестает быть линией. В подножии синей линии нарисован небольшой человечек (возможно, карлик), начинающий путь наверх. На голове у него — черная кепка, в преувеличенных глазах — отчаяние. Того же самого человечка мы видим и на вершине синей линии, только он уже совсем другой: на голове у него шапка Мономаха, в преуменьшенных глазах — блаженство, одна нога отсутствует. На других линиях никаких человечков (и вообще ничего) не изображено. Зато за пределами диаграммы, по левому полю, ближе к низу, нарисована птичка (дрозд) с большим животом. Так, стало быть, выглядела эта диаграмма — украшавшая главу 14. Тщательно проанализировав ее, мы пришли к окончательному убеждению, что, будучи изначально приложенной к главе 14, она наглядно иллюстрировала отношения между сущим (изображенным как восемь пересекающихся друг с другом линий) и наблюдателем (или двумя, если перед нами два разных человечка)». — *Ипполит Тунец*. Все объяснения к диаграмме Шиповника. — *Провозвестник МГУ*, 1999, № 16, с. 91.

Глава 15

Позиция наблюдателя⁸⁹

Но, по правде-то говоря, <нрзб., нпнтн., зчеркнт. и прчркнт. мнг. рз., псл. чг. прпсн. знв.

89 «Главу 15 в книге Шиповника, “Позиция наблюдателя”, исследователи по праву считают жемчужиной “Всего”. Несмотря на то, что в ней не содержится никаких сведений ни о наблюдателе, ни о его позиции, глава эта ценна самой постановкой соответствующего вопроса — вопроса о позиции наблюдателя. Ведь от нее, этой позиции, в конечном счете, зависит всё. Мир предстает нам под тем углом зрения, под которым мы на него смотрим: именно потому он и кажется нам таким разным.

Шиповник как наблюдатель всегда умел найти позицию, из которой мир казался прекрасным и многообразным. Автору настоящей статьи подобной позиции найти, к сожалению, не удалось: из его позиции мир видится уродливым и скучным. Но дело, конечно, не в авторе данной статьи — дело в Шиповнике. Именно он, Шиповник, назвав главу 15 “Позиция наблюдателя”, дал нам

в руки ключ к пониманию того, что все переживаемые нами радости и горести — следствие нашего расположения по отношению к миру. Более того: самую жизнь своей Шиповник продемонстрировал нам, как становятся кузнецами своего счастья, — дело тут всего-навсего в том, чтобы, оказавшись в гуще жизни, занять в ней правильную позицию.

По причине крайней противоречивости и неполноты сведений о жизни Шиповника в прошлых веках я не могу со всей ответственностью судить о том, чем занимался ученый в до- и после-революционное время. Однако на исходе этого трудного времени он, как мне кажется, расположился по отношению к жизни правильно. Шиповник стал происходить из рабоче-крестьянской семьи, взял себе в жены шведку, бежавшую из Швеции за участие в пролетарской революции, и поступил на мясокомбинат, откуда голодная и серая страна Советов виделась ему прекрасной и многообразной.

С мясокомбината его направили в армию, где Шиповник тоже сумел занять правильную позицию по отношению к жизни. Стреляя в своих и пропуская чужих, он завел множество тайных и полезных знакомств на Западе, обеспечив себе таким образом последующий выход в мир — разумеется, прекрасный и разнообразный.

После армии Шиповник был направлен на заочное отделение философского факультета, где он увлеченно предавался детальному изучению наследия классиков — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Из перспективы их трудов мир, вне всякого сомнения, казался ему прекрасным и разнообразным. Учась на факультете, Шиповник тоже занял правильную позицию по отношению к жизни, сочетая учебу с работой пожарного и туша пожары на объектах особо важного назначения. Из этих пожаров он вынес все

ценное, складировав его в своей небольшой квартире: впоследствии эти ценности позволят ему поменять квартиру на большую в центре и снова занять в ней правильную позицию по отношению к жизни. Из новой квартиры ему и его новой жене, дочери директора одного из объектов особого важного назначения, мир опять видится прекрасным и разнообразным.

Будучи аспирантом, уже довольно зрелый Шиповник тайно подрабатывает портным, постепенно начиная шить костюмы для советской элиты и приобретая в этой среде друзей. Из данной среды мир, конечно же, опять кажется ему прекрасным и разнообразным. Однако подкачивает здоровье: чтобы сохранить его, Шиповник расстается со второй женой и сочетается браком с третьей — медицинским работником, обеспечивающим ему доступ в Кремлевскую больницу, откуда мир видится ему прекрасным и разнообразным, как всегда.

Поправив здоровье, он с помощью своих влиятельных друзей защищает диссертацию на тему “Идеи Маркса и Энгельса в трудах Ленина”, параллельно работая над главным трудом своей жизни — книгой “Всё”, а также чувствуя, что советской власти приходит конец и что ему трудно будет отчитаться перед новым временем “Идеями Маркса и Энгельса в трудах Ленина”. Через своего аспиранта, *И. Н. Валидова*, он консультируется в КГБ насчет того, правильную ли позицию по отношению к жизни он в данный момент занимает. Сотрудники КГБ помогают ему устранить все оплошности из его книги: находясь под их покровительством, он видит вокруг себя прекрасный и разнообразный мир и поет ему гимн на страницах своего бессмертного произведения, приберегаемого им для капризных потомков.

В минуту внезапно поразившей страну перестройки Шиповник направляется в тихий уголок под названием Нарьян-Мар, где

в то страшное для России время мир видится ему настолько прекрасным и разнообразным, насколько это тогда было вообще возможно. Если бы, конечно, не болезни жены — дочери директора местного рыбокомбината республиканского значения... Похоронив жену и убедив всех в Нарьян-Маре в том, что умер и он сам, Шиповник возвращается в столицу, имея за пазухой “Всё”, а за Яузой — запертую на страшное время перестройки роскошную квартиру с видом на Кремль: нет сомнений, что это тоже правильная позиция по отношению к жизни и что из этой позиции мир кажется Шиповнику прекрасным и разнообразным, как прежде.

Используя знакомства на Западе, Шиповник издает там “Всё”, впервые подписываясь этим красивым именем и честно датируя произведение годами застоя, отчего в новой России приобретает репутацию диссидента-семидесятника, происходящего из среды творческой интеллигенции (семьи цирковых артистов). Якобы измученный коммунистами, ученый сразу по выходе “Всего” уезжает на отдых в Грецию, откуда уже не возвращается в Россию, испытывающую экономические трудности. Вместе со своей новой спутницей жизни, *Фанни Волконской*, он переселяется в Великобританию, где в качестве русского диссидента и крупного ученого почивает на лаврах: мир выглядит как никогда прекрасным и разнообразным.

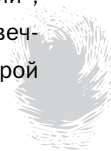
А когда на свет Божий уже готова выплыть первая биография Шиповника, написанная неким борзописцем из новых (имени его история не сохранила, а поганый труд был пущен под нож на стадии тиража), оказывается, что ученый болен всеми мыслимыми и немыслимыми болезнями, включая полное расстройство рассудка. Теперь Шиповника надо щадить. Сведения же личного характера, которые он сообщает общественности, пестры и противоречивы, общественность не может свести концы с концами,

а ученый сам по себе, то есть находящийся как в Великобритании, так и в состоянии счастливого маразма, опять видит мир прекрасным и разнообразным.

После смерти Шиповника тело его с почестями доставляется на родину, где он снова успевает занять правильную позицию по отношению к теперь уже прожитой жизни: ученого хоронят на Новодевичьем кладбище. Отсюда мир и по сей день продолжает казаться ему прекрасным и разнообразным.

Что касается его безутешной подруги, *Фанни Волконской*, то она делает все возможное, чтобы ни мир в целом, ни родина в частности не только не забыли величайшего философа современности, но и никогда не утратили интереса к нему. Наполняя бесценный Архив Шиповника все новыми материалами, часто спорящими друг с другом, а его поучительную биографию — все новыми подробностями, часто противоречащими здравому смыслу, она прилагает все свои силы к тому, чтобы и наблюдаемый Шиповником из далекого рая сей мир казался ему таким же прекрасным и разнообразным, как при жизни. Мы же, многочисленные исследователи творческого пути Шиповника, охотно помогаем ей в ее высоком деле — деле создания Жития нового времени. И пусть какие-то фрагменты его не вполне историчны: житие есть житие... да и, по совести сказать, так ли уж заботились древнерусские составители житий о верности грубой правде текущего момента?

Судьба коварна, но своею судьбою Шиповник доказал нам главное. Все в этом мире зависит от нас самих. Не подходить к миру предвзято — как к застывшему, монолитному образованию, но наблюдать его бурление, кипение, хлопотанье — и, приспособиваясь к разнообразным “проявлениям проявлений”, к непохожим друг на друга “частностям”, находить для себя в вечном месиве сущего ту единственно возможную нишу, из которой

Илл. 20. Руги подруки (руки подруги — *примеч. ред.*) Шиповника, безутешной Фанни Волконской, наполняющие бесценный Архив Шиповника все новыми материалами. (*Частная коллекция рук и ног, Вена*)

мир действительно выглядит прекрасным и разнообразным. “Люди, будьте гибкими, — как бы призывает нас Шиповник. — Не позволяйте себе обобщений, не ищите абстрактного «всё»: «всё» заложено в частностях, оно смотрит на нас из каждой составляющей мира, которая в данный момент в данной точке пространства и есть «всё». Живите же ради этого «всё», берите его и пользуйтесь им, наслаждайтесь им, пока оно здесь!”

Что же выносит наше поколение из книги Шиповника? Веру в себя и твердое знание того, что частное важнее общего и частность важнее общности. Не случайно историки характеризуют нас как поколение, назначившее своим богом — Частность». — *Л. Ю. Циферов. Шиповник цветет. Москва, Кремль, 2204, с. 666.*

и утрчн.>⁹⁰ <...> *кормить человека грудью*

⁹⁰ «Здесь перед нами случай самой сложной сигнатуры во всей книге Шиповника. Данная сигнатура свидетельствует о невыносимых муках слова, которые ученый испытывал, завершая свой великий труд. Он явно спешил поскорее закончить книгу, ибо застойные черные тучи уже сгущались над седеющей его головой. Мучительно рождавшаяся из-под его пера книга по каналам самиздата давно разошлась по России в частях — переписанная современниками от руки, перепечатанная на машинке, переснятая на некачественную советскую пленку... Шиповника знали в каждой семье.

Даже почерк ученого в этой последней, ударной, главе свидетельствует о торопливости: Шиповнику было явно не до каллиграфии. Ищущие правды уже толпились у его дверей, ловя каждый вздох ученого: от него и только от него ждали они истины, которой не могли сказать им другие — либо давно привыкшие к эпохе и стране и не желавшие ничего другого, либо томившиеся в тенетах времени, но не видевшие выхода. Мог ли Шиповник в этих условиях заботиться о разборчивости? “Нрзб.” так “нрзб.”: нет времени разбираться!

О понятности Шиповник не заботился тоже: он знал, что слово его найдет дорогу к сердцам современников — как бы наспех он ни формулировал последние абзацы своей книги, слово это пробьется сквозь толщу языка, пройдет сквозь досадные

смысловые неточности и раздражающие стилистические погрешности. Пусть на первый взгляд оно будет “нпнтн.” — уже на второй взгляд читатели поймут, какие чувства и мысли водят слабеющей рукою Шиповнике в проклятую эпоху “развитого социализма”!

Что касается “зчеркнт. и прчркнт. мнг. рз.”, то уж с этим-то все как раз яснее ясного. Советская цензура не дремала: она стояла на страже, только и дожидаясь какого-нибудь опрометчивого высказывания гения. Как на канате балансировал Шиповник на каждой своей строке, прекрасно отдавая себе отчет, что стоит ему оступиться — и прости-прощай, всё: свобода, семья, работа... А ведь он и так по самой дорогой цене оплачивал свое право говорить то, что думал: Шиповнику еле дали доучиться на философском факультете; его выбросили из аспирантуры — даже несмотря на то, что в качестве темы диссертации навязали тему о классиках марксизма-ленинизма; ему пришлось работать кем попало — от пожарного до портного, только бы сводить концы с концами; его выслали в далекий Нарьян-Мар; его покинули четыре жены; к нему приставили агента КГБ, который — вместе с соратниками — зачитывался рукописью “Всего”; его настигли чуть ли не все известные современной медицине болезни... Понятно, что каждую великую мысль свою ему приходилось взвешивать чуть ли не на аптекарских весах, по тысяче раз зачеркивая и перечеркивая написанное. Рукопись последней главы в книге Шиповника практически изорвана в клочья. Бумага истончена до состояния папиросной: прикоснись к ней — и она рассыплется в неосторожных руках.

Но как же оставить ищущих правды без правды? Как же оставить жаждущих без воды? Как оставить нагих без одежды? “Псл. чг. прпсн. знв.” означает “после чего переписано заново”. Поверх

зачеркнутого и многократно перечеркнутого возникали свежие строки, написанные кровью ученого. Строки о силе разума, о прекрасном и разнообразном мире, в котором так важно занять правильную, достойную позицию, о необходимости борьбы за каждого отдельного представителя человечества — каждую “частность” бездушного общества. Вымаранное создавалось заново — другими словами, смысл которых оставался прежним. Шиповник никогда не выражал общего мнения. Мнение его всегда было частным — не в смысле мнения “частного лица”, а в смысле мнения, не совпадавшего с мнением большинства. Он и каждого из нас призывал к тому, чтобы, не щадя живота своего, отстаивать собственное мнение и, если нужно, пасть на поле сражения с подавляющим всех и вся большинством.

“И утрачн.”: “И утрачено”... Как болит мое выдавшее виды сердце старого борца за естественные потребности человека, когда глаза читают это: “И утрачено”! Мало, мало сохранилось из наследия Шиповника, постоянно странствовавшего по свету, менявшего один угол на другой — в поисках покоя для завершения “Всего”, величайшего шедевра научной мысли. Неблагодарные потомки растащили еще ненаписанную книгу по листам — и ничего не сберегли. Сам же автор, рассеянный, как все гении, которых мне на своем веку пришлось повстречать немало, не хранил написанного. 90% “Всего” утрачено — мыслимое ли дело?

Увы, Шиповнику полной грудью не пришлось вдохнуть вместе с нами свежего ветра перемен. Не пришлось вслушиваться в частые капли звенящей надо всей обновленной страной оттепели. К началу перестройки ученый дышит уже туманным воздухом Альбиона: высланный из страны аморальной коммунистической кликой, он завершает пятнадцатую главу “Всего” на Западе — свой среди чужих, чужой среди своих. Чужие громогласно заявляют о своих

правах сначала на главу 15, а потом — и вообще на “Всё”. “Это наше «Всё»!” — как бы говорят они, в конце концов присваивая себе и самого художника. Заправляет ими якобы погибшая во время крушения “Титаника” *Фанни Волконская*, предводитель первой волны русской эмиграции на Западе. Словно паук, она начинает собирать всё, что имеет хоть малейшее отношение к судьбе Шиповника в России, создавая вокруг Шиповника легенду, в которой сама она предстает в выгодном свете — как верный друг и соратник Шиповника на протяжении долгой и безрадостной его жизни.

Однако новое правительство демократической России теперь уже трудно поставить на колени. В полный голос обращается оно к Западу: чужого нам, дескать, не надо, но и своего мы не отдадим! Шиповника вновь приглашают в Москву — и ученый со слезами принимает это приглашение. День его приезда празднуют как все-народный праздник. Его встречают плакатами: “Добро пожаловать назад, Шиповник!”, “Такие люди нужны стране”, “Только Вас нам и не хватало!” — и даже: “Шиповник или смерть!”. Ученого торжественно доставляют на новую квартиру, где все подготовлено для продуктивного труда, и дают ему в помощники светило отечественной науки и известного правозащитника — *И. Н. Валидова*. Однако мало кому известно, что тем же самолетом из Великобритании тайно прилетает *Фанни Волконская*, переодетая в мужское платье с глубоким декольте. Неузнанной проникает она в квартиру Шиповника, который как раз в этот момент решает прилечь после тяжелой дороги... Кровать Шиповника превращается для ученого в смертное ложе: взгромоздясь на него, *Фанни Волконская* душит Шиповника подушками, а при появлении обеспокоенного тишиной *Валидова* (Шиповник всегда громко кричал во сне) поднимается со смертного ложа светила русской науки, с дьявольским смехом выходит из комнаты и следует в Великобританию.

Безутешная Россия с почестями хоронит Шиповника в самом сердце Москвы, на Новодевичьем кладбище. День смерти ученого объявляют днем всенародного траура.

Между тем у себя на родине, в далекой Великобритании, *Фанни Волконская* в течение всей оставшейся жизни продолжает прилагать поистине титанические усилия к тому, чтобы подменить горькую правду о Шиповнике неправдоподобным мифом. Мы же, молодые ученые новой, демократической России делаем все возможное, чтобы воспрепятствовать искажению исторических фактов. Нам не нужен “житийный” Шиповник, чья бесцветная жизнь украшена выдуманными подвигами, — нам нужен живой Шиповник, Шиповник из плоти и крови — как вы или я. Ему, нашему Шиповнику, незачем рядиться в импортную мантию и шапочку: его реальная жизнь русского гения вполне заслуживает того, чтобы быть освещенной во всей ее полноте. Именно нам, молодым ученым нынешней России последнего десятилетия, прежде всего и принадлежат многочисленные труды о Шиповнике, написанные и опубликованные нами как совсем недавно, так и во все мрачные годы многолетнего застоя. Ибо Шиповник всегда был с нами (молодыми учеными — *примеч. ред.*) — и всегда вел нас (молодых ученых — *примеч. ред.*) на борьбу за свободное, демократическое общество, каким Россия является на сегодняшний день.

Россия свято блюдет заветы великого Шиповника. Она не идет по проторенному Западом “общему” демократическому пути. Она выбрала “частный”, характерный только для нее одной путь в будущее. И не надо обобщать нас — ни в общем рынке, ни в блоке НАТО: у нас, русских, своя правда. Мы ценим частное и, со всей очевидностью, предпочитаем его общему. Частность — наш Бог, но у нашего Бога человеческое имя — Шиповник. Мы не дадим обмануть себя абстрактными ценностями, ибо знаем:

Илл. 21. Урна с прахом Шиповника на Новодевичьем кладбище. Подлинник.
(Экспертиза качества праха — по многочисленным просьбам москвичей
и гостей столицы — каждый год проводится Фанни Волконской)

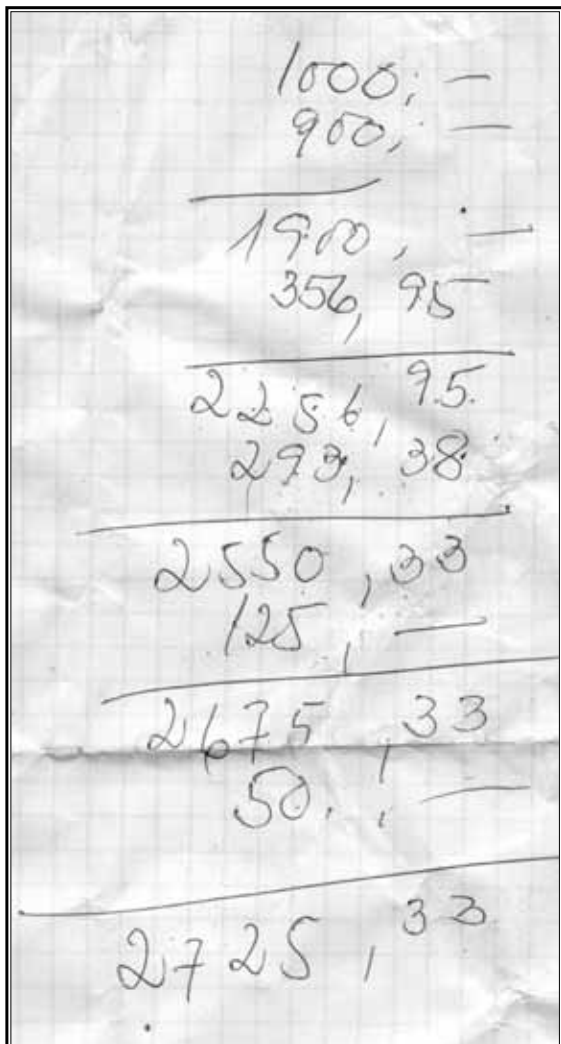
все в этом прекрасном и разнообразном мире непохоже друг на друга, каждая частность достойна особого внимания — и, глядя на нее глазами, полными слез, мы вслед за Шиповником, провозглашаем: это и есть наше “всё”». — *А. Н. Циферов*. Поколение Шиповника. Москва, Кремль, 2204, с. 666.

<сфрмлрвн. эзпвм язкм>⁹¹, и *этот* <...> *ребенок*

91 «Несмотря на то, что и вообще вся книга Шиповника написана эзоповым языком (кроме него, Шиповник, в сущности, не владел никаким другим), она близка и понятна каждому. Но при издании настоящей книги редактор решил отметить лишь один случай эзопова языка, а именно этот, в самом конце книги, где особенно отчетливо видно, что эзопов язык был фактически материнским языком Шиповника, в прямом смысле впитанным им вместо молока матери (Шиповник, как известно, был круглым сиротой; см.: К. Смородина. Шиповник в период беременности им. Материнск, Материнское кн.изд-во. 1993, с. 17). Мы считаем, что редактор принял правильное решение. Ибо в противном случае следовало бы либо дать к книге Шиповника общий подзаголовок — «На эзоповом языке», что, несомненно, отпугнуло бы часть читателей, которые не владеют этим — иностранным для большинства из них — языком, либо сопровождать соответствующей пометой каждый фрагмент книги Шиповника, что создавало бы известные трудности чисто технического порядка при восприятии текста как целого. Однако здесь сигнатура «сформулировано эзоповым языком» и впрямь как нельзя более на месте. Без нее было бы непонятно, почему в конце своей книги Шиповник говорит именно о материнском молоке. Ведь потребность в нем у большинства проходит еще в самом раннем возрасте. Что же спрятано здесь за сигнатурой «сфрмлрвн. эзпвм язкм»? Нам

удалось разгадать это. Дело в том, что грудное вскармливание благотворно влияет на здоровье человека не только в раннем возрасте, но и во всей последующей жизни, ибо грудное молоко обладает уникальными защитными свойствами. Впрочем, не вполне полагаясь на собственные знания в этой области, предоставим слово хотя бы одной мудрой женщине, которая в одной своей мудрой статье (2004) пишет: “Ребенок, находящийся на грудном вскармливании, реже болеет, заболевания у него протекают не так тяжело, редко возникают осложнения. Грудное молоко предупреждает возникновение аллергии, так как содержит иммуноглобулин А в большом количестве. Посредством сосания ребенок удовлетворяет не только пищевую потребность, но и сосательный рефлекс, формирующийся в утробе матери. Благодаря сосанию развиваются челюстной аппарат, мышцы рта и языка. В этом процессе задействованы все органы, активизируется и мозговое кровообращение. Грудное молоко включает в себя факторы роста, благодаря которым дети опережают в темпах роста и развития своих сверстников, находящихся на искусственном вскармливании. Благодаря грудному вскармливанию раньше формируются все системы организма, в том числе эндокринная и нервная, происходит опережение в интеллектуальном и эмоциональном развитии”. Тут у некоторых из читателей может возникнуть вопрос: а не лучше ли все-таки кормить ребенка сухими адаптированными смесями? Оказывается, нет, убеждает нас одна мудрая женщина, ибо “сухие адаптированные смеси всеми перечисленными свойствами не обладают. Доказано, что в грудном молоке содержатся вещества, которые не могут быть синтезированы искусственно. В сравнительных исследованиях выявлено, что у детей на искусственном вскармливании заболеваемость кишечными инфекциями в 10 раз выше, чем у детей,

Илл. 22. Смелые расчеты, произведенные Шиповником и выброшенные им в мусорное ведро. (Извлечено и разглажено И. Н. Валидовым)

Илл. 23. Окно, распахнутое руками самого Шиповника в юности и так и не запахнутое им до конца жизни. (Фотография считается чудотворной)

находящихся на грудном вскармливании, общими инфекционными заболеваниями — в 4,3 раза, аллергическим диатезом — в 4, анемией — в 3, рахитом — в 2 раза”. Вот от каких печальных последствий предостерегает нас великий Шиповник, завершая книгу (книгу Шиповника — *примеч. ред.*): будучи по причине сиротства физически и психически крайне нездоровым от рождения, он заботится о физическом и психическом здоровье будущих поколений, идущих ему на смену. Залог же такого физического и психического здоровья — именно в материнском молоке». — *София Лекарчик*. Грудное вскармливание при выращивании будущих читателей книги Шиповника. Херсон, София, 1989, с. 1.

<НЗКНЧ.>⁹²

⁹² «Вот что рассказывает в этой связи *Галина Бланка*: «Мы сами не местные — и видели Шиповника при его и нашей жизни только один раз, когда ученый, вернувшись в Россию после долгих лет изгнания, уже на следующий день был в качестве почетного гостя приглашен на МОЛОКО / Международный Олонецкий Конгресс по проблемам искусственного интеллекта (у Шиповника, как известно, от рождения был искусственный интеллект — *примеч. ред.*). В своей пламенной речи в адрес участников конференции он много говорил о грядущих поколениях. У всех у них, по бесспорному мнению Шиповника, будет искусственный, как и у него самого, интеллект, который даст им наконец возможность понять его бессмертную книгу. Ученый даже предупредил присутствовавших, чтобы они не понимали его бессмертную книгу сейчас, поскольку им это все равно не удастся. По окончании своей пламенной речи он спустился в зал и схватил там ребенка, сидевшего на коленях у молодой матери. От неожиданности дитя и мать сначала горько расплакались, но, поняв, в чем дело, радостно рассмеялись. Оказалось, что данный младенец просто нужен был Шиповнику как конкретный пример. Подняв ребенка высоко над головой и чуть не уронив его оттуда (у Шиповника на момент конференции практически уже не осталось сил, так как он был при смерти), ученый поставил ребенка на кафедру и, мягко придерживая его одной рукой, другой — соблюдая меры

предосторожности — похлопал ребенка по телу (грудные дети бессознательно обожают такие похлопывания, видя в них проявления ласки — *примеч. ред.*). “Гу-гу”, — сказала довольное дитя в микрофон. Тут Шиповник снова схватил его и, спустившись в зал, опять усадил на колени растроганной матери. Вернувшись к микрофону, ученый спросил присутствующих: “Как вы переведете то, что сказал ребенок, на ваш материнский язык — я не имею в виду эзопов?” Публика засмушалась, многие покраснели до корней волос: они не знали, как ответить на вопрос Шиповника. “Вот то-то и оно! — возликовал Шиповник. — Вы даже не можете понять того, что сказал этот ребенок, а хотите понять мою бессмертную книгу! На это у меня только один ответ: «Гу-гу!»” Когда Шиповник покидал кафедру, в зале долго не смолкали продолжительные аплодисменты. На глазах мужчин выступили слезы, женщины истерически рыдали. Шиповник, за всю свою долгую жизнь привыкший к подобным проявлениям чувств в свой адрес, сидел на сцене и улыбался. Потом поднялся и отправился восвояси в направлении кулис. “Вы куда, маэстро?” — крикнул какой-то невежа из президиума. Обернувшись, Шиповник спокойно взглянул ему (невеже — *примеч. ред.*) в глаза и с присущей ему (Шиповнику — *примеч. ред.*) простотой сказал так, чтобы его (Шиповника — *примеч. ред.*) услышали все: “В туалет”. — *Галина Бланка. МОЛОКО у всех на устах. — Международный Олонекский Конгресс по проблемам искусственного интеллекта /МОЛОКО: Доклады, сообщения, воспоминания. Олонек, т. XVIII, s. a. (указание года издания на обложке отсутствует — примеч. ред.), с. 111.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Добавить к сказанному в этой книге (книге Шиповника – *примеч. ред. ред.*), мне остается немного.

Прежде всего хотелось бы выразить надежду на то, что, предоставляя комментарии для следующего издания книги (книги Шиповника – *примеч. ред. ред.*), исследователи возьмут на себя труд проверять точность цитат, имена авторов цитируемых ими книг, годы и места их (книг – *примеч. ред. ред.*) издания, а также номера страниц, на которые они (авторы – *примеч. ред. ред.*) ссылаются. Такого безобразия в оформлении библиографического аппарата книги, с которым

мне (ред. – *примеч. ред. ред.*) пришлось работать на сей раз, я (ред. – *примеч. ред. ред.*) больше не потерплю.

От себя же (ред. – *примеч. ред. ред.*) скажу, что, читая эту книгу (Шиповника – *примеч. ред. ред.*), посвященную частностям в составе «Всего», мне пришла на память старинная поговорка (синтаксически правильно: «я вспомнила старинную поговорку»; ср.: известный чеховский пример: «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа» – *примеч. ред. ред.*).

Поговорка гласит: «Der Teufel sitzt im Detail», что в переводе на материнский язык читателя означает: «В любой частности скрыт дьявол».

Редактор издания, Т. Е. Черткова

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПИСКИ

<i>стр.</i>	<i>написано</i>	<i>следует читать</i>
11	хорёк	орёл
12	орёл	хорёк
16	трусости	смелости
	подлости	честности
	вонь	благоухание
28	муха	слон
34	глупым	умным
40	лейбориста	консерватора
	консерватора	лейбориста
53	большинства	меньшинства
58	дикое	цивилизованно
67	комично	трагично
87	к лучшему	к худшему
95	жизнь	смерть
118	горькие	сладкие
126	ядом	медом
131	легким	тяжелым
151	светлый	темный
158	далекого	близкого

ОПИСАННЫЕ ЗАМЕТКИ

- с. 10, 45, 46, 68, 87, 99, 107, 111 раздел, разул
с. 40 гида Мопассана
с. 45, 76 тени забитых предков
с. 61 какой же мертвый
не любит быстрой езды!

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23

